

Crème de la Crème

Гертруда Стайн

ВОЙНЫ, КОТОРЫЕ Я ВИДЕЛА

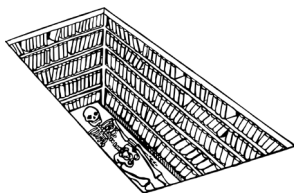
Перевод с английского Ильи Басса

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 США

36†

Gertrude Stein
Wars I Have Seen

Редактор: Анастасия Грызунова
Обложка: Алексей Кропин
Верстка: Сергей Фёдоров
Корректор: Дмитрий Волчек
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

*В оформлении обложки использована
фотография Роберта Капы
«Американские солдаты во Франции», 1944*

© Random House, Inc., 1945
© И. Басс, перевод, предисловие, 2015
© Kolonna Publications, 2015

ISBN 978-5-98144-210-0

Содержание

Илья Басс.

Привилегированные незнакомки.
Гертруда Стайн и Элис Токлас
в годы Второй мировой войны, 7

Победитель проигрывает.
Картина оккупированной Франции, 23
Войны, которые я видела, 61

Эпилог, 423

Мы возвращаемся в Париж, 442

Привилегированные незнакомки Гертруда Стайн и Элис Токлас в годы Второй мировой войны

Чудная картина – быть американцами, жить во Франции и иметь постельщиками вражеских офицеров. 7

Гертруда Стайн
«Войны, которые я видела»

Когда заходит речь о жизни Стайн и Токлас в период Второй мировой войны, неизбежно возникает вопрос: как удалось двум женщинам – еврейкам, лесбиянкам, а с момента вступления США в войну против Германии и представителям вражеского государства – выжить в условиях нацистской оккупации. Частично ответ можно найти в произведении Стайн «Войны, которые я видела». Но только частично. О многом писательница умолчала, и потому представляется необходимым подробнее описать период жизни обеих женщин в 1939–1944 годах, для чего придется оглянуться на 70 лет назад.

С нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года Англия и Франция, связанные с Польшей договором о дружбе и взаимопомощи, объявили войну Германии. Но никаких во-

енных действий на границе Германии и Франции не предпринималось – на западном фронте было затишье. Продолжалось оно около девяти месяцев и известно в истории как «сидячая» или «странная» война. Лишь закончив военную кампанию в Скандинавии, Гитлер обратил свой взор на страны на Западе.

8 Покорив Бельгию и Голландию, 10 мая 1940 года немцы начали наступление на Францию, и сразу же стал очевиден ее неминуемый коллапс. Предвидя неизбежный разгром, кабинет министров пришел к решению о необходимости перемирия.

Франция сдалась на милость победителя 22 июня 1940 года, оставив своего союзника Англию в одиночестве. Незадолго до капитуляции президент Франции Альбер Лебрен назначил премьер-министром 84-летнего маршала Петена¹ взамен ушедшего в отставку Поля Рейно.

Петен, герой Вердена, получил неограниченную власть и превратил правительство в группу коллаборационистов, сотрудничавших с режимом Гитлера.

По условиям перемирия Франция была разделена на две зоны – оккупированную (северо-западную часть, включая Париж) зону

1 Анри-Филипп Петен (Henri Philippe Pétain, 1856–1951) – французский военный и государственный деятель, маршал Франции. Поль Рейно (Paul Reynaud, 1878–1966) – французский премьер-министр Франции в период с 21 марта по 16 июня 1940 г. – *Здесь и далее прим. пер.*

и юго-восточную, неоккупированную, иногда называемую «свободной» со столицей в городе Виши, куда и переехало правительство Петена. При этом считалось, что оно распространяет свою юрисдикцию на всю территорию государства.

До ноября 1942 года южная зона оставалась единственным укрытием для антифашистов, евреев и беженцев из других стран. Кроме того, там долгое время сохранялась возможность полулегального и нелегального выезда из страны – либо морским путем, либо через Испанию и Португалию.

На официальном уровне американское правительство несколько раз предлагало своим гражданам покинуть Францию (меморандум от 24 августа 1939 года и обращение от 4 мая 1940-го).

Оба раза Стайн и Токлас, жившие тогда в летней резиденции в Билиньине², игнорировали эти призывы. В письмах Ван Вехтену и Торнтону Уайлдеру Гертруда описывает атмосферу Билиньина как «пасторальную», «безмятежную». Письма содержат приглашения посетить Билиньин, будто ничего в Европе не происходило. Рассматривалась даже возможность организации тура по Америке с циклом лекций о Франции, и Стайн интересовалась, сможет ли она вернуться во Фран-

2 Билиньин (*Bilignin*) – деревушка вблизи города Белле во Франции, департаменте Эн, в регионе Рона-Альпы.

цию после тура. Более всего в этот период ее интересует передача на хранение в библиотеку Йельского университета своих рукописей и корреспонденции. Ну и, конечно, судьба публикаций. В предвоенные и первые военные годы, 1939–1941, она много работала и через своих друзей-американцев пыталась передать рукописи в американские издательства для печати.

К 1940 году относится эссе «Победитель проигрывает. Картина оккупированной Франции». В нем Стайн описывает сложившуюся во Франции ситуацию после перемирия, излагает свои размышления касательно необходимости отъезда. Там же упоминается разговор с местным доктором Шабу, который вроде бы поставил точку в ее сомнениях касательно переезда. «Всё, мы остаемся!» – заявила Стайн. Возможно, доктор Шабу и повлиял на ее решение (судя по ее словам, решение принимала она одна), но имелись и другие, более основательные причины, о которых Стайн умалчивает.

Начать следует с простого факта: сниматься с насиженного места пожилым людям вообще нелегко, но таким фигурам как Стайн – особенно. Во Франции американская писательница была одним из центров культурной жизни Парижа, в Америке она явно утратила бы свой особый статус. Другое обстоятельство: в США (а это была, по-видимому, единственная в то время страна, куда обе женщины могли податься) Великая депрессия к 1939 году,

хотя и прошла свой пик, все еще давала о себе знать. Какое место занимала в списке препятствий, рассматриваемых Стайн, изменившаяся политическая и социальная атмосфера в США, догадаться несложно: к 1935 году в стране главенствовал консерватизм, вновь начали превалировать викторианские ценности, ужесточились моральные нормы, а против гомосексуалов был принят ряд законов, один из которых приравнивал гомосексуальность к психической болезни. От своих друзей – Торнтон Уайлдера, Вирджила Томсона, Сэма Стюарта и других – женщины знали о социальных проблемах людей с нестандартной сексуальной ориентацией.

II

Непредсказуемой оставалась бы и судьба картин на улице Кристин, хотя в коллекции и не было произведений так называемого «дегенеративного» (по геббельсовской терминологии) искусства.

Вполне достаточно оснований для глубоких сомнений в целесообразности отъезда из билингвистского захолустья. Но какие гарантии безопасности были у обеих женщин, если они решили остаться? Главное, конечно – нейтралитет Соединенных Штатов до декабря 1941 года, то есть до нападения Японии на Пёрл-Харбор. Стайн по наивности или неведению не верила в возможность прямого участия США в европейском театре войны. Этого мнения придерживался и Бернар Фай, близкий друг Гертруды с 1926 года, человек со свя-

зями в высших правительственных кругах. Профессор Бернар Фай прекрасно ориентировался в американской политике и литературе, неоднократно бывал в США с лекциями, переводил на французский произведения Стайн и способствовал их публикации. Убежденный роялист и монархист, он заметно повлиял на мировоззрение Гертруды, и до того бывшей заядлым консерватором: известны ее симпатии к Гитлеру в середине 1930-х годов.

Повлияли на ее умонастроение и высокопоставленные друзья-консерваторы из местной аристократии – с некоторыми она даже сотрудничала: барон и баронесса Диана и Робер д'Эгю, графиня Элизабет де Клермон-Тоннер, популярный католический писатель Даниэль-Анри Ропс, лионский промышленник Поль Женен.

После перемирия в июне 1940 года Петен назначил Фая директором Национальной библиотеки в Париже – должность, равная по значению министру в правительстве. По словам самого Фая, он еженедельно приезжал в Виши для доклада главе правительства. Фай сыграл неблагоприятную роль в разгроме французского масонства, охотно предоставляя нацистам все архивные материалы по масонскому движению. По утверждению Барбары Уилл, он был агентом влияния немецких властей и пользовался их расположением³. Несомненно, он ре-

3 19 августа 1944 г. Фай был арестован за сотрудничество с немцами и приговорен к тюремному за-

комендовал Стайн остаться, обещая всяческое содействие.

Благодаря Фаю Стайн была предназначена роль переводчика речей Петена на английский – Петен намеревался снискать благорасположение американцев, с которыми у Виши в ту пору еще существовали дипломатические отношения. Сама Стайн, как и многие французы, полагала Петена спасителем Франции. Известно, что Стайн успела написать предисловие, перевести пару десятков речей и статей (из 32-х), но публикация их не состоялась. Пока шли переговоры, подготовка контракта, Америка вступила в войну и стало не до перевода. В архиве Стайн сохранились несколько папок с черновиками. После смерти писательницы многие упрекали ее за сотрудничество с вишистским правительством. Думается, упреки эти не вполне обоснованы: такое сотрудничество служило дополнительной гарантией безопасности обеих женщин.

13

В книге *Les Précieux* Фай уделил Гертруде Стайн главу под названием «Запах розы», где утверждал, что помогал Стайн и добился проекции для нее у Петена. По его словам, Стайн также попросила его проследить за коллекцией картин, оставленных в парижской квартире на улице Кристин.

ключению, но в 1951 г. с помощью друзей бежал в Испанию, а затем в Швейцарию. Продав несколько карандашных рисунков Пикассо, Токлас спонсировала его побег.

Был еще один человек, утверждавший, что хлопотал за Стайн и Токлас, – хороший их знакомый, художник сэр Фрэнсис Роуз, которого обе женщины опекали как родного сына. Большинство серьезных биографов Стайн отбрасывают его свидетельство как апокриф, но, может быть, и есть доля правды в истории, изложенной в его мемуарах «Рассказывая о жизни», вышедших в 1961 году. Сэр Фрэнсис Роуз на последней странице повествует о том, что незадолго до начала войны встречался с Германом Герингом, с которым был близко знаком и который якобы обещал ему безопасность Гертруды Стайн и Элис Токлас. Если верить Фрэнсису Роузу, «...обещание он сдержал, как поступал всегда в подобных случаях».

С начала войны Гертруда и Элис появились в своей парижской квартире лишь на двое суток – запастись зимней одеждой. Квартира была заперта и оставлена на попечение друзей.

В мае 1941 года американская фотожурналистка Тереза Бонне посетила Стайн и Токлас в Билиньине и в июле 1942 года в журнале *Vogue* опубликовала статью «Гертруда Стайн во Франции». Бонне писала: «В башне из слоновой кости она живет, отгороженная от своей деревни, своей любимой Франции металлической калиткой: крестьяне приходят побеседовать к ней отовсюду. И она полностью оторвана от эфемерной ныне политики Франции».

Не совсем так. Вплоть до конца 1942 года Стайн, несмотря на свое уединение в Билиньине, регулярно получала письма и денежные переводы из Америки, хотя порой и окольными путями. А затворничество только способствовало всплеску ее творчества. Уже упоминался небольшой очерк «Победитель проигрывает». В этот же период написан другой очерк «Париж, Франция», в мае–июне 1940-го закончена новелла «Ида». В 1941–1942 годах Стайн упорно работала над длинным романом «Миссис Рейнольдс». В сентябре 1942-го в письме к Уайлдеру она сообщала, что начала и почти закончила книгу для детей «Алфавиты и дни рождения».

Легко представить, что живя в свободной зоне, да еще под опекой Виши, Стайн и Токлас в первые годы войны (1939–1942) чувствовали себя вполне благополучно. В «Войнах, которые я видела», говоря о разнице жизни в обеих зонах, Стайн заметила: «Мы были вполне свободны». Свободны, увы, до ноября 1942 года.

В ноябре 1942-го Америка вступила в войну на стороне союзников, высадив свои войска в Северной Африке. В то же время германские войска оккупировали свободную зону Франции. Обе женщины в одночасье превратились в представителей вражеской державы, переписка с друзьями и денежные поступления прекратились. Гертруда и Элис оказались отрезанными от остального мира. Власть Петена стала номинальной. В южной, прежде сво-

бодной зоне вступили в полную силу законы Германии, на первых порах введенные только в оккупированной зоне. Антифашисты, евреи, участники освободительных движений Италии и Испании перешли на нелегальное положение, зачастую скрываясь в небольших деревушках. Известны случаи, когда местное население привечало таких людей. Но многие домовладельцы, сдававшие квартиры евреям, испугались и попросили своих квартирантов выселиться. Так, скорее всего, получилось и со Стайн (другой известный случай – Генрих Манн, которого владелец квартиры выселил, сославшись на то, что она теперь предназначается для немцев). Владельцы билиньинского дома потребовали его освободить, не объяснив причины, и женщинам пришлось покинуть любимое обиталище, где они жили летом и осенью с 1930 года. Стайн попыталась было оспорить решение и отправилась к адвокату, но получила от него неожиданную новость. По поручению бывшего субпрефекта в Белле Мориса Сивэна, работавшего теперь в Виши, адвокат передал рекомендацию немедленно покинуть Францию, перейдя границу со Швейцарией, иначе неизбежно заключение в концлагерь. И вновь Стайн не решилась уехать. Тут-то и пригодились ее местные друзья – они нашли особняк в соседнем городке Кюлозе, оживленной железнодорожной станции в предгорье Альп, в 10 км от Билиньина. Хозяйка особняка с началом войны уехала,

в доме остались жить лишь служанки – две одинокие сестры. Чем мог помочь в ту пору Бернар Фай, неизвестно, но мэр Кюлоза и начальник полиции знали о двух американках. Остальное население воспринимало их, по выражению Стайн, как *favored strangers* – приятные, симпатичные незнакомки. После ухода немцев (ноябрь 1944-го) в беседе с журналистом Эриком Севаридом Гертруда сказала, что мэр Кюлоза, как и все жители деревни, прекрасно понимая, кто такие эти новые обитательницы, сведения эти держали в секрете. Опять-таки спасибо друзьям: благодаря им женщины получили швейцарские документы на временное проживание во Франции («швейцарцы умеют успокаивать»).

17

Несмотря на потерю связи с окружающим миром, Стайн не прекращала литературной работы. Кое-что переводилось на французский благодаря Мэй д'Эгю. Знакомый с довоенных времен Рене Тавернье, став издателем журнала *Confluences*⁴, осмелился напечатать несколько небольших работ Стайн, включая отрывки из «Автобиографии каждого». Но после оккупации всей территории страны появился так называемый «список Отто Абетца» – список еврейских авторов, чья публикация во Франции запрещалась. Тавернье оповестил об этом Стайн письмом от 7 августа 1943 года.

4 «Слияния» (фр.).

В августе 1944 года наступило долгожданное освобождение. Среди первых журналистов, посетивших Стайн, был Эрик Севарид, оставивший воспоминания о встрече, – он и сообщил в Америку, что нашел Стайн. Другой журналист, Фрэнк Жервази, отправлялся в США, и Токлас спешно заканчивала печатать «Войны, которые я видела», чтобы передать с ним новую рукопись издательству *Random House*. Стайн и Токлас вернулись в Париж в декабре 1944 года, а в 1945-м книга вышла в США и в Англии.

«Войны, которые я видела» Стайн начала писать, по-видимому, в начале 1943 года и окончила, как следует из текста, с появлением первых солдат-американцев в Кюлозе. Задумывалась книга как очередная автобиография. Свидетельством тому сохранившиеся в архиве варианты заглавия, среди которых есть и такие: «Военная автобиография Стайн», «Моя эмоциональная автобиография». Первые несколько десятков страниц, где Стайн описывает свои ощущения и события детства и юности (переломным возрастом она полагает 14–15 лет), содержат рассуждения о войне и восприятие войны молодой девушкой. Эти страницы выглядят вполне автобиографичными. Много внимания уделяет Стайн сравнению двух мировых войн. По ее мнению, только Вторая мировая война покончила с ментальностью XIX века.

Ближе к середине тон и характер повествования меняются, и текст приобретает форму практически дневниковых записей, утрачивая классический автобиографический характер.

Все повествование пропитано беспокойством и даже страхом. Неслучайно Стайн сравнивает происходящие события со Средневековьем. Читатель заметит, что Стайн не высказывает своей политической позиции прямо, хотя последняя, вероятно, меняется и ближе к окончанию оккупации отчасти утрачивает консерватизм (характерен спор с реакционно настроенной соседкой). Из неуверенности (или осторожности) она воздерживается от оценки действий бойцов французского Сопротивления *маки*, именуя их большей частью «горными парнями». Слово «маки» появляется у нее лишь на 204 с., когда освобождение уже не за горами. Понятно, что Гертруда и Токлас пытались раствориться среди местного населения, были осторожны в разговорах, сторонились незнакомых людей. Тем не менее, писательница замечательно иллюстрирует многообразие переменчивого французского общественного мнения, рассказывая массу историй и слухов, кочевавших среди населения. Сложнее объяснить увлечение Стайн предсказаниями святой Одиллии, разве что дополнительной попыткой приспособиться к ментальности местного населения.

Впрочем, это только предположения, но читателю «Войн, которые я видела» придется немало додумывать.

Эссе «Победитель проигрывает: картина оккупированной Франции» рисует жизнь страны после перемирия в период «странной» войны 1939–1940 гг. Предварительное название «Воскресенья и вторники» было заменено редактором, текст впервые опубликован в ноябре 1940 года в журнале *Atlantic Monthly*.

В 1945 году лондонское издательство *B. T. Batsford, Ltd* опубликовало в одном томе «Войны» и «Победитель проигрывает», что тематически оправдано. Оба произведения вполне можно рассматривать как третью, заключительную часть автобиографической трилогии Гертруды Стайн, начавшейся с «Автобиографии Элис Б. Токлас» и продолженной «Автобиографией каждого».

Илья Басс

Литература

Will B. Unlikely Collaboration. Gertrude Stein, Bernard Faÿ and the Vichy Dilemma Question. Columbia University Press, New York, 2011.

Faÿ B. Les Précieux. Librairie académique Perrin, Paris, 1966.

The Letters of Gertrude Stein and Carl Van Vechten, 1913–1946. New York, Columbia University Press, 1986.

The Letters of Gertrude Stein and Thornton Wilder,
v. 2. New Haven, Yale University Press, 1996.
Saying Life. The Memoirs of Sir Francis Rose. Lon-
don, Cassell, 1961.
Bonney T. Gertrude Stein in France. *Vogue*, Ju-
ly 1, 1942.
Басс И. Жизнь и время Гертруды Стайн. М.:
Аграф, 2013.

Победитель проигрывает Картина оккупированной Франции

I

23

После обеда мы гостили у наших друзей, мадам Пьерло и семейства д'Эгю, в сентябре 1939 года, когда Франция объявила войну Германии – но Англия объявила войну первой. Все были расстроены, но полны надежд, я же ужасно перепугалась, я ведь была уверена, что война не разразится, а она уже здесь, это война, и я устроила сцену, вскричала: «Они не должны были этого делать! Они не должны были!» Мои собеседники были доброжелательны, я извинилась, попросила прощения, но было ужасно, меня утешали – они, французы, у которых столько на кону, и я, у которой на кону сравнительно мало.

Это было воскресенье.

Затем наступило другое воскресенье, и мы снова очутились в Беоне, вступила в войну Россия⁵, Польша раздавлена, она меня не интересовала, но что будет с Францией? О боже, это было еще одно воскресенье.

5 Имеется в виду вторжение Советского Союза в Балтийские страны и Польшу.

А затем мы приготовились к просто удивительной зиме.

Мы не догадывались, что останемся на всю зиму. Нет никакой возможности согреть такой каменный дом, разве только камином, дом в горах, много снега, холодно, но постепенно мы устроились. У нас был уголь для кухонной плиты, один камин мы почти все время топили, 24 днем и ночью, дров с избытком, мы ведь жили в лесистых горах и постепенно привыкли к зиме. Совершили единственный 48-часовой набег в Париж, чтобы запастись зимней одеждой, устроить остальные дела, и вернулись.

Эти несколько часов в Париже убедили нас в том, что в войну деревня лучше, чем город. В деревне производят продукты питания для собственных нужд, их очень трудно реквизировать, особенно в горах, поэтому в избытке и мяса и картофеля и хлеба и меда, был сахар и даже лимоны и апельсины, фиги, сколько нужно; туговато с бензином для машины, но мы научились обходиться и устроились вполне комфортабельно и приятно в ту волнительную зиму.

С детства в Калифорнии я не зимовала за городом, в настоящей деревне, и мне понравилось – много снега, полная луна, и еще мне пришлось пилить дрова. Требовалось много дров, а мужчин для этой работы не было; каждый день я и Баскет II, наш новый пудель⁶,

6 Первый пудель (Баскет I) умер в 1938 г.

подолгу гуляли и днем и вечером, я бродила по окрестностям в темноте – из-за светомаскировки, понятно, света нигде не было, а у солдат на фронте шла какая-то война с краснокожими⁷, – всю зиму меня интересовало, как можно незаметно подобраться в темноте, мне ведь было видно всю дорогу целиком и поля по обе ее стороны, какая бы темнота их ни окутывала.

Вокруг нас собралось немало людей, внезапно вынужденных зимовать в деревне, так что общения было достаточно, все обсуждали войну, хоть и не так уж часто, мы взяли напрокат радиоприемник, регулярно его слушали, но тоже не так уж часто, и, увы, вскоре зима закончилась.

Я запаслась детективами и приключенческими романами, в Эксе и Шамбери их было в достатке, я покупала книги каждую неделю, а по соседству, в Йене жила семья англичан, у них тоже были книги, и мы обменивались.

Одну из их книг я называла библией, книгу по астрологии «Последний год войны», автор – некий Леонардо Блейк⁸. Свой экземпляр я сожгла в день подписания перемирия, но до того она служила большим утешением для всех нас.

7 Стайн имеет в виду «странную» войну, девяносто-месячный перерыв с момента объявления войны до активных военных действий, начавшихся в мае 1940 г.

8 Имеется в виду книга «Последний год войны и после» (The Last Year of War and After. Andrew Dakers, 1940), полная астрологических предсказаний.

Постепенно пришла весна, ранняя, приятная, все деревенские мужчины отправились на сельскохозяйственные работы, все вернулись домой на месяц, мысли о войне никого особо не отягощали, никто о ней не говорил и никто, казалось, не думал, что она случится. Каждый день мы копались в садах и в поле, и так прошли весь март и апрель.

26

Стало заметно политическое брожение, да и некоторая тревога поселилась, а Поль Рейно начал намекать, что, как выражались в деревне, больше не будет воскресений. Работники почтовой службы первые лишились выходных. В деревне шутили: «Поль Рейно говорит, что больше не будет воскресений». Поскольку в деревне, когда полно работы, работают и по воскресеньям, так они шутили с детьми и молодежью: «Поль Рейно говорит, что воскресений больше не будет». К тому времени все, у кого был сельскохозяйственный отпуск, снова уехали, и апрель почти кончился.

Книга астрологических предсказаний все это предсказала, так что мы все были вполне удовлетворены.

Кроме астрологических предсказаний были и другие, но особенной популярностью на селе пользовались предсказания кюре д'Арса. Селение д'Арс расположено в нашем же департаменте Эн, а этот кюре, умерший 80 лет назад, возведен в сан святого; он предсказал, что в нынешнем году случится война и женщинам придется сеять в одиночку, но к уборке урожая война окончится, и мужчины вернуться

домой; поэтому, когда Элис Токлас порой беспокоилась, что придется жарким летом по вечерам держать ставни закрытыми, я ее успокаивала: «Не волнуйся, война к тому времени окончится; не могут же они все ошибаться».

Так прошли март и апрель. Мы копались в саду, в Белле квартировали солдаты, 13-й полк альпийских стрелков и Иностраннный легион готовились к отправке в Норвегию; Сэмми Стюарт на Пасху прислал нам подарок, американский миксер, его мы использовали для приготовления пирожных, которыми потчевали солдат и гостей, и так протекало время. Затем начались неприятности, сменилось правительство – книга это предсказывала, так что нормально, – солдаты отправились в Норвегию; у нашей помощницы и приятельницы мадам Ру в Анси умирал от менингита единственный сын, солдат, разумеется, и мы обо всем забыли на две недели, а когда опомнились, оказалось, что все не очень-то хорошо.

Книга предсказаний утверждала, что май – начало конца нацистов, и определила даты. Все они выпадали на вторники – ну, в основном на вторники, – и они должны были для нацистов оказаться скверными. Каждый день перед сном, лежа в постели, я сверялась с книгой, мне звонили, что там говорится в книге, какие даты важны, и вот этот месяц начался.

На даты из книги с абсолютной точностью пришлись важные события.

Первым стала атака немцев в новолуние, седьмого, и произошла она во вторник.

Начались вторники.

Все притихли; высказалась только жена одного из богатейших фермеров и советника нашего городка. Она всегда говорила: «*Ils avancent toujours, ces coquins-lá*» – «Негодяи постоянно продвигаются».

Сказать больше нечего было, да никто ничего не говорил, а затем немцы взяли Седан.

28 До того дурной поворот, что все замолчали, просто здоровались, говорили о погоде и всё, сказать было нечего.

В пять лет я ходила в школу в Париже, всего через десять лет после франко-прусской войны и разгрома, начавшегося с поражения под Седаном, и когда мы в детстве раскачивались на цепях ограждения Триумфальной арки, нам говорили, что цепи повесили, чтобы никто не проехал под аркой, как немцы, и поэтому слово «Седан» наполнило меня ужасом, как и всех вокруг, никто не промолвил ни слова. Французы – народ разговорчивый, вежливый, но когда нечего сказать, они и не говорят ничего. А сказать было нечего.

Дальше генерала Вейгана⁹ назначили главнокомандующим французской армией, и он заявил, что, если смогут продержаться месяц, все будет в порядке. Никто ничего не сказал, никто не упоминал Гамелена¹⁰, никто.

9 Максим Вейган (Maxime Weygand, 1867–1965) – французский военный деятель.

10 Морис Гюстав Гамелен (Maurice Gamelin, 1872–1958) – французский генерал, главнокомандую-

Я как-то заметила в разговоре с одним крестьянином, что нос у Гамелена чересчур короток, с таким носом из него не выйдет хороший генерал, во Франции нужен настоящий нос, и крестьянин рассмеялся; не было никаких секретов, просто нечего сказать.

У нас завелась привычка раз в неделю отправляться в Шамбери за покупками; обычно по вторникам, удобно во многих отношениях; итак, был вторник, а хорошего настроения не было ни у кого. Мы зашли в кафе попить, мне минеральную воду и ананасовый сок для Элис Токлас, и услышали радио. «Что в новостях?» – спросили мы машинально. «Амьен пал», – ответила девушка.

«Не будем этому верить, – сказала я, – ты же знаешь, они сами толком не понимают, что слышат». Мы направились к газетному стенду, а там ничего похожего не сообщалось. Мы сказали девушке-управляющей: «Знаете, в городе сообщают ложные сведения; нам сказали, что взят Амьен». «Нет, – ответила она, – но я пойду и уточню». Она вернулась с ответом: «Да, это правда».

Мы прервали наши покупки и поторопились домой.

Вот тут-то и началась череда вторников, и Поль Рейно трагически объявлял, что должен сообщить нам нечто серьезное.

Это и был тот вторник.

щий французской армией в начале Второй мировой войны.

А в следующий вторник случилось предательство бельгийского короля.

И Рейно всегда объявлял в одной и той же манере, всегда одним и тем же тоном.

С тех пор я никогда радио не слушала.

Стало так ужасно, что стало потешно.

30 Не так уж потешно, конечно, но всем очень хотелось знать, что еще серьезного у Поля Рейно припасено на следующий вторник.

И он кое-что припас.

«О, боже, что за месяц май!» – Так и слышу голос Поля Рейно.

Маленькая внучка мадам Пьерло сказала, что не надо волноваться, май – месяц Девы Марии¹¹, и все, что начинается в этом месяце, не может окончиться плохо; книга пророчеств предсказывала каждую дату, совершенно точно. Я читала ее на ночь регулярно, ошибки не было, но автор утверждал, что каждый день – шаг к разрушению Третьего рейха, а вот по-ди ж ты. Я по-прежнему верила, но вот ведь как, вторник за вторником; даты совпадали, но боже мой!

Конечно, по мере неуклонного продвижения врага бомбежки и высадки парашютистов стали активнее. Мы привыкли не заботиться об электричестве и беспечно разгуливали по деревне, но тут со светом стало строго, и мы сидели по домам.

11 Католическая церковь особо чествует Пресвятую Деву Марию в мае.

В начале мая я начала писать книгу для детей, книги об алфавите с рассказами для каждой буквы и книгу о днях рождения – в каждом рассказе должен быть день рождения – и поступила так, чтобы отвлечься от войны, сосредоточиться только на рассказах для этой книги. Гуляя днем, я сочиняла истории, вечерами разгуливала по террасе и сочиняла истории, отправлялась спать и сочиняла истории, и мне с успехом удавалось отвлечься от войны, за исключением трех раз в день, когда передавали коммюнике по французскому радио, от чего у меня внутри все обрывалось, и хотя спала я хорошо, каждое утро просыпалась со странным ощущением под ложечкой.

Из оставшихся крестьян сформировали вооруженную ночную охрану, готовую стрелять по парашютистам, если появятся. Наш местный полицейский, полицейский Белле, живет в Билиньине, у него есть современное антипарашютное ружье. С ружьем он смотрит не очень-то воинственно, и я спроси-

ла: «Что вы с ним собираетесь делать?» А он ответил: «Я... я не боюсь». Французы народ не трусливый, но любят покой и обычную размеренную жизнь. Поэтому никто не говорил о войне; нечего о ней сказать. Говорили о парашютистах, Италии, и это естественно, мы как раз в уголочке, окаймленном Италией и Швейцарией.

32 Женщины, да, упоминали: «Они продвигаются каждый день, негодяи», – но мужчины помалкивали. Даже не печалились; просто ничего не говорили.

Месяц заканчивался; однажды в воскресенье я вышла с Баскетом на прогулку перед обедом и, поднимаясь на холм, увидела Эмиля Россе и его жизнерадостного помощника, который служил уже двадцать пять лет, был отмечен правительственной наградой за преданную службу на ферме и, несмотря на это, выглядел очень молодым и полным жизни, оба куда-то указывали: «Мадмуазель, мадмуазель! Видите?» «Что?» – спросила я. «Самолеты, вражеские самолеты. Вон они, прямо за облаками!»

Ну, я их так и не увидела; они скрылись за облаками.

Их было восемь, сообщили мне, и летели неторопливо.

Прямо перед нашей террасой гряды холмов; за холмами течет Рона, оттуда они и появились.

Конечно, всех охватило волнение; вражеские самолеты в городе наводят уныние,

а на открытой местности, среди лесистых холмов это скорее любопытно.

В Билиньине проживает несколько весьма религиозных семей, в одной четыре дочери и один сын, они все ходят к мессе, и мадам Тавель сказала мне: «Я так и знала, – была ее очередь дома смотреть за животными, – я знала, они всегда появляются в воскресенье, чтобы поджечь нашу церковь». В ту войну она была юной, жила во французской части Лотарингии, встретила там будущего мужа, который до того сидел в тюрьме.

33

«Но, – сказала она, – к мессе ходить все равно надо».

И так мадам Тавель сказала своей плачущей маленькой дочери, которой надлежало идти в поле и пасти коров: «Ты имеешь право плакать. Плачь. Но, малышка моя, коровам все равно надо на пастбище и тебе с ними. *Tu as raison, pleures, ma petit*»¹².

Мы отправились в Кюлоз, что в двенадцати километрах от нас, навестить друзей и узнать новости. Кюлоз – большая железнодорожная станция в этом регионе, откуда поезда ездят в разных направлениях, сюда и сбрасываются бомбы. Ветераны из Кюлоза не прочь посмотреть, как падают бомбы, но разочарованы; они решительно относят эти бомбы к *deuxième catégorie*¹³, совершенно второсортным.

12 Ты имеешь право плакать, моя малышка (фр.).

13 Второй категории (фр.).

То был единственный раз, когда бомбы падали вблизи, один немецкий самолет сбили недалеко от дома наших друзей, и семнадцатилетний сельский парнишка привел летчиков, и то была приятная интерлюдия, было о чем поговорить, и мы снова смогли говорить, и ветераны порадовались впервые за эту войну; один наш друг заметил, что это был прямо *fête pour les anciens combattants*¹⁴.

Война подбиралась все ближе. Мэр Белле приехал в Билиньин сообщить двум матерям, что их сыновья убиты.

Трагично; они были единственными сыновьями вдов, потерявших мужей в прошлую войну. Сейчас, когда война окончена¹⁵, мы знаем, что во всей нашей округе только их и убили.

Оба тихие работающие парни двадцати шести лет, вместе ходили в школу, вместе трудились, один только сменил полк, чтобы быть рядом с другом, и одна бомба на фронте убила обоих.

Тот месяц заканчивался, начинался июнь.

Я окончила книгу для детей и взялась стричь изгороди. У нас, что называется, *jardin de curé*¹⁶, много живых изгородей и дорожек и один куст, высокий как столб, и оказалось, что обрезать кусты утешительно, почти как пилить дрова. Я много ходила, обрезала

14 Праздник для бойцов-ветеранов (фр.).

15 Стайн имеет в виду наступившее перемирие (22 июня 1940 года).

16 Большой сад или парк при коттедже (фр.).

кусты, на ночь читала книгу пророчеств и мигом засыпала.

И никто из нас не говорил о войне, потому что нечего было сказать.

Книга пророчеств вновь указала важные дни в июне, и в эти дни действительно произошли решающие события, но, увы, не поражение Германии, а падение Франции.

В этом я почувствовала нечто шекспировское – пророчество ведьм в «Макбете» и шагающий Бирнамский лес, «Юлий Цезарь» и мартовские иды¹⁷, двадцатый век таков и ничего иного.

35

А затем в войну вступила Италия, я испугалась, ужасно испугалась, внутри все обрвалось, потому что мы же на перекрестке дорог всех воюющих сторон; любой враг, собравшись куда-нибудь, легко окажется здесь. Я перепугалась насмерть; проснулась совершенно расстроенной. И сказала Элис Токлас: «Давай уедем». Сначала мы отправились в Белле, и мимо ехала вереница автомобилей, люди уезжали из Безансона, мы вдвоем и жители Белле стояли, провожая их взглядом; потом мы зашли в гараж, попросили привести мою машину в порядок, и там изрядно было машин, готовых отправиться в дорогу; мы собрали документы для поездки в Бордо, созвонились с американским консулом в Лионе,

17 Мартовские иды – 15 марта по древнеримскому календарю; в этот день в 44 до н. э. произошло убийство Юлия Цезаря.

и он сказал: «Я подготовлю вам паспорта. Даже не думайте, уезжайте».

Мы известили мадам Ру, что не сможем взять Баскета, ей придется позаботиться о собаке, но не в ущерб себе; она расстроилась, сказала, что желает нам безопасности, но лучше б мы не уезжали, и добавила, что вся деревня огорчилась, и мы тоже расстроились и отправились спать, наутро собираясь уехать.

Я почитала книгу пророчеств и уснула.

Утром я сказала: «Прежде чем принимать решение, навестим-ка мы префекта в Бурге и американского консула в Лионе».

Так мы и поступили; стоял прекрасный день, поездка из Бурга в Лион оказалась чудесной. Все сказали: «Уезжайте», – а я сказала Элис Токлас: «Ну, не знаю, будет ужасно неудобно, да и в пище я очень привередлива. Давай не поедем». Мы вернулись, в деревне все обрадовались, мы тоже были рады, и все было нормально, и я сказала, что не желаю больше слушать новости, пускай Элис Токлас слушает радиоприемник, а я стану обрезать кусты и забуду о войне.

Ну вот, а спустя два дня, когда я проснулась, Элис Токлас сказала: «Рано или поздно нам придется уехать».

Я не очень-то рвалась уезжать, и к тому же в наших паспортах не было испанской визы, но американский консул говорил, что ее можно получить, и я сказала: «Давай пойдем на компромисс и снова съездим в Лион».

Но одно колесо у машины спустило, и мадам Ру заметила: «Видите, даже автомобиль не хочет ехать».

Тут появились Бальтюс¹⁸ с женой; они приехали прямо из Парижа, проведя в дороге два дня и две ночи, спали в маленькой машине, направлялись в свой летний дом в Савойе, а потом, при необходимости, и в Швейцарию, потому что мадам Бальтюс швейцарка. Как бы там ни было, мы отправились в Лион.

37

На обратном пути нас поминутно останавливали военные; они готовились взрывать мосты и расставляли зенитки, война казалась очень близкой, и меньше всего на свете мне хотелось быть на дороге.

И однако же, когда Элис Токлас говорила: «Посмотри, какой приятный домик!» – я отвечала: «Не хочу даже смотреть, тут все разрушат».

Перед самым Белле, в деревушке у озера мы повстречали доктора и мадам Шабу.

«Что вы тут делаете?» – спросили мы, остановившись.

«Вносим ежегодную плату за лицензию на рыбную ловлю. – сказали они – А вы?» «А мы пытаемся решить, что делать: уезжать или оставаться».

«А теперь, – сказала я, – скажите, доктор Шабу, что мне делать?»

18 Бальтюс (Balthus, Balthasar Kłossowski de Rola, 1908–2001) – французский художник.

«Ну, мы вот остаемся», – ответили они. «Да, – сказала я, – но врач – он как солдат, обязан остаться».

«Да», – подтвердили они.

«А нам что делать? Остаться или нет?»

38 «М-м, – в задумчивости произнес доктор Шабу. – Я ничего не могу гарантировать, но мой совет: оставайтесь. Те мои друзья, кто в последнюю войну пережил дома всю немецкую оккупацию, спасли дома, а те, кто уехал, – потеряли. Нет, я считаю, если дом не разбомбили, лучше всего остаться. – И продолжил: – Все вас тут знают и уважают; мы все вам поможем. Зачем рисковать, оказавшись среди чужаков?»

«Спасибо, – сказали мы, – это все, что нам было нужно. Мы остаемся».

Мы вернулись домой, распаковали чемоданы, убрали запасной бензин и сообщили мадам Ру: «Мы здесь и мы остаемся».

Я отправилась гулять и сказала одному крестьянину: «Мы остаемся».

«*Vous faites bien, mademoiselle*¹⁹, – ответил он. – Мы так и говорили: „Зачем дамы уезжают? В этом тихом уголке они в безопасности, не хуже, чем еще где“. У нас тут коровы и молоко и куры и мука, можно жить, и мы знаем, что вы нам поможете, если что, и мы поможем вам. Здесь, в нашем укромном уголке

19 Вот и правильно, мадемуазель (фр.).

мы живем *en famille*²⁰. А ехать-то куда? – *aller, où?*»

И все сказали мне: «*Aller, où?*» – а я ответила: «Вы правы – *aller, où?*»

Мы остались и, боже праведный, как бы я мучилась, если б уехала.

20 Семья (фр.).

III

Только что получила письмо от Малыша²¹ из Америки, пишет: «Мы всё гадаем, что означает для вас конец войны во Франции – выносимо ли вам остаться в стране или наоборот, выносима ли разлука с ней».

Я сказала Элис Токлас: «Я стригу кусты, даже самый высокий, забравшись на стремянку, больше не читаю книгу пророчеств, гуляю, не знаю последние новости», – а Элис Токлас взялась готовить малиновое варенье – выдался урожайный год на малину, – и постепенно проходили долгие летние дни.

Вообще говоря, они не проходили.

Однажды я сказала: «Десять дней назад, когда мы были в Лионе», – а она ответила: «Ерунда, это было три дня назад». Что ж, а казалось,

21 Уильям Гарланд Роджерс (William Garland Rogers, 1896–1978) – американский журналист и писатель, во время Первой мировой войны был прикомандирован к Американской скорой помощи во Франции, где в 1917 г. познакомился с Гертрудой и Элис, которые называли его Kiddie (Малыш); написал две книги о Стайн.

прошло десять, но дни все равно проходили по одному.

После обеда мы с Баскетом всегда гуляли.

Мы гуляли по проселкам, и время от времени из-за кустов появлялась девочка; она пасла коров и вязала, но когда слышала нас, выходила на дорогу. Они часто голубоглазые, эти маленькие девочки, мы ведь в холмах, а холмы как будто придают глазам голубизны, и она обычно здоровалась: «Здравствуйте, мадмуазель! *Vous êtes en promenade* – гуляете», – и я отвечала: «Да, замечательный день», – а она отвечала: «Да», – а я: «Ты одна?» – а она отвечала: «Да, мама приходила, но уже ушла домой, может, вернется». Затем она говорила: «Слышали самолеты?» – а я: «Нет, а ты?» «Ой, да». «Германские были или французские?» – а она: «Не знаю». Я: «Может, французские?» «Может быть». Затем мы прощались, и она исчезала в кустах – всегда один и тот же разговор, и он утешал нас обеих, и девочку, и меня.

41

Мы ездили в Белле за покупками, в остальное время я подрезала кусты, Элис Токлас варила малиновое варенье; у нас масса малины; а поскольку я больше не слушала новости, было тяжело, но покойно.

Наступило следующее воскресенье.

Я вышла утром прогуляться и остановилась потолковать с фермером, месье Тавелем. «Что ж, – сказал он, – началась битва за Лион». «Что? – переспросила я. – Они в Лионе?» С начала войны о них говорили «они», другого

имени у них не было. «Да, – сказал он, – но всё в порядке, там много солдат, всё в порядке». «Какой же это порядок?» – поинтересовалась я. «Потому что, – сказал он, – есть такое старое предсказание: говорят, что наступит день, когда Францию предаст король-католик, не ее король, а другой, и что другой король будет сумасшедший, и весь Париж с окрестностями оккупирует враг, но перед Лионом Францию спасет очень старый человек на белом коне. Вот и получается, – сказал он, – бельгийский король – католик и он предал нас, король Италии рехнулся, а маршал Петен очень старый и всегда разъезжает на белом коне. Так что всё в порядке», – заключил месье Тавель.

А Лион-то совсем близко, и если там развернется настоящая битва – впрочем, стоял ясный солнечный день, я вернулась усталая, вытащила шезлонг на террасу и на солнышке уснула. В половине первого передали коммюнике, я проснулась и услышала, что маршал Петен попросил перемирия.

Так он спас Францию, и все закончилось. Увы, не закончилось, нет, для нас только начиналось.

В деревне не знали, что сказать, и никто ничего не говорил; все только вздыхали, и стояла тишина.

Мы считали, уже можно не закрывать ставни и зажигать свет, но нас предупредили, что пока нет, перемирие не подписано и они, немцы, могут быть где угодно.

Мальчишки шестнадцати–двадцати лет – у нас в деревне пятеро таких – изрядно испугались, как бы их не забрали в германскую армию; они отправились в Белле и попытались записаться во французскую, но, понятно, ничего не вышло. Вернулись в слезах, взвинченные. Крестьяне не могли работать, в эти день–два никто и пальцем не пошевелил. Снова посыпались новости. Молочник, скупавший молоко в Билиньине, встретил человека, уверявшего, будто видел немцев; отнесли к ним по-доброму, поделились бензином. Они застряли где-то без бензина, потому что по мере продвижения немцев велено было выливать бензин. Одни послушались, другие нет. Белле – очень законопослушный городок, и все владельцы бензоколонок избавились от бензина.

Молочник, который закупал молоко и в Билиньине, объявил, что больше за молоком не приедет и не уплатит за уже купленное, но взамен предложил три свињи. У сельчан не было способа их доставить, попросили меня, и я предоставила транспорт, мы привезли трех свиней, кто-то из Белле их зарезал, а нам достался чудесный кусок жареной свинины; вдобавок мы докупили окорок и вкупе с деревенской едой хорошо себя обеспечили.

Люди нервничали все больше; вторник, перемирие еще не началось, но мы отважились посетить Белле: купить мыла и прочее.

Зашли в самый большой магазин Белле, эдакий базар, и вдруг владелец закричал: «Все

идите в глубину магазина», мы, естественно, не послушались, раздался грохот, и по улице промчались два вражеских танка с немецким крестом.

О боже, до чего необычайно странно стало нам. «Давай-ка домой», – решили мы, ничего больше не стали покупать и отправились в Билиньин.

44 И там притихли в ожидании.

Парни семнадцати–двадцати лет, напуганные и взволнованные, скрылись в предгорье. Их родители хранили молчание. Мальчишки взяли с собой велосипеды и по большой буханке хлеба. Разумеется, так долго не протянешь, и через два дня они опять спустились. Один, Роже, что работал у фермера, так испугался, что не ел три дня и от страха весь позеленел. У него два брата во французской армии, это ничего, но стать немецким солдатом! Мы все пытались ободрить его, но он забился в угол и не мог двинуться.

Поскольку электричество отключено и почтовое отделение закрыто, единственные новости о Белле и вообще обо всем нам доставляет полицейский из Белле, который живет в Билиньине. Ночевать он должен в Белле, но ухитряется во время рабочего дня заглянуть в Билиньин, повидаться с матерью и сообщить нам новости – да, немцы в Белле; да, до сих пор они вели себя корректно; нет, о перемирии ничего не известно.

Помню, как почтальон в последний раз принес нам газету. Я вышла и сказала: «Рада

вас видеть». «Жалко, – сказал он, – что не принес вам новости получше, и вряд ли появлюсь у вас опять», – и три с лишним недели не появлялся.

Мы с Баскетом опять стали выходить на прогулку, дети – на улицу, коровы – на пастбища, а потом до нас стала доноситься канонада.

Каждый день мы слышали грохот пушек; казалось, он повсюду, так потом и оказалось, и неким странным манером канонада нас подбадривала.

45

Только и разговоров о канонаде, все вычисляют, откуда она доносится; некоторые *anciens combattants* полагают, что стреляют в Альпах, другие – что где-то рядом, а однажды вечером я почувяла серу, и земля на закате стала очень странная, желто-зеленая, и холмы окутали необычные облака, каких я прежде не видала, густые и желто-зеленые, и они напомнили мне картину времен Гражданской войны, битву у Лукаут-Маунтен²² – все выглядело так же и пахло так же, но отчего-то все ляло покой.

Полицейский во время своего ежедневного визита рассказал, что стреляли из пушек, неподалеку от нас; французы вокруг взрывали

22 Сражение при Лукаут-Маунтен (*The Battle of Look-out Mountain*) произошло 24 ноября 1863 г. в ходе битвы за Чаттанугу во время американской Гражданской войны; в результате силы Конфедерации потерпели поражение.

мосты через Рону, некоторые всего в четырех километрах; в знакомых местах теперь пулеметы и пушки, немцы во множестве и идут бои; бронированные машины движутся через Белле, во всех прилежащих деревнях немцы, а через нашу деревню проехал их мотоциклетный взвод.

46 А затем наступило очередное скверное воскресенье; дети, которые ходили к мессе, вернулись с драматической новостью: тех, у кого найдут излишки бензина, расстреляют. У меня был запас бензина, кроме того, что в баке, и я не хотела, чтобы меня расстреливали. В панике я помчалась к соседу-фермеру, одному из членов муниципалитета в Белле за советом. «Ничего не делайте, пока они не вывесили объявление в Билиньине, ничего не предпринимайте, – сказал он. – Кроме того, – добавил он, – я собираюсь в Белле, чтобы прояснить ситуацию». Он вернулся и рассказал что произошло. В Белле все избавились от бензина, появилась какая-то немецкая бригада, у нее случилась авария, и они лишились бака с запасным бензином, а в поисках бензина обратились в ремонтную мастерскую. Месье Барле, наш добродушный владелец мастерской, ответил, что бензина нет, немцы ему не поверили и пригрозили застрелить, если он не даст им бензин, а мэ́р, человек тоже мягкий, но деловитый, обещал повесить объявление, попросил глашатая оповестить население и попросить всех, у кого есть бензин, принести, что есть,

и все в Белле, у кого бензин был, так и сделали, и вскоре у немцев набралось бензина больше, чем требовалось, жители с бензином разошлись по домам, а месье Барле не застрелили. Но он стал и остается нашим героем, еще несколько дней был очень бледен, все рады были, что его не расстреляли, а он теперь всегда носит в кармане то самое объявление, которое спасло ему жизнь.

47

То был один-единственный неприятный инцидент в Белле, и произошел он в воскресенье, когда немцы сильно нервничали; их остановили у Роны, у которой много излучин, альпийские стрелки завязали тяжелый бой, а немцы решили, что попали в западню.

IV

Ну, а потом наступили вторник и среда, зарядил дождь, мэр Белле и немецкий полковник, комендант города, подписали сообщение о перемирии, и в Билиньине повесили объявление. Никогда не забуду тот день. Был полдень, мы с Баскетом гуляли, и под проливным дождем стояли, опершись на кнуты, пятеро печальных билиньинских парней, гнавшие волов: с отчаянным видом стояли парни посреди дороги.

Вокруг не было никого, только жена одного фермера, и она сказала мне: «Что ж, надо, наверное, дальше работать, хотя мы уже и не хозяева в собственном доме».

Следующий день выдался немного лучше. Дождь перестал, по радио объявили условия перемирия; электричество вернулось, и мы узнали, что наш уголок не на оккупированной территории, как Бюже и Лион, и вздохнули с облегчением. Месье Премильё сказал мне: «Конечно, впереди у нас нелегкие дни, много нелегких дней, но куда лучше прожи-

вать их косвенно, а не прямо». Местные ребята повеселели, принялись за еду, а мы опять отправились в Белле за покупками, короче говоря, стали двигаться; наступил и счастливый момент – мы могли зажигать свет по ночам и не закрывать окна и ставни.

Даже сейчас, спустя добрый месяц после перемирия, каждый вечер, выходя на прогулку и видя зажженные огни, я замечаю разницу и поневоле переживаю, особенно за англичан, но чуточку и за немцев, кто сидит в темноте и боится бомбежек.

49

Пушечная пальба малоприятна, но выносима, однако бомбы сверху и невдалеке – крайне неприятно.

И солдаты, и гражданские лица в этом мнении сходятся.

Итак, мы поехали в Белле, и там были они.

Все время, что они там были, их называли только так – «они», *eux*.

Невероятно, но они были, и мы их видели.

Белле – городок с населением около пяти тысяч, небольшой, но важный городок, поскольку центр богатого района, здесь есть больница, семинария, несколько школ, окружной суд, субпрефектура и гарнизон. Еще немало монастырей, а потому, хоть население и невелико, много крупных зданий, как будто здесь маленькая столица. Кроме того, город был почти центром последних сражений, и потому немцы устроили здесь штаб-квартиру своих войск, расположенных в этой части страны.

Мы отправились в Белле – от нас до города миля по проселку – и увидели их, отряды солдат в сером, грузовики, мотоциклы, бронемашины. Глазам не верилось, но это были они.

Зрелище нереальное, но они были, словно фотография в журнале, но были взаправду.

Я ждала в машине, пока Элис Токлас делала покупки, затем пришла очередь ей ждать в машине, а я пошла навестить мадам Шабу и заодно кое-что купить. Одна из нас всегда ждет, из-за собак и машины, хотя немцы были очень вежливы и корректны. Все так говорили: «Они корректны».

Странно было сидеть в машине и наблюдать, как люди снуют туда-сюда по главной улице Белле, но так во всех сельских городках; по главной улице всегда ходит немало народу. А теперь к нему добавились знакомые и незнакомые немецкие солдаты; знакомые по фотографиям в газетах зимой и незнакомые, потому что мы и представить себе не могли, что увидим их воочию.

Победителями они не выглядели, вели себя тихо. Много чего покупали, в основном сладости, выпечку и конфеты, шелковые чулки, женские туфли, косметику, фигурное мыло, но обязательно перекус, называемый американскими солдатами в прошлую войну «кормежка», и любое шипучее вино, напоминавшее шампанское.

Они ходили туда-сюда, но были воспитанны, слегка печальны, вежливы; голоса их, ко-

гда они разговаривали – а они, похоже, немногословны, – были тихими, не звонкими.

Все, что мы разглядели, в точности соответствовало фотографиям, за исключением самих немцев; они ни в малейшей степени не соответствовали нашим представлениям. Они восхищались Баскетом II и говорили друг другу по-немецки: «Замечательная собачка». Они были вежливы и рассудительны; они были, как выражались французы, корректны. Все было печально: они печальны, французы печальны, все печально, но совсем не так, как мы ожидали, совсем по-другому.

51

Французы – девушки и юноши, старики и старухи, которые тоже расхаживали по своим делам, – обладали типичной для французов *retenue*²³ – не игнорировали, но и не замечали немцев. За все три недели, что немцы стояли в Белле, не произошло ни одного инцидента.

Покидая Белле, Йен, Лион, как, верно, и по всей Франции, немцы поздравили и поблагодарили мэров за необычайную дисциплинированность населения. Немцы это называли дисциплиной, хотя дело не в том, это воспитанность, которую французы называют *retenue*. Совсем не то, чего мы ожидали и боялись, но все сложилось чудесно и очень печально.

Шли дни, все приступили к работе в поле, сказать было нечего, все ждали, ждали, когда уйдут немцы – «они».

23 Сдержанностью (*фр.*).

Каждый раз, когда я выходила на прогулку, люди, пасшие коров, озабоченно спрашивали: «Еще нет восьми?». К восьми всем надлежало быть дома и закрыть ставни. Мы часто наезжали в Белле, и все сводилось лишь к этому, не более и не менее.

52 Но однажды мы выехали, повернули на главную дорогу, и тут они засвистели. Мы решили, что не нам, и отчасти так и было, но два дня никому не позволялось выезжать на основные дороги, потому что они отбывали и все дороги полагалось освободить для них. Когда они засвистели, мы не остановились, но они нас не побеспокоили, можно сказать, никого не беспокоили.

А затем они уходили чередой, миля за милю, и исчезли.

Все вздохнули свободно.

Все снова заговорили, ни о чем конкретном, просто опять стали разговаривать.

Открылась почта, все бросились выяснять судьбу своих мужей, братьев, отцов, племянников, сыновей, все так долго ни о ком не получали весточки.

Постепенно вести стали поступать; о некоторых подолгу не было вестей, но мало-помалу люди что-то узнавали, писали солдатам, чтоб возвращались домой, и те отвечали, что возвращаются домой и вернулись домой.

Постепенно люди сообразили, что немногие французы убиты; очень многие в плену, но погибли немногие; и с плеч Франции спала

огромная ноша. Все сложилось не так, как в последнюю войну, когда все мужчины были либо убиты, либо ранены. Сейчас практически не было раненых и очень мало убитых. Все забыли о поражении, такое облегчение – близкие остались живы.

Это отмечали и немцы, когда были здесь; они говорили, что убито множество немцев и очень, очень немного французов.

53

Позднее я расспрашивала вернувшихся французских солдат, как им удалось убить столько немцев и самим остаться в живых. Они объяснили, что были мощные воздушные бомбардировки, но солдату нужно было только лечь на землю, а бомбы взрывались, не достигнув земли и солдат. Они объяснили, что бомбы должны были взрываться, долетев до зданий, а не до земли, и поэтому погибли жители в Осере, а солдаты на открытой местности не пострадали. И еще, пока продолжалась бомбежка, немецкие танки прорвались сквозь французскую линию обороны и разошлись веером, а пехота шла за танками сомкнутыми рядами, и ее расстреливали, многих немцев убили, но вообще их было столько, что французы в конечном счете исчерпали свои возможности отстреливаться и их захватили в плен, кроме тех, кто бежал в поля и, пешком проходя по двадцать пять километров в день или отыскав брошенный велосипед, добрался домой.

Жорж Россе разъяснил очень понятно, только жалел, что потерял все свое обмундирова-

54 ние, особенно чудесную пару носков, которые ему связала Элис Токлас из очень хорошей шерсти. Он написал об этом еще до возвращения домой, и Элис Токлас заверила его мать, что немедленно начнет вязать другую пару, и к тому же по возвращении он получит шоколадный торт, и она действительно испекла ему шоколадный торт, когда он вернулся домой, и теперь он дома. Все вернулись. Кюре д'Арса предсказал, что женщины посеют, а мужчины пожнут, так и получилось, мужчины здесь и жнут, собирают урожай.

Он также предсказал, что когда дела станут хуже некуда, все повернется к лучшему.

Верно, все старые пророчества предсказывали полную катастрофу; одно предсказывало, что петух потеряет все свои перья, но обретет новые, красивее прежних. Французы от природы не любят чересчур легкую жизнь, они – они как феникс, возрождаются из пепла. Они твердо верят, что тот, кто побеждает – проигрывает.

Тем временем поменялось правительство Франции, но это никого не взволновало.

Понятно, что если правительство Третьей республики не защитило от врагов, оно должно уйти.

Я уже упоминала в «Париж, Франция», что для французов правительство существует как бы в стороне и их не касается; задача правительства – политика, защита от врагов; хорошо бы оно обходилось не чересчур дорого, оно никого не трогает, и все живут своей французской жизнью.

И потому, естественно, правительство сменилось, но жизнь французов продолжалась в прежнем русле.

Все были счастливы, потому что мужчины живы и многие уже вернулись домой. Трудности были, но главным образом личные – наличие бензина и сливочного масла.

Эти две мороки больше всего беспокоили людей.

56 Французские крестьяне нуждаются в хлебе, вине, овощах и сливочном масле. Мясо – роскошь, не необходимость, его едят, когда оно имеется, а так о нем и не думают; сахар и кофе – полуроскошь, по ним скупаешь, но можно обойтись. Но хлеб, вино, овощи и масло француз иметь обязан.

Не было недостатка в хлебе, вине и овощах; был трудный период с хлебом, однако урожай выдался отменный, и настоящей нехватки нет; овощи и вино всегда в наличии, но вдруг возникла проблема с маслом. То ли немцы учинили из-за масла сыр-бор и французы заподозрили, что масло может оказаться роскошью, то ли уж не знаю что, но масло вдруг стало, как все выражаются, *une chose rare*²⁴.

Загадка, да и только – полно коров, молока не стало меньше, а где масло?

Конечно, были проблемы с бензином. Без бензина молочник не мог объезжать фермы и забирать молоко, но молоко все равно забирали, на велосипеде или на лошади. А масло?

Вокруг масла возникла ненормальная суматоха. Самые рассудительные из фермерских

24 Редкость (фр.).

жен забеспокоились. Их молоко по контракту отправлялось на маслобойни, а масло оттуда не поступало. Все во Франции только о масле и толковали. Так или иначе, каждый раздобывал достаточно масла и для жарки и для еды, все его где-то находили и покупали тишком; это была прямо-таки целая интрига, и из-за нее все забыли о войне, о правительстве, а затем неожиданно у всех появилось масло, и история закончилась.

57

Все задышали полной грудью, у всех были хлеб, масло, вино и овощи, и люди забыли о бедах.

И занялись уборкой урожая. Как раз сегодня ближе к ночи, часов в десять, пришел один фургон с пшеницей, запряженный волами. Я спросила: «Время позднее – а сбор урожая закончился?» «Да, – был ответ, – да, это наш хлеб». На хлеб еще не походило, скорее, на солому, но то был хлеб.

Единственной заботой, и очень серьезной, был и остается бензин.

Конечно, во Франции его нет, пытаются заменить углем, для грузовиков сгодится, но не для легковых автомобилей. Да и как появиться бензину, если англичане продолжают подрывать танкеры и не дают им прохода?

Единственный выход ныне – не использовать бензин и собрать то, что имеется. Вроде разумно, только вот все предприятия прекратили работу, поэтому время от времени выделяется день, когда разрешается совер-

шать поездку. Купить бензин нельзя, но ехать можно. Сегодня, восьмого августа, говорят что каждый, у кого есть бензин, может ездить. «Но, – обратилась я к Мадлен Роп, – в газетах об этом ничего не сказано». «Дорогая моя, ты так и не понимаешь французской логики. Никто не объявлял разрешения *rouler*²⁵, но неожиданно объявили, что после двадцать пятого августа никому не дозволяется *rouler*. Так что, *ma chère*²⁶, это значит, что сейчас каждый может *rouler*, в противном случае, почему же после двадцать пятого все будет *contrôlé*? *C'est simple*»²⁷, – сказала Мадлен Роп. А посему мы вывели машину и в нетерпении отправились в Белле за покупками; раньше поездка за покупками была довольно скучна, но теперь, когда она случается внезапно, это волнующее событие.

В общем, все деловито ко всему приспособиваются, и, должна сказать, французы вполне довольны, комбинируя, выкручиваясь, замышляя и добиваясь успеха, но превыше всего экономя. Сегодня вечером на прогулке встретила горожан, что тащили дрова, сколько могли унести; конечно, здесь кругом леса, хворост, и все его подбирают, чтобы топить осенью.

Я спрашиваю молодых людей, каково им, и они отвечают, что очень довольны. Гово-

25 Ездить (фр.).

26 Моя дорогая (фр.).

27 «...под контролем? Все просто» (фр.).

рят, что ощущают, будто у них есть будущее, что устали от своих слабостей и пороков, что окажется победа чересчур легкой, слабостей было бы больше, а сейчас – о, сейчас есть чем заняться, надо восстановить Францию, появилось будущее; нужно больше электричества, Франция должна стать самодостаточной, и они верят, что так и произойдет, считают, что французы чересчур разнюнились, а это неправильно. Как бы там ни было, они с надеждой смотрят в будущее, и кроме того, не стремятся к бюрократии, как прежде; придется все устроить по-другому. Короче говоря, они живы и любят жизнь.

59

Пожилые люди, оправившись от шока, тоже довольны, никто, похоже, не горюет, как выразилась Мадлен Роп, добравшись в Белле из самого Бордо. И не подумаешь, что страна побеждена, совсем нет; люди как будто очнулись.

Ну да, они немножко расстраиваются из-за предсказаний, всё предсказывает, что петух потеряет перья, но он оправится и закукарекает громче прежнего; все утверждают, что после худшего всегда следует лучшее, и есть ведь святая Одилия, которая предсказала, что после кровопролития в июне, четыре месяца спустя Франция заблестит сильнее прежнего. А почему бы и нет?

У меня было свое предсказание: как только подстригу все изгороди в саду, война окончится. Что ж, сегодня восьмое августа, все изгоро-

ди подстрижены, а война все еще не окончена. Так или иначе, свет горит, ставни распахнуты, и, возможно, все поймут то, что прекрасно известно французам, – что победитель проигрывает, и все, как и французы, будут заняты ежедневным своим житьем-бытьем, и этого окажется достаточно.

Войны, которые я видела

Не знаю, вписывать ли наряду с событиями, которые помню, события, которых не помню. Например, свое рождение я не помню, но мне напоминали довольно часто, я родилась не ночью, а утром в восемь часов, и отец, когда что-нибудь случалось, всегда меня укорял, говоря, что я родилась совершенным ребенком. Не знаю, родились ли старшие дети, четверо выживших и двое умерших, такими же совершенными; во всяком случае, отец никогда их этим за проделки не попрекал. Как бы там ни было, хоть я и не помню с самого начала, одно несомненно, я была младшей и, естественно, обладала привилегиями, привилегией быть обласканной, привилегией быть самой младшей. Такое, если случается, продолжается до конца жизни, вот такой вы и есть, привилегированный, другим ничего не остается, кроме как заботиться о вас, так было со мной, так происходит и сейчас, и всякий, оказавшись в таком положении, неизбежно доволен. Я довольна, прежде и теперь.

В следующей истории про меня было мне восемь месяцев. Разумеется, я родилась в Аме-

рике, мы все родились в Америке, но когда мне было восемь месяцев, нас там не было. Об этом мне рассказывал дядя. В то время он учился живописи в Германии, семья моей матери не была богатой, хотя все родились в Америке, и бизнес они не любили, хотя их отец был кожевником, но кожевенное дело не бизнес, по крайней мере, в те дни, тогда оно считалось ремеслом, и потому, когда мама вышла замуж, мой отец помог дяде отправиться в Германию изучать скульптуру. В те далекие дни американцы уезжали в Германию изучать искусство, особенно скульптуру, а потом переезжали в Рим. Так обстояло дело, мы очутились в Европе, мне было восемь месяцев, и меня оставили на попечение дяди, так и неясно, почему, и я орала, а к нему зашли знакомые женщины, и ему не нравилось. Он был тогда молод, но я гораздо моложе, и ему не нравилось. Спустя много лет он часто мне это припоминал.

Следующее событие было такое – я стала чуть-чуть постарше, мы поехали в Вену, в те времена замечательное место. На сей раз кое-что я помню сама, а кое-что мне помогает вспомнить неоднократно услышанное и рассказанное, тогда и потом.

В моем рождении не найти причины, почему мне довелось видеть столько войн. Я видела три. Испано-американскую войну, Первую мировую и вот теперь Вторую мировую.

Да, происходили и другие войны, но они меня особо не касались. Англо-бурская, ее я по-

мню, Японо-китайская война, Русско-японская война – последнюю тоже помню очень хорошо. Эти я помню по другой причине. Не так уж удивительно, пожалуй, что мне довелось видеть столько войн, я ведь столько стран видела в детстве и испытывала чувства к ним, и, видимо, из-за этого рано или поздно становишься свидетелем войн.

Итак, мы были в Вене, и с тех пор я больше ее не видела, но она навсегда осталась для меня очень реальной. Там я стала собой, и потому она, конечно, реальна, и реальны тамошние приметы, там был городской сад, регулярный сад, а в каком-то смысле регулярный сад радует детскую фантазию больше естественного сада. Больше похож на сад, который высадишь сам. Играла музыка, стояла статуя старого императора, которому самое место в регулярном саду, и его национальный гимн, и соляные пещеры, и птицы, бабочки и насекомые, и мы их ловили, вкусная пища, а на мой третий день рождения – вкус венского пива. Мама и братья катались на лошадях, был учитель-чех и венгерка-гувернантка, никто не представлял, как важны окажутся все эти национальности, и первая встреча с книгами, книгами с картинками, но все равно книгами, потому что картинки в таких книгах и есть нарратив. Я только что купила таких двадцать штук для школьников Билиньина, и это нарративы.

Моей матери, как рассказывали позже, не нравилось жить в Вене одной, с пятью деть-

ми. Вначале ей помогала сестра, но она уехала, уехал по делам в Америку и мой отец; мать заявила, что хочет быть поближе к Америке, упаковала вещи, забрала пятерых детей, отказалась от учителя и гувернантки и перебралась в Париж. Я по-прежнему была самой младшей. Мне тогда было четыре года, и я не уверена, много ли я в действительности запомнила о Париже, но мне кажется, я запомнила. И он всегда ассоциируется с войной, потому что в 1914 году Париж показался мне таким, каким я видела его в четыре года, только тогда не было войны. Война обращает нас к прошлому, а равно к будущему, и потому 1914 год отчасти походил на 1878-й.

Конечно, немало периодов, когда нет войн, как немало периодов, когда война идет. Разумеется, в войну годы длиннее, то есть длиннее дни, длиннее месяцы, годы гораздо длиннее, но недели короче, и так получается война. А когда нет войны – ну, сейчас я и не припомню, каково это, когда нет войны.

Маме надоело, даже в Париже, жить вдали от Америки и балтиморской родни, а отец уезжал в Америку по делам, так что мы упаковались, накупили кучу всего и двинулись в Лондон, а затем в Америку. В Лондоне не было войны, совершенно, и первый спектакль, который я увидела, был «Передник»²⁸, я его

28 «К. Е. В. „Передник“, или Девушка, которая полюбила моряка» (H. M. S. Pinafore; or, The Lass That Loved a Sailor, 1878) – викторианская комическая опера Артура Салливана и У. Ш. Гилберта.

не запомнила, но помню фойе театра, помню блеск и помню, что сначала одно, потом другое, и это все, что запомнилось о Лондоне. Путешествие на корабле домой не помню абсолютно, и не помню, чтобы кто-нибудь говорил, будто есть что помнить. До того все мои эмоции выражались на немецком, затем на французском, а в Балтиморе, хотя вряд ли мы задержались там надолго, мои длительные эмоции начали проявляться на английском языке. Например, мать рассказывала, что был один маленький индеец, два маленьких индейца, трое маленьких индейских мальчиков, четыре маленьких, пять маленьких, шесть маленьких, семь маленьких, восемь маленьких индейских мальчиков²⁹. А затем ворвалась война; не пойму как, но во времена молодости матери в Балтимор пришла война, и мать видела, как солдаты-янки перебирались от одной станции к другой, в них стреляли, она это запомнила, запомнили и мы, и еще был мой таинственный дядя, который прошел всю войну и вернулся то ли с армейскими ботинками, то ли без них, то ли только с одной парой, то ли без нее и подался в обувной бизнес, и, естественно, тут есть связь. Лишь значительно позднее, став пылкой поклонницей генерала Гранта и армии Севера, я сообразила, что дядя мой сражался в рядах южан.

Из Балтимора мы уехали в Калифорнию, и с тех пор я уже помню. Я, естественно, по-

29 Американская детская считалка.

мню не все, но отчетливо пейзаж, еду и переезды. Не помню, видели ли мы индейцев, но мне потом говорили, что видели, и уже много лет не было войны, была история, конечно, Гражданская война, но войн не было. Те же войны, что случались, были у меня внутри, и, естественно, хотя я была вполне благополучным ребенком, было их предостаточно. Немного и с немногими, я не была задирой и, поскольку по-прежнему оставалась самой младшей, меня окружали заботой, и к тому же, будучи младшей, я умела клянчить, все младшие умеют.

Во время войны больше узнаешь о чувствах детей, чем в мирное время, чувства те же, но их следует лучше знать. В мирное время жизнь и переживания детей касаются жизни детей, а во время войны все переплетается, нет детских жизней или взрослых, есть просто жизни, и, естественно, надо знать, что чувствуют дети. Сейчас война, и я вижу, ненароком, но неизбежно вижу и понимаю чувства детей разного возраста, и потому мне не нужно вспоминать свои чувства, нужно просто ощутить, каково в этом возрасте быть. И была жизнь в Калифорнии с шести до шестнадцати лет, и всякое случалось. Много чего случалось, но в памяти отложилось не более одного-двух событий в год, уж точно не каждый месяц, и точно не каждую неделю, и точно не каждый день. Скажем, два-три события в год. Вполне достаточно для воспоминаний,

потому что остальное время осталось просто остальным временем.

В те годы войны не было, а если и была, то не моя. Ну да, есть история, есть романы, исторические романы, и в этом смысле война идет постоянно. И почему нет, всегда идет война, иногда приятная война, иногда интересная. Дети ведь не воспринимают войну всерьез. Война для них – игра в солдатики, солдаты не обязательно означают войну, но всегда должны быть солдатами. Что занятно. Я помню только одну войну, которая для меня была не солдатами, а войной, – Гражданская война. Другие войны были лишь солдатами, эмоциями и зрелищем. О них повествуют как о солдатах, а не как о войнах, но Гражданская война была не такая, как другие американские войны, не Война за независимость или индейские войны, то были солдаты, не войны. Одной из первых войн, кроме английских, о которой я знаю, – вообще говоря, и эта была английская – стало поражение Брэдока от индейцев³⁰, оно описано в книгах, но там тоже были солдаты, а не война, а вот Гражданская война в Америке не была солдатами, то была война. Это как нынешние войны – не солдаты, а вой-

67

30 Битва на Мононгахеле состоялась 9 июля 1755 г. в штате Пенсильвания в 16 км к востоку из Питтсбурга. Британские силы под командованием генерал-майора Эдварда Брэдока намеревались взять форт Дюкен, но были разгромлены силами французского гарнизона и их индейских союзников.

ны. Ветераны всегда чувствуют, когда речь идет о солдатах, даже если знают, что это война. Генерал Грант был не солдатом, а войной, и потому он мне нравится.

68 В общем, все это время я ходила в школу, а школа в Калифорнии означает много национальностей. И если учишься вместе с ними, знаешь их прически, и привычки, и все остальное, потом вряд ли удивишься, что немцы таковы, каковы есть, и французы, и греки, и китайцы, и японцы. Потом ничего нового, только подтверждение, подтверждение того, что уже знаешь, потому что никто не меняется, люди развиваются, но не меняются, и если ты ходил с ними школу, как же тебе их не знать. Мне недавно рассказывали, что в германских университетах профессора занимались изучением рас. Совсем не обязательно, достаточно учиться вместе с ними в школе, но, понятное дело, немцы-то этого не знают. Генерал Грант знал. Он ходил в школу со всеми генералами Гражданской войны, потому и знал, как те поступят.

Это меня больше всего заинтересовало в его мемуарах, которые я прочла.

Вернемся к историческим войнам. Мне, естественно, нравилась история и шекспировские пьесы и исторические романы, там всегда война. Конечно, древняя история полна войн, книга «Закат и падение Римской империи»³¹

31 «Закат и падение Римской империи» (The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, 1776–1789) –

полна войн, но войны в них меня не интересовали. Английские же войны интересовали, некоторые французские и американская Гражданская война. И я оказалась права, ибо Гражданская война стала прототипом всех войн, двух больших войн, которые я полностью пережила. И Гражданскую войну тоже.

Моя мать, живя в Балтиморе, естественно была сторонницей Юга³², но был, само собой, и Север. Я так и не поняла, за кого был отец, хотя он северянин.

69

Разумеется, были еще войны с индейцами. Кино тогда не существовало, но если бы оно было, война с индейцами выглядела бы именно так, хотя еще живы те, кто в этих войнах участвовал, и были настоящие индейцы, и Фенимор Купер, но это все ненастоящие войны, не такие настоящие, как некоторые английские, и уж точно не такие, как Гражданская война. Самая настоящая война.

Но, разумеется, я не все детство занималась прошлыми войнами, хотя я была всеядный читатель и войн, естественно, было немало. Одна любопытная деталь, касающаяся детского восприятия войны: хотя в книгах

многотомное сочинение английского историка Эдварда Гиббона (Edward Gibbon, 1737–1794).

32 Штат Мэриленд и его крупнейший город Балтимор были центром ожесточенных битв между армиями Севера и Юга. Жители штата в основном поддерживали южан, однако Мэриленд стал одним из рабовладельческих штатов, которые не отделились от Союза.

столько убитых, столько мертвых, все это совсем не реально, мои чувства тут – нечто отдельное, они не имели ничего общего с войной. И это вполне естественно. Как бы близка война ни была, она всегда не очень-то близка. Даже когда она у тебя под окном. Очень странно, но так и есть. Возможно, у мальчиков иначе, но вряд ли. Я думаю, когда мужчины участвуют в войне, взаправду воюют, им все равно кажется, что она не рядом, она здесь, но не рядом. Так мне кажется, судя по тому, что я слышу и вижу. А Гражданская война была очень близко. Ближе войн не бывает. Но, как я уже сказала, мое детство, мое настоящее детство ничего общего с войной не имело. Так уж получилось, что никаких войн тогда не было, не было и все. На исходе юности да, но прежде нет. С раннего детства и до Англо-бурской войны никаких войн не было. Никаких.

В детстве и в юности вовне меня войн не было.

Что внутри вынуждает все знать о войне? Сейчас задаются вопросом: почему окруженные в России немцы не сдаются? Ответа нет, разве что они боятся. Возможно. Что внутри вынуждает все знать о войне?

Смерть рождает историю и страхи. Начинается очень быстро, умирает постепенно, иногда вовсе нет, а иногда целиком.

Крестьянин на холме высказался о немцах так: не говорите, что все дело в их вождях, немцы – нация, чья участь всегда выби-

рать человека, которого они заставят повести их туда, куда они идти не желают.

Тот же человек на том же холме сказал и другое, мы с ним говорили после грозы. Да, сказал он, типично для немцев называть эту войну «Гром и молния». Гром и молния, гроза с громом и молнией могут нанести изрядный урон и сильно испугать, но по себе ничего не оставляют, никакого эффекта.

71

С раннего детства и до взросления, хотя я неустанно читала о войнах, если любишь историю и исторические романы, неизбежно читаешь о войне, и исторические пьесы тоже, но вовне, вокруг меня войны не было, во всяком случае, я не заметила, и никто вокруг не заметил.

Я очень долго не понимала, что значит быть ребенком, хотя прекрасно помнила и писала так, будто понимала, но на самом деле есть огромная разница между детством и воспоминаниями о детстве, а сейчас в сельских школах так много детей самых разных возрастов.

Я вышла погулять в лунном свете, очень приятно и не холодно, хотя январь, да еще в горах, и встретила молодого человека, ставшего жандармом после демобилизации из французской армии. Он родом не из нашей деревни, то есть его гарнизон стоял в Белле, женился он на местной деревенской девушке, была простая свадьба с домашними сосисками и шампанским, а сейчас у них ребенок. Я спросила, как идет служба, он ответил, что его как раз

назначили личным охранником маршала. Маршала Петена? Так это ж большое повышение по службе, сказала я. Да, ответил он, знаю, но не знаю, почему, ну, сказала я, ты гораздо образованней своих сослуживцев, да нет, сказал он, я только начальную школу окончил, как все. А теперь еду в Виши, мне там сшили мундир, буду сопровождать его повсюду на мотоцикле. Умеешь ездить на мотоцикле, спросила я. О да, ездил в войну, в кавалерии. А, значит, ты не все время служил в альпийских войсках? Нет, сказал он, я бежал, бежал из плена, и подумал, неплохо бы поменять службу. И вот сейчас я личный охранник маршала Петена и постоянно прикомандирован к правительственной охране, а если маршал умрет и на его место придет кто другой, диктатор или еще кто, я останусь личным охранником при правительстве. Ему всего двадцать два года, и я пожелала ему удачи и сказала, что, может, мы встретимся в Париже, а он ответил: конечно, если правительство туда переедет, надеюсь, Париж будет свободным, и я очень надеюсь, сказала я. Он ответил, я надеялся и продолжаю надеяться, и пообещал зайти попрощаться перед отъездом, а я ответила, конечно, и дальше пошла гулять с белым пуделем при лунном свете.

Я написала выше, что теперь, когда идет война, я понимаю, каково быть любого возраста, и что воспоминания суть не только воспоминания, но, может, и бытие.

Непонятная штука эти войны, вроде должны быть разные, но на самом деле не так.

Вот что приятно во Франции. В одной войне они ошеломляют немцев, упорно, отчаянно, терпеливо и доблестно противостоя им четыре года, а в следующей войне ошеломляют не меньше, совсем не сопротивляясь и сдавшись за полтора месяца. Эта переменчивость дает французам возможность создавать разные стили поведения.

73

Мне было пять лет, когда мы вернулись в Америку, познакомившись с австрийцами, немцами и французами, с французским, а теперь и с американским английским, удивительный мир вокруг, если его достаточно, впрочем, его более или менее всегда достаточно.

Но вернемся в Америку и Балтимор, где жили родственники моей матери, не знаю почему, но люди всегда гордятся родиной своих предков, эти места, может, никогда и не видел или не увидишь вновь, я-то увидела их, но все равно, оттуда родом ваша мать, и это даже важнее места твоего рождения, особенно если тебе не пришлось увидеть его вновь, место, где ты родился, я имею в виду место, где сама родилась, Алегейни, Пенсильвания. Все может быть грезой, а в войну грез больше. Совсем недавно в Марселе выселили из домов сорок тысяч человек, и для меня это так реально, что становится грезой, я никого из них не знала, иначе это не было бы грезой, но в предыдущую войну мы столько бывали в Марселе, что вы-

ходит греза, а в Сан-Франциско, еще ребенком, на побережье женщины в городке все были родом из Марселя, и когда я увидела их в Авиньоне и Арле на набережной и в Марселе, они все, казалось, были одеты в одинаковые накидки, халаты, какие они носили и в Сан-Франциско, неподалеку от Чайнатауна, мы видели, когда приезжали с родителями в Сан-Франциско, и вот что такое война – это обитатели географии.

Довольно пристойной войной оказался мятеж в Индии, восстание сипаев³³. Мне всегда нравилось читать об этом еще в романах Жюль Верна. Это была такого удовлетворительного, что ли, сорта война для юных, не найти приятнее – мало убитых, еще меньше раненых, все герои и никакого столпотворения, отряды индусов были, конечно, но больше никого, так что легко было разобраться. В современной войне нет отдельных групп, в ней задействованы все и настолько, что личности стираются, совсем другое дело, жизнь человека в современной войне чудна, каждый день столько всего случается, и вместе с тем все дни одинаковы: основная проблема – еда, еда, и несмотря на все, что происходит ежедневно, – еда. Одна моя приятельница говаривала: жизнь, жизнь – схватка, жизнь – хватка, жизнь схватка во всех

33 Восстание сипаев (тж. Индийское народное восстание, 1857–1859) – восстание индийских солдат против колонизаторской политики англичан в 1857–1859 гг.

отношениях. Немцы утверждают, что война естественна, мир – всего лишь перемирие, естественна война, что ж, вполне естественно, конечно, так и есть, но когда ее чересчур много, она скучна, как и мир, то есть когда войной насытились. Итак, я была маленькой девочкой в Восточном Окленде и, разумеется, пришлось узнать что хотя существует жизнь как таковая, существует и смерть как таковая, пришлось узнать, что звезды есть иные миры и они кружат, существуют кометы, существуют дождь и ветер, трава и цветы и птицы и бабочки в Калифорнии были не так интересны, но главное книги и еда, еда и книги – то и другое восхитительно. Но вскоре, и это, может быть, странно, я уже не доверяла утопиям, мне, естественно, нравились привычки, но не нравилось, когда они считались моими. Как у собак – у собак есть привычки, но они не любят, когда им о них напоминают, а единственный способ жить в утопии – не только заpastись привычками, но и мириться с тем, что вам постоянно о них напоминают, а этого я не люблю. Хорошо помню, что не любила, когда мне указывали на мои привычки.

75

Но вернемся к Шекспиру, Шекспира я читала много, в основном хроники о войне, английские короли и войны часто демонстрируют, что ничто не представляет собой нечто, что человек лишен смысла, ничто не имеет смысла и всё вокруг обстоит именно так. Меня это беспокоило даже в семь-восемь лет, не то что-

бы беспокоило, но что-то в душе оставалось, а потом, не сразу, все последующие годы, когда я уже выросла, было иначе, а теперь, когда мы все решили, что французская молодежь в безопасности, их всех забирают, и все точно так же, Шекспир был прав, все именно так, даже предрассудки те же, предрассудки, сказала высокая тринадцатилетняя девушка, всегда предрекают напасти, но мы в который раз надеемся на лучшее, именно так, и хотя Шекспир прав, мы продолжаем надеяться.

Некогда светила полная луна.

Пришли гости.

Задвигались клавиши пианино.

В отличие от пятнадцатилетних, все остальные возрасты вежливы и приятны, и нет беспечности, а если есть, не обойтись без потерь.

Война не бывает фатальной, но всегда проиграна. Всегда проиграна. Все так говорили, а значит, понимали, что говорят. Всегда проиграна.

И это возвращает меня к периоду жизни между восемью и двенадцатью годами, когда я читала непрерывно, и по ходу дела прочла все исторические хроники и другие пьесы Шекспира, и нынешняя война 1942–1943 годов все больше напоминает эти пьесы. Ужасы и страхи, всеобщие страхи и беспомощность всеобщих страхов, настолько отличны от предыдущих войн, что нынешняя становится как шекспировские пьесы. Тринадцатилетняя Роз д'Эгю недавно сказала, что, став суе-

верной, а она, конечно, теперь стала суеверной, замечает, что все знаки не предвещают ничего хорошего, взять пьесы «Макбет», «Юлий Цезарь» или мартовские иды, всеобщее смятение, всеобщий страх, всеобщая безнадежность, всеобщая нервозность, как у всех королев, всё точно так же и развивается точно так же. Война 1914–1918 не походила на шекспировскую, нынешняя – да, бессмысленность которой превращает ничто в реальность, и когда я читала Шекспира от восьми до двенадцати лет я, видимо, в нем тонула, но, естественно, не верила ему или верила? Позже – точно нет, когда и смысла, и ужаса стало больше. Но у Шекспира нет смысла и ужаса, есть неразбериха и страх – именно то, что происходит сейчас.

77

Между двенадцатью и семнадцатью годами я прошла через мрачный, кошмарный период взросления, в котором сильнее всего был страх смерти, не столько смерти, сколько исчезновения, и разве не такова война? И да, и нет. Можно сказать, что в войне царствует смерть, смерть, смерть, но есть ли исчезновение? Интересно. Не это ли одна из множества причин, почему продолжаются войны и почему они нужны именно подросткам?

Долго тянулся период между двенадцатью и семнадцатью, между Шекспиром и Англо-бурской войной, первой осознанной мною войной, настоящей войной, когда страна, реальная страна воевала.

А в промежутке была религия, которая тоже имела отношение к взрослению и войне.

78 В современных войнах нет истории любви. Я имею в виду мировые войны, особенно войну 1939 года, нет романтического интереса, очень мало религии и никакой любви. Религиозные люди в мировых войнах остаются религиозными, но в остальном поступают как все, и влюбленные тоже, они могут быть влюблены, но в остальном похожи на обычных людей, а в детстве и до 1900 года война представлялась мне совсем не так, совсем иначе.

С младенчества и до четырнадцати лет, то есть до подросткового возраста твоя жизнь постепенно наполняется знанием о том, что звезды – это миры, слова – способ, усилие – сила, а хитрости – способы, как и слова, иными словами, пока ты один, ты один, но могут появиться и другие. Вот что больше всего тебя занимает с младенчества и до четырнадцати, и в этот период, к примеру, тебе дают яблоки, отнести домой, и берешь одно себе, а остальные четыре для других четверых, яблоки съедаются одно за другим, потом ничего не остается, и съедается последнее яблоко, потому что остальные тоже съедены, нет смысла сохранять последнее, поскольку тогда надо рассказать всю историю, а к чему рассказывать, можно всю жизнь прожить в раскаянии за сделанное. Такова и война, она идет, и вскоре ни у кого не остается еды, то есть

у тех, кто не берет себе чужого, и в конце концов, хоть и с угрызениями совести, доедается последний кусок, а если нет, этому должно быть объяснение, но если и найдется объяснение, оно не утишает угрызений и никому не помогает, угрызения не помогают и недоедание последнего куска тоже, такой я была тогда и такова сейчас, и войны тогда не было, но чувства были те же, и еда во многом та же. Даже рыбья косточка может стать поводом для расстройств, все что произошло, происходит и даже не произошло, может расстроить, такова и война, и в чем тогда разница между жизнью и войной? Никакой разницы.

79

Все подобные события происходят в период между младенчеством и четырнадцатью годами, а с ними и романтическая война, не верить в нее, но помечтать.

В этот же период происходила частая смена обстановки. Современные войны, все войны таковы, происходят в тех местах, о которых зачастую не было известно, вот и между младенчеством и четырнадцатью годами часто случалась перемена мест. И переезды разными способами, которые тоже напоминают войну. Прямо сейчас молодежь Франции вынуждена отправляться неизвестно куда, некоторые убегают, не зная куда, многих забирают неизвестно куда, и то же самое было с младенчества и до четырнадцати лет. Европа и Америка, железная дорога и море, лошадиные повозки и пеший ход, и верхом на ло-

шади, и никакое «там» не удивляло, и то же самое происходит в войну.

80 Помню, в книгах меня тревожило, что если кто-то умирал, не оставив после себя детей, значит, никто из этой семьи уже не живет, а если никого не осталось, как же они знают, что произошло в будущем. Это всегда беспокоило меня, с того времени и до нынешнего, но теперь нет, теперь кажется, что будущее уже и не важно, мир съежился, никогда не изменится, так что не имеет значения, и нет истории любви, страдают в основном родители, может, так было и с младенчества и до четырнадцати лет.

Жизнь хватка, жизнь есть схватка, говорила Кларибель³⁴, но она подчеркивала «жизнь хватка», и как ни посмотри, так и есть, и да, она говорила жизнь есть схватка, но так ли?

Так все было в период между младенчеством и четырнадцатью годами, а он пришелся на конец XIX века, XIX век умирает с трудом, все столетия умирают с трудом, вот почему нынешняя война убивает его так долго, и ныне, в 1942 году, убийство века продолжается, XVIII век начали убивать революцией и закончили только в 1840 году, а убийство XIX века на-

34 Кларибель Коун (Claribel Cone, 1864–1929) – одна из двух сестер (вторая Этта, 1870–1949), собравших крупную коллекцию картин французских художников начала XX века, подаренную впоследствии Музею изящных искусств в г. Балтиморе. Обе были подругами Стайн в ее студенческие годы в Балтиморе.

чалось и продолжается с 1914-го до 1943-й. Трудно убить век, почти невозможно, как в старом анекдоте про тещу, так и со столетиями: столетия прежде извести надо, как тещу. Как я уже говорила, с младенчества до четырнадцати, да и после, еще долго после того был век XIX-й и войны – гражданские, местные и иностранные, были, естественно, войнами XIX века.

Святой Георгий и дракон, Зигфрид и дракон, кто угодно и дракон; дракон – это всегда столетие, которое пытаются убить, и что хуже всего, тот, кто заявляет, что пытается убить столетие, подлежащее убийству, – последний осколок столетия, который должно убить и который чаще всего самый живучий, например, Наполеон, Гитлер, Юлий Цезарь; век надобно убить, а они и есть воплощение самого упрямого исхода века, они живут, хотя должны погибнуть вместе с веком, только никто им этого не сообщает, никто, и они сами никогда не догадываются, никогда.

Однако в ту пору, когда я была ребенком, и до четырнадцати лет, XIX век был в расцвете.

В XIX веке было чтение, и теория эволюции, война и антивоина, что одно и то же, была и еда. Даже теперь я всегда возмущаюсь, когда в книге описывается, как люди обильно поели, но не упоминается, что именно ели. В XIX веке часто упоминали. В эти дни, в 1943 году, когда еда как алкоголь при сухом законе, ты не уверен, случится ли тебе поесть завтра, и не то, чтобы жадничаешь, но в нынешние времена

ешь все, что попадется, в общем, легко предположить, что вряд ли получишь удовольствие, читая, что едят герои книг, когда едят, но получаешь удовольствие, и громадное, в общем, так или иначе, XIX век любил рыдать и любил гадать, любил поест, любил изучать эволюцию, любил войну, войну и мир, мир и войну и ничего более.

82 В то время я любила революции, любила поест, любила поест и любила поплакать, не в жизни, а над книгами; в жизни мне не от чего было плакать, но в книгах, о боже, было много чего, над чем можно порыдать, и еще была эволюция. Эволюция наполняла все мое детство, прогулки с эволюционистом³⁵ в Европе, мир был полон эволюции, эволюции в биологии и ботанике, музыкой для души и книгами для реальности, обильный свежий воздух по необходимости и еда в удовольствие, как вакханалия, а сейчас, что ж, тогда не было войны, нигде никакой настоящей войны.

В XIX веке не было ничего прекраснее, чем взбираться на высокие холмы и горы, смотреть, как по долинам и равнинам пронесется косой дождь, а затем проглянет солнце.

В XIX веке не было ничего интереснее, чем мало-помалу вникать в тонкости естественного отбора у насекомых, цветов, птиц, бабочек, сравнивать животных, отмечать их защитную окраску, ничего не было интерес-

35 Имеется в виду Лео, брат Гертруды Стайн.

нее, и потому XIX век таков, бремя белого человека³⁶, постепенный захват земного шара, который познается фрагмент за фрагментом, становится целым, и надежда на эсперанто или другой универсальный язык. Ныне радио вещает на стольких языках, что никому и в голову не приходит мечтать о едином языке, больше не должно и мыслей возникать о покорении, ибо земля одна и едина, все слышат всё, и каждый слышит то же самое, зачем же покорять другие страны, и сейчас, в 1943 году, XIX век медленно подходит к концу.

Трудно понять, долго ли длится период между младенчеством и четырнадцатью годами, и если долго, каждый отрезок интересен, но мало запоминается, очень мало, остаются лишь эмоции, некоторые измерения, что-то увиденное, какие-то дни.

Бывают дни, когда случаются совпадения, бывают – когда нет, и когда случаются совпадения, совпадения, которые порождают суеверия, они вызывают то же самое удивление и ту же самую веру в любом возрасте, и между младенчеством и четырнадцатью годами случались и совпадения, и удивление. Происходят совпадения и ныне, вчера, сегодня, завтра, а потом некоторое время никаких, но едва они случаются, ты изумляешься. Долго не было никакой связи с Америкой, и вдруг некто

36 Стайн цитирует заголовок и рефрен поэмы Редьярда Киплинга «Бремя белого человека» (The White Man's Burden, 1899).

предложил мне восстановить связь, отослав туда телеграмму, а на следующий день пришла телеграмма оттуда, и так формируются суеверия, и когда ты молод, очень молод, суеверия пугают, но в старости, в глубокой старости они утешительны.

84 Война, война теперешняя, может отвергать суеверия, война 1943 года, поскольку все суеверия исчерпаны, исчерпаны и ушли в прошлое, и нет желания завести новые или вспомнить старые. От некоторых войн, не очень многих, люди устают, но от этой войны люди устали больше всего, мне кажется, от Гражданской войны в Америке устали все, но она не исчерпала всех совпадений и суеверий, как война 1943-го, ну, в каком-то смысле, да, исчерпала, и с младенчества до четырнадцати лет постепенно, но постоянно совпадения и суеверия волновали меня; совпадения будоражили больше, чем суеверия, впоследствии суеверия занимали больше, чем совпадения, а ныне, в 1943-м, совпадения опять не будоражат, скорее успокаивают.

Сейчас все начинается вновь, все оскорбляют друг друга, почему, никто не знает, может, чтобы создать совпадения, раз не осталось суеверий. Мадам Шабу только что мне рассказала.

Жила одна женщина в деревне, муж ее был фермер, фермеров тут больше всего. Стало ей невмоготу, и она позвала соседку прийти и помочь, мол, у нее пневмония. Сосед-

ка жила с другой женщиной, и мужа обеих были в плену, на войне попали в плен. Одна пришла помочь, увидела на простыне пятна крови и спросила: у вас ведь выкидыш, да? А та в ответ: да как вы смеете меня оскорблять. Но я вас не оскорбляла, ответила соседка, просто хотела выяснить. Соседка вернулась домой, а через неделю к женщинам заявился человек в форме и потребовал уплатить тысячу франков за оскорбление соседки, и они ответили, что не оскорбляли, но он настаивал: платите, и они уплатили. Вскоре они встретили ту соседку, и та заявила, что отберет у них все, у всех трех мужа в плену, обе женщины перепугались и поделились страхами с мадам Шабу, женой их лечащего врача, и мадам Шабу рассказала всю историю мэру, мэр посоветовал обратиться в магистрат, мадам Шабу так и поступила, а полиция обрадовалась, потому что они давно искали свидетеля против того человека и теперь у них двое свидетелей, и все остались довольны и успокоились, хотя денег не вернули, соседка по-прежнему их соседка, а все мужа по-прежнему в плену.

Между младенчеством и четырнадцатью годами невозможно поверить в такую историю, не в XIX веке, но на дворе 1943 год, что может остановить происходящее, хотя все еще есть совпадения, нет никаких суеверий, на самом-то деле нет, и все. Все чересчур от них устают, даже когда получают тысячу франков.

Такова война.

Между младенчеством и четырнадцатью годами если и не все, то многое, начинаешь подозревать, что жизнь и смерть не одно и то же, начинаешь сомневаться. А еще есть природа и ее эволюция, и вечерами после игр надо возвращаться домой дотемна, и начинаешь становиться легендой. Каждый может стать легендой в период от младенчества до четырнадцати, может стать и становится, и все знают, что надо сделать, чтобы стать легендой. Легко стать легендой в период с младенчества до четырнадцати, после этого остается лишь читать книги, потому что книги всегда о тех, кто стал легендой, и я помню, как становилась легендой снова и снова и видела, как остальные тоже становились легендами. Они знают, знают, что могут, могут стать легендой, если с ними на велосипеде, сзади, в корзине, собака, они знают, что могут стать легендой, если у них в каждой руке по цветку, они могут стать легендой, если потеряли палец, они могут стать легендой, если идут за руку и каждый все время зажмуривает один глаз. Они могут стать легендой и становятся, потому что каждый легенда с младенческих лет до четырнадцати, чистая легенда. Позднее легенда уже не так кристально чиста, поскольку ты подмешиваешь к ней себя, но в детстве стать легендой очень легко, становишься и все тут. Я помню, как сама становилась легендой, я расскажу несколько таких историй и какое они имеют отношение к войне. Эта война 1943 го-

да не очень-то легендарна, в этом ее проблема, она не похожа на войну 1914–1918 годов и другие войны, которые стали легендарными естественно. Это все равно как начало среднего возраста, где легендарному нет места, но, как уже говорилось, в детстве каждый легенда, и я тоже ею была.

Совпадения все серьезнее с младенчества до четырнадцати лет, они заменяют веру, совпадения – основа игр, основа веры, они не так уж важны дальше и становятся важны лишь гораздо позже, к старости, они реальны, они воссоздают веру, они уже не игрушки, а реальность, которая образует настоящее и будущее, когда, возможно, не обладаешь ни тем, ни другим. Возьмем, к примеру, войну, во время войны 1943 года много мелких совпадений, приятных маленьких совпадений, и позднее я расскажу об этой полной совпадений войне, этой бессмысленной войне, войне, которая по-настоящему и окончательно положила конец XIX столетию, войне, где столько совпадений, которые и стали единственной реальностью во времена нереального. XIX век считал совпадения законом случайностей и их изучал, но теперь, когда XIX век почил, совпадения опять реальны, они воссоздают веру, определяют будущее и сформируют XX век. Вы погодите, сами увидите.

Но между младенчеством и четырнадцатью годами совпадения использовались в жизни как необходимая основа для игр, реальными

были не совпадения, а бытие легенды, и я была легендой, и все мы были.

Что в детстве придает реальности легенде? Первые усилия выжить и первые усилия покончить с веком, в котором родился.

88

С младенчества до четырнадцати борешься за выживание, не в смысле физической смерти, это задача родителей, нянек и воспитателей, ты стараешься не знать, что смерть есть, и хранить это в секрете, и не делиться, не умереть и не знать почему – вот почему в этом возрасте все робеют, а позднее возникают и другие обстоятельства, вопрос вечности, быть или не быть королем или королевой, но между младенчеством и четырнадцатью годами кроме чтения, письма и арифметики, считалок, игр и совпадений, холодного и горячего, каждый или очень горяч, или очень холоден.

Нет проку запоминать период между младенчеством и четырнадцатью годами, тогда не было войны, могла бы произойти, но не случилась, когда я была в возрасте между младенчеством и четырнадцатью годами, тогда я была легендой, безусловно была, для себя и других, конечно, я боролась, чтобы не умереть, то есть не знать, что умирать означает умирать, а пугаться – не просто пугаться, это с чем-то связано. Хотите верьте, хотите нет, но сейчас утверждают, что у детей, у любого, с младенчества и до четырнадцати лет, нет никакой жизни, а сейчас не 1914-й, сейчас 1943-й, и XIX век мертв, мертв, мертв и от младенчест-

ва до четырнадцати лет я уже родилась добивать то, что еще не было мертвым, – XIX век, который так уверовал в эволюцию и молитвы, в эсперанто и всякие идеи. Можно подумать, что в период между младенчеством и четырнадцатью годами я намеревалась так делать, что делала и в каком-то смысле я так и делала, я за ними сейчас наблюдаю, между младенчеством и четырнадцатью, и в каком-то отношении я была такая же.

89

Что такое легенда.

Ныне легенд нет, потому что никто не знает, что такое быть легендой, не сейчас, в 1943 году.

Быть легендой с младенчества до четырнадцати означает играть в саду по вечерам, когда темнеет. Так это ощущаешь, и так оно и есть, каждый вечер, когда темнеет.

Между младенчеством и четырнадцатью годами наступает время, когда, читая, поневоле думаешь, что случится с людьми потом, что случилось с их детьми и внуками, кто на ком женился, какая шла война, когда они выросли или выросли, и после того, как они столько времени рождались и росли, не убили ли их на тогдашней войне. Сейчас 1943 год, кругом войска, они врываются с шумом и ночью при яркой луне, их полно в небе, они летят в Италию отбомбиться, и горы дрожат, как сказала мне одна женщина, это все равно что сидеть в медной кастрюле, и ты постоянно думаешь, как быстро можно убить человека, быстро, очень быстро, быстрее, чем в лю-

бой книге, гораздо быстрее, чем в книге, и тех, кто бомбит сверху, и тех, кто внизу в рушащихся горящих домах.

Итак, между младенчеством и четырнадцатую впервые задумываешься о том, что нечто происходит, происходит и в то же время останавливается, между младенчеством и четырнадцатую это не имеет смысла, совсем не имеет смысла.

Между младенчеством и четырнадцатую их могут звать Пол и Полин, и они, возможно, понимают, как узнали почему и когда и для чего, как выучились волнению, надежде и спокойствию.

Представьте, что вы Пол или Полин с младенчества до четырнадцати и живете без войны или в войну.

Я жила с младенчества до четырнадцати без войны, меня звали не Пол и не Полин. У меня была тетка Полин, но я ее тогда не знала и не знала никого по имени Пол, однако всегда считала, что это красивое имя и мне нравилось, когда оно встречалось в книгах.

Сколько я читала? Я всегда читаю книги, были, конечно, Поль и Виржини под зонтиком³⁷, не знаю почему, но они всегда под зонтиком, и мне казалось, что негры разговаривают очень странно. Диалект в книгах неприятен,

37 «Поль и Виржини» (Paul et Virginie, 1788) – роман французского писателя Жак-Анри Бернарден де Сен-Пьера (Jacques-Henri Bernardin de Saint-Pierre, 1737–1814).

и тогда, и даже теперь, тогда не было эсперанто, и сейчас нет эсперанто, никакого всеобщего знания, хотя каждый знает все. Теряешь чулок и, конечно, лучший, его унес ручей при стирке, мыла нет, 1943 год, стирают в проточной воде, и он уплыл, лучший шерстяной чулок, правда, только один, но что пользы от одного чулка, мы обе плохо спали в ту ночь, потому что чулок потерял, ее чулок, а в наше время имеешь то, что сохранил, то есть оно у тебя есть, пока хранишь.

91

С младенчества до четырнадцати дело обстояло иначе, ты имел все, что хранил, и хранил все, что имел, и раздумывал, чем занимались дети и внуки, особенно если это в прошлом. Очень загадочно и волнующе.

И еще в «Путешествиях Гулливера» описаны люди, которые никогда не умирают, и это должна быть иллюстрация к тому, что смерть необходима, ибо тот, кто не умирает, тот и не живет. Некоторые так и думают, и с младенчества до четырнадцати я думала, что совсем необязательно быть таким старым, чтобы никогда не умирать, почему нельзя оставаться молодым и никогда не умирать и, если не плачешь и хочешь никогда не умирать, почему нельзя все время оставаться такой, какая есть. Почему нет. Само собой, время с младенчества до четырнадцати течет медленно, и если бы оно текло еще медленнее, совсем медленно, нет причины не жить всегда, нет никакой причины. Лишь много лет спустя я сообразила,

что если бы никто не умирал, земля была бы заселена полностью, я, как я есть, не появилась бы на свет, и как бы сильно ни пыталась не быть собой, я бы воспротивилась этому очень сильно, так что почему бы и не умереть, но опять-таки, умереть – штука не стоящая, штука малопривлекательная, совсем.

92 Но вернемся к детству и легендарности. Конечно, я была легендой. Каждый в этом возрасте легенда.

Розы и фиалки, лютики и маргаритки, вот из чего получается легенда задолго до того, как они складываются в поэзию. И под легендой я понимаю вот что: все делаешь так, чтобы выглядеть, будто ты это делаешь, и ты это делаешь. Любой ребенок, девочка или мальчик с младенчества до четырнадцати понимает, как выглядит, совершенно точно знает, как выглядит, и потому совершенно естественно, что в этот период войны не было, потому что по-настоящему война, настоящая война недостаточно легендарна и не совсем то, чем выглядит.

Когда мы с братом поднимались в горы, шли и шли пыльными дорогами, уходили и возвращались, случалось всякое и ничто не стояло на нашем пути, мы были легендами тогда, именно тогда. Когда мы уходили в поход с ночевкой и тащили за собой тележку, спали, тесно прижавшись друг к другу, и любой мальчик и любая девочка становились теми, кем были любая девочка и любой мальчик, мы

были легендой, мы были легендарны. Каждый с младенчества до четырнадцати легенда. Все как будто было взаправду, а в жизни любая настоящая война совсем не такая, попросту не похожа.

Сегодня над головами пролетел самолет, и Виктор, ему девятнадцать, сказал: я боюсь. А мы сказали: и почему же ты боишься, ну, сказал он, потому что, они, конечно, не станут нас бомбить. Конечно, нет, сказали мы, даже если это боши, потому что здесь бомбить нечего. Конечно, ответил Виктор, но я боюсь. Почему, спросили мы. Потому что на этих германских самолетах летают дети, а вы же знаете, что такое дети, они не соображают что делают, могут упасть и уронить на нас самолет. Вот уж это не легендарно. Это неопределенность и неуверенность, а с младенчества до четырнадцати, когда боишься и когда доволен, когда ты есть ты, когда играешь и кричишь и затем плачешь, все, что надумаешь, все, что значишь, легендарно. Ничего нет, кроме легенды. Даже когда шестилетняя девочка рассказывает, что болела, лежала в кровати, и они бежали, само собой, 1940 год, и к ней пришел врач и сказал: три комнаты в одной кровати или три кровати в одной комнате, и все живы, и маленькая девочка шести с половиной лет не смогла удержаться от смеха, хотя чувствовала себя плохо, и они все бежали, и все остались живы.

Вот что я имею в виду, когда говорю, что с младенчества и до четырнадцати лет все ле-

гендарно, все и что угодно – то, что можно вообразить и воображается, и ничего другого.

94 Еда и рвота и война означают конец периода между младенчеством и четырнадцатилетием. Видишь это в любой день и в любом проявлении, еда и рвота и война. Еда необходима, крадешь ты ее или нет, и это вызывает рвоту и войну. И окончание периода с младенчества до четырнадцати означает не грезу, но пробуждение. Когда у дитяти рвота после еды – это не война. Когда еда и рвота у четырнадцатилетнего – это война.

Одно обстоятельство справедливо: когда нет пищи или ее очень мало, желудку переваривать легко, гораздо легче, чем когда налажено регулярное питание. Сейчас, в 1943 году, пища имеется, конечно, имеется, и все, ну, не все, но большинство изыскивают себе питание. День начинается с поиска пищи, и каждый день люди так или иначе пищу находят. Некоторые сравнивают это с сухим законом в Америке, но это не так, потому что люди в конце концов еды находят в избытке, но здесь и сейчас избыток еды только у крестьян, только они ее не находят, а выращивают. Люди говорят и думают, что этого же хочет каждый, все больше всего на свете хотят еды, мы – единственные, кто выращивает еду, и потому единственные, кто имеет право ее есть, и едят-таки. Крестьяне раньше были худощавыми, а теперь нет. Остальные прежде не были худыми, а теперь худые, мужчины худее женщин, женщи-

ны вообще лучше мужчин приспособливаются к той еде, которую удастся раздобыть. Как бы там ни было, даже маленький мальчик, очень маленький и очень толстый мальчик, которому нет еще и четырех, когда видит на незнакомой женщине шляпку с тремя яблоками, очень маленькими яблочками, говорит женщине: я хочу три таких яблока, и даже зная, что они не настоящие, продолжает просить, даже пробуждаясь: я хочу три таких яблочка.

95

Короче говоря, с младенчества до четырнадцати все, что они говорят, узнают и повторяют, легендарно, поскольку должно быть легендой, ведь все надо познавать, у них есть ноги, руками и пальцами управлять легче, они не так легендарны, как ноги, но тоже довольно легендарны.

В конце периода с младенчества до четырнадцати, в конце ничего не происходит. Что она сказала, когда ей было четырнадцать? Она сказала, что не хочет быть королевой. А его, четырнадцатилетнего, не интересовали король или королева. Совсем. Но тут начинается период с пятнадцати до двадцати четырех и начинается он с возможных потерь.

Средневековые означает, что жизнь, место и урожай, твоя жена и дети – все неопределенно. Их можно выжить, или забрать, или сжечь, или бросить, вот что означает Средневековье. И у первопроходца отчасти так же, не всё, но отчасти похоже, и когда тебе пятнадцать, все очень реальное, средневековое и перво-

проходческое. А сейчас 1943 год, и все ровно так же, садишься в поезд, исчезаешь, уезжаешь, дома у тебя нет, детей тоже, твой урожай забрали, сказать нечего, ты в пути и где кто? Отправляешься в дорогу, никто не подскажет куда, все может появиться и исчезнуть, могут сказать и да и нет, могут сказать уходи, никогда не скажут приходи, ну да, теперь говорят, говорят приходи и надо приходиться и надо уходить, все то же самое, что происходит здесь, могло происходить и там, и что происходило там, может произойти везде, так и происходит.

В пятнадцать наступает понимание, каково было жить в Средние века и быть первопроходцем. Очень похоже. А сейчас, в 1943 году, то же самое.

Приходишь в замешательство, очень странно понимать, что в любой момент тебе не только могут велеть уйти и ты уйдешь, но тебя к тому же могут и забрать силой. Тем не менее, ты остаешься, и если остаешься, то не уходишь. Так же было и в Средние века.

Я только что перечитала «Короля Иоанна»³⁸, в пятнадцать король Иоанн представлялся мне реальным, но сейчас стал реальнее, здесь и сейчас все та же картина, люди поступают так же, люди такие же, всё как в шекспировском «Короле Иоанне». Поэтому я часто вспоминаю, как сказал однажды о деньгах мой

38 «Жизнь и смерть короля Иоанна» (The Life and Death of King John, 1623) – историческая хроника Шекспира.

кузен: деньги всегда есть, да карманы меняются, а как поменяются, деньги уже не в тех карманах, и это все, что можно сказать о деньгах. С властью то же самое, в «Короле Иоанне» король и церковь, во времена моей юности средний класс, то есть деньги были у среднего класса, а сейчас у власти мелкая буржуазия, люди могут и будут иметь деньги, а значит, мелкая буржуазия таковой не останется, потому что у этого класса ничего легендарного нет, и истории любви нет, он не современен, не любит жить, не любит подвижности, ему ничего не интересно, он все знает и не меняется, вот что такое класс мелкой буржуазии, и он последние остатки XIX столетия, потому что в нем нет места надеждам и приключениям. Подумайте о диктаторах, они как раз таковы. Что я сказала? Я сказала: все обстоит именно так.

97

Пятнадцатилетний возраст не таков, скорее всего не таков, хотя мелкая буржуазия пытается быть такой, но пятнадцать лет средневековые и первопрородческие, никакой ясности, ни в чем нет уверенности, ничего не приходит и ничего не уходит. Но все может произойти.

В пятнадцать забрасывают рюкзак за спину. Кажется, что ты от этого сильнее. В пятнадцать, с рюкзаком за плечами, ты покоритель. И ныне в 1943 году у всех за плечами рюкзак, и так все и живут, нуждаются во всем, что можно загрузить в заплечный рюкзак. Так с пятнадцати до двадцати четырех, а ныне и с пяти

до девяноста каждый таскает рюкзак за плечами в надежде найти что-нибудь и туда положить.

98 С пятнадцати до двадцати четырех была Англо-бурская война, и впервые я узнала, много ли, мало ли народу должно сдаваться, я, как и все остальные, узнала, что такое хаки и тому подобное, а сейчас с хаки покончено, по крайней мере здесь, немцы и итальянцы носят печальную зеленую и серую форму, а в таком виде любой цвет грязен.

Между пятнадцатю и двадцатю пятью все очень живые.

С пятнадцати до двадцати пяти естественно полагать каждое воскресенье погожим. И надеяться, что в конце концов каждый день станет воскресеньем. В пятнадцать лет гулять и кататься, приходиться и уходить всегда удовольствие, все остальное еще не решено и все остальное лучше или важнее. Здесь и сейчас 1943 год, война приближается к концу, каждый, то есть, никто не знает, есть будущее или нет его, так и в пятнадцать – каждый и никто не знает, есть будущее или нет. Странные вещи случаются: впервые доишь козу, впервые видишь девушку выше себя и не понимаешь, красивая она или нет, целый день собираешься куда-нибудь сходить, но ничего не происходит, и раздумываешь, понесешь ли за это наказание. Так происходит в 1943 году и в пятнадцать лет так же. Все странное: лунный свет не затянут облаками, ветер дует, и деревья шумят,

люди говорят странные вещи и не то, что думают, так оно в пятнадцать лет, так же и сейчас в 1943-м. Забавная история о козе.

Молодая женщина из Швейцарии приехала в Экс-ле-Бен поработать в вышивальной лавке и поселилась у женщины, которая всегда держала одного квартиранта. Когда молодая женщина приехала, хозяйка сказала: я должна предупредить, что не держу корову, только козу. О боже, воскликнула молодая швейцарка, я выросла в горах, где с младенческих лет ради меня держали единственную корову. О боже, я не могу пить козье молоко, никогда, никогда. Ладно, сказала хозяйка, я договорюсь с соседкой, коль ты настаиваешь, получишь коровье молоко. Девушка прожила у женщины три года и в дальнейшем ее жизнь сложилась счастливо. Она вышла замуж и время от времени навещала женщину, которая была так добра к ней, незнакомке. Спустя много лет старушка смертельно заболела, молодая женщина приезжала к ней довольно часто и однажды получила известие, что старушка при смерти и хочет ее видеть. Она приехала, и умирающая сказала: прежде чем умру, хочу поведать тебе, все годы, что ты жила у меня, я тебя обманывала: неправда, что я давала тебе молоко от соседской коровы, я давала тебе козье, ты и не догадалась, а я не говорила, но сейчас, перед смертью, должна открыться, не могу умереть, не сказав правды, и они обе заплакали, и женщина умерла, и конец истории.

Она рассказала нам потому, что в тот момент мы все были счастливы, шел 1943 год, она только что купила корову для себя, мужа и детей, а мы заполучили козу, все были счастливы и делились друг с другом впечатлениями. Мы рассказали, что никогда не хотели даже пробовать козье молоко, а сейчас попробовали, и оно, оказывается, нежнее, слаще, легче и жирнее, чем у коровы, а соседка подтвердила и рассказала свою историю, и сейчас у них есть корова, то есть они купили ее для фермера, у которого умерла лошадь, новую лошадь не купили, а купили корову, и теперь у них будет коровье молоко. Никто не подозревает, пока не окажется в подобной ситуации, что значит готовить на воде, а сейчас у них есть корова, а у нас коза, приятная белая козочка по имени Бизерт, потому что мы получили козу утром в день победы³⁹. Мне нравится гулять с козой, теперь я отпускаю ее гулять без привязи, мне один человек сказал, а я всегда прислушиваюсь к тому, что мне говорят, примерно так ведут себя люди с пятнадцати до двадцати четырех лет, но не взрослее. Мы радостно смеемся и довольны, что у нас есть коза.

С пятнадцати до двадцати четырех, да, была война, Англо-бурская война.

В пятнадцать время течет не быстро, но большую часть времени делать нечего, разве что бесцельно болтаться, и в играх, и днем,

39 Бизерт (Bizerte) – город в Тунисе, освобожденный американскими и французскими войсками в мае 1943 г.

и вечером, болтаться, даже не вставать и не садиться, просто болтаться без дела. А теперь, вот сейчас, всем приходится выращивать какое-нибудь пропитание или где-нибудь мотаться, чтобы его раздобыть, сейчас 1943 год, на пятнадцать лет не похоже, скорее на жизнь двадцатидвухлетних, в двадцать два каждый занят тем, чтобы быть собой.

В этом возрасте была Англо-бурская война, шок и удивление от понимания того, что армии могут сдаваться, не так много убитых, солдатам можно сдаваться, а войне – не заканчиваться. Англо-бурская война поведала новость: англичане могут сдаваться, хотя число убитых перед капитуляцией составляло малый процент от того, что предполагала статистика, но они не проиграли войну. Вот это было в новинку. Когда англичане сдались во время нашей Войны за независимость, война и закончилась, они проиграли, а в Англо-бурской войне, когда они так поступили, война не закончилась, они не проиграли, и это было что-то новое. Это хорошо согласовывалось с моими где-то двадцатью двумя годами, прямо очень хорошо.

Но в пятнадцать войны не было, в пятнадцать не было никакой войны.

С пятнадцати до двадцати двух неестественно, чтобы кто-нибудь в окружении врагов, с ним не говорящих, съел единственную порцию шоколада⁴⁰, а ведь то были не мальчики,

40 Королева Виктория во время Англо-бурской войны послала каждому солдату коробку с шоколадом.

но мужи, и они все хотели этого шоколада. Вполне естественно для 1943 года. Когда тебе пятнадцать, чудесно ощущать, что можно так поступить – занять врагов, которые не будут с тобой разговаривать, и уминать один-единственный кусок шоколадного торта в присутствии всех врагов, которые с тобой не разговаривают, но хотят торта. Парадоксальная это штука – отношения с врагами. Столько нужно времени, чтобы в них поверить, поверить, что они враги, и на самом-то деле никто, кажется, и не верит, не верит, что они враги. Примерно в пятнадцать впервые узнаешь про врагов, не из книг, конечно, книги полны врагов, а в жизни. Что такое враги, что такое война и есть ли в войне враги или нет. С пятнадцати начинаешь раздумывать о таких вещах наряду с вечностью, облаками, красотой и верой. Враги не так уж важны, реальные или нет, помню в шестнадцать лет я смотрела пьесу, модернистскую по тогдашним временам, в которой у женщины, а может, то была девочка, было очень много врагов, других женщин и девочек, и могла ли я в это поверить? Нет, не могла. Но тот, кто в 1943 году ел шоколадный торт, всегда был уверен, что у него есть враги, и враги эти настоящие, даже если ему всего пятнадцать. Но касательно войны, ну, он не был так уж уверен, что перед ним враги. Может, да, а может, и нет.

У нас две служанки, сестры, мы только что перебрались в этот дом, прекрасный боль-

шой современный дом под горой с красивым парком, где множество кустов, больших деревьев и елей, из двух сестер одна отличная кухарка, другая замечательная горничная, и обе знают о врагах все, как в мирное, так и в военное время. Сейчас, в 1943 году, они забыли о мире, может, и нет никакого мира, но они знают все о врагах во время войны, о реальных врагах и о врагах, которые враги. Звучит одинаково, но не одно и то же.

103

В произведениях Шекспира очень много врагов.

С пятнадцати до двадцати четырех столько времени занимает ничегонеделанье, только болтаешься без дела и ждешь, когда что-нибудь произойдет. В нынешнем 1942-м, в апреле 1942 года⁴¹ больше никто не болтается бесцельно и не ждет событий, это относится, конечно, к тем, кто не воюет, а вот у тех, кто воюет, так и есть, они болтаются в ожидании чего-то, но остальные, как и положено взрослым людям, заняты, необязательно всем на свете, но каждый день знают, что им предстоит делать завтра. С пятнадцати до двадцати трех или двадцати четырех никто не знает, что будет делать завтра.

С пятнадцати до двадцати трех невозможно вернуться назад во времени.

А сейчас, в 1943-м, вообще никто, в любом возрасте, не может вернуться во времени.

41 Видимо, описка: речь идет о 1943 г.

И по той же причине много чего надо сделать, и делать нечего, никак не выйдешь из дома, но все в пути, все со всеми разговаривают, иногда знаешь чуть ли не всех и невозможно вернуться домой вовремя. Что значит вовремя? Просто домой вернуться вовремя или вернуться во времени, и так обстоит дело с пятнадцати до двадцати трех. Никто не может вернуться во времени.

Война и враги.

Говорю же, в драмах Шекспира много врагов.

С нами живут две сестры, обе уже немолодые, присматривают за домом, куда мы переселились, нам здесь вполне удобно и даже замечательно, и они знают, что такое враги.

Они родились в верховьях Роны. Нам нравится история Торнтона Уайлдера об американском туристе, который утверждал, что есть две точки зрения на произношение – одни говорят, что следует произносить Райн, другие – Рона. Неважно, они обе родились в верховьях Роны, красивой реки, у нее в долине всегда гуляет ветер, слабый ветер или сильный, но всегда гуляет. При рождении им дали странные имена, они не были двойняшками, одна определенно старше, другая определенно младше, а имена, которые им дали, – Клотильда и Олимпия, хотя для них самих это естественные имена, совершенно не странные. Их близкие умерли, и тогда младшая, еще юной, в семнадцать лет, устроилась горничной в Моравии, где говори-

ли на необычном языке, но жизнь была приятной, старшая, Клотильда, родила сына, его убили в самом начале войны 1914–1918, и других детей у нее не было. В общем, все у них умерли, было немного мебели, обе в свое время по отдельности были личными служанками итальянских графинь, им всегда нравилось служить у знатных персон, они жили в 1914–1918 и чуть позже в итальянских семьях, тогда итальянцы не были врагами, не их врагами. Затем они вернулись в долину Роны, Клотильда – поварихой, а сестра – служанкой, они и знали и не знали, что такое враг. Здесь они жили очень уютно и относительно роскошно. А затем произошли естественные события, и многое поменялось, как обычно меняется, пришел 1939 год, их хозяйка уехала, испугавшись возможных бомбардировок, а они остались одни, иногда одиноко вдвоем, а иногда и одному, но в огромном доме и парке всегда одиноко. Затем война стала чуточку больше походить на войну, то есть появились солдаты, солдаты приходили и уходили, нарушали покой, но сестры и не подозревали, что враги могут доставлять еще бóльшие неудобства, хотя могут. А затем появились враги, прямо тут, прямо тут, в доме, и не уходили, и они были врагами, никто не мог отрицать, что они враги, уж точно не Клотильда и Олимпия. Олимпия и Клотильда знали, что такое враги, и эти были врагами.

Оттого, что враги таковы, враги дрожат. Они устроили такую суматоху, объявили сест-

рам: вы повержены, и сестры знали, что это враги, но это еще не означало быть поверженным, быть поверженным означало печаль и тоску, бессилие и горести, но не ужас. Враги поселились здесь, с ними поселились и страдания, которых сестры хотели бы избежать, но не удалось. Враги были здесь. Сестры обосновались в кухне, но не ночевали там, просто не могли, не могли спать, когда рядом враги, они нашли комнатку снаружи, и ночевали там, но каждый день проводили на кухне, а там жили враги, не на кухне, но в доме. Это было ужасно, они этого не смогут забыть.

В тот день, когда враги победили, они приходили один за другим, и каждый объявлял, что они не только победили, но покончили с другими и так будет с каждым. Увы, это была истинная правда, да только спустя два года стало по-другому, иными словами, если враг и выиграл, то со всеми не покончил, все еще только начиналось, и, возможно, враг и не побеждал.

Но в день победы враги приходили по очереди сказать сестрам, они ничего не взяли в доме, это считалось бы мародерством, но они взломали сундуки обеих женщин, забрали все, и поскольку женщины были всего лишь служанками на кухне, забрать все не считалось кражей, и потому они взломали сундуки и всё забрали. Женщина, которая стирала белье врагам, отчасти и сама считалась врагом, не таким, которого нужно бояться, просто врагом, и она говорила, что враг победит, по-

тому что у него удивительное оружие, до сих пор невиданное, у всех врагов удивительное и невиданное оружие. Сейчас, говорят Клотильда и Олимпия, 1943 год, враги, возможно, и правда чувствуют, что у них удивительное оружие, какого еще никто не видел.

Справедливо утверждение, что враги бывают разные, одни устрашают, другие крадут, а третьи как демон, подчиняют тебя. Так говорит Олимпия. Сейчас объявился демон, хозяйка, требующая ее к себе, она должна подчиниться и так несчастна, что не может сдержать слез.

107

Странно, и в пятнадцать начинаешь понимать, что враги не таковы, какими кажутся, к двадцати четырем уже знаешь, что враг есть враг, а в промежутке, и после, и теперь не ясно, враги ли те, кто кажется врагами.

В пятнадцать люди и животные, деревья в саду и цветы нужны не для того, чтобы их собирать, но чтобы чувствовать. В 1943 году все тяжелее раздобыть молоко. Молока не было, даже обрата, и потому каждый, кто мог, заводил козу. И мы купили козу. Когда мне было пятнадцать, меня интересовали не козы, а стена, я читала, что фруктовые деревья растут на солнечной стороне стены, и в пятнадцать всегда говорила, что когда стану старше и смогу себе позволить, заведу стену, и у меня все фруктовые деревья будут расти на солнечной стороне стены. Помню, как впервые увидела фруктовые деревья, растущие на стене. Сразу

после Испано-американской войны, мы были в Париже на выставке, только что застрелили Маккинли⁴², и я увидела фруктовые деревья, приученные расти на солнечной стороне стены, и вспомнила, как в пятнадцать лет хотела выращивать фрукты на солнечной стороне стены, а мой брат сказал, что в таком случае будет держать козу на стене, чтоб она объедала деревья. А сейчас 1943 год, молока нет, мы держим козу, я ее выгуливаю, мне она нравится, хоть и упрямая, а я поняла, почему нам нравятся цветы. Потому что козы выбирают цветы для еды, дети собирают цветы, потому что животные выбирают цветы для еды, и вот так дети собирают цветы.

В пятнадцать лет цветы обретают другой смысл, красота есть красота, цветы есть цветы, но когда их сорвала коза, они уже больше не цветы.

Красота не нуждается в оправдании своего существования, это начинается в пятнадцать, это, а также то, что враги не те, кем кажутся, все это начинается в пятнадцать. В пятнадцать ты обременен необходимостью подчинять другого, не учась и учась, дерясь и не дерясь, и войной, красной войной, белой войной, зеленой войной и черной войной. Черная война – драка,

42 Уильям Маккинли-младший (William McKinley Jr, 1843–1901) – 25-й президент Соединенных Штатов Америки (1897–1901), убит вдохновленным анархистскими идеями Леоном Чолгошем 5 сентября 1901 г.

красная война – война, белая война будоражит, а зеленая война разочаровывает. В пятнадцать началась война, и каждый знает, что война началась, светит солнце или нет.

Что произошло. Она – Люси Лилли Лямон⁴³ хотела, чего хотела, глупой не была, была самонадеянной и сумасбродной, не нервной, но упрямой и считала себя выше других. Так можно создать себе врагов, даже если их нет. Примерно так же, но отчасти по-другому. На войне можно забыть о Люси Лямон. Почему бы и нет, на войне она не представляет никакого интереса. И поэтому мы так относились к Англо-бурской войне, первой войне, благодаря которой мы почувствовали, что войны есть войны, но те войны не были важными, потому что ничего не меняли. Только сейчас, в 1943-м, мы понимаем, что чувствовали тогда, но тогда мы начинали, только начинали так ощущать.

109

Люси Лилли Лямон всю жизнь было пятнадцать, как тут выражаются, не продвинулась дальше начальной школы, и поэтому она пятнадцатилетняя на всю жизнь, это очень интересно, похоже и не похоже на войну, война во многом такова, а когда все устанут от войны, тогда все по-другому.

Пятнадцать.

Каждый раз, когда смотрю на них, спрашиваю, сколько им лет. Обычно они младше

43 Люси Лилли Лямон – одна из героинь романа Гертруды Стайн «Люси Чёрч дружески» (Lucy Church Amiably, 1927, впервые опубли. 1930).

пятнадцати, или старше пятнадцати, им редко бывает ровно пятнадцать, и если им ровно пятнадцать, они особенные. Пятнадцать лет – особенный возраст, одиннадцать или тринадцать – ничего особенного, семнадцать или девятнадцать тоже ничего особенного. А вот пятнадцать – весьма особый возраст.

110 А сейчас июнь 1943-го, два молодых человека двадцати одного года зашли попрощаться, они надеются, что скорая смерть их минует, но все, кому двадцать один, обязаны уехать в Германию заложниками, их загонят в лагерь, говорят, они будут работать на заводах, но работы нет, а если они скроются, это само по себе разумно, если бы не зима, но закончится ли война до зимы, спрашивают меня, а кто может им ответить, сама не знаю, могу только посоветовать изучать немецкий язык, вообразить себя путешествующими студентами, а они спрашивают: если мы не будем считать немцев врагами, придется ли это по вкусу американцам, вдруг они разозлятся, но, сказала я, вы можете учить немецкий, читать книги, изучать народ, как будто вы туристы, и все равно считать их врагами. Почему бы и нет. Ну и они сказали, почему бы и нет. Как бы там ни было, они сказали: вы нас ободрили, я поцеловала обоих, пожелала им благополучия, один вернулся опять пожать руку, и я снова его поцеловала, посоветовала быть благоразумным, и он сказал да, и они пошли вверх по холму. О боже, невозможно спать спокойно.

Но с пятнадцати уже можно думать про врагов, совершенно отчетливо про них думать.

Идея врага ужасна, из-за нее забываешь о вечности и страхе смерти. Вот что такое враг. То же самое с собственностью, только в меньшей степени, из-за нее тоже забываешь о вечности и страхе смерти.

Столько всего начинается лет в пятнадцать. Деньги, имущество, вечность, враги, страх смерти, разочарования и печаль начинают задолго до того, но в пятнадцать их уже можно записывать, что придает разочарованиям и печалям глубину и утешение. Все это может начаться и начинается в пятнадцать, чуть позднее пришла Англо-бурская война, и война уже не касается других, не принадлежит истории или литературе, война происходит сейчас, война – утрата иллюзий и разочарование. Я не знала лично тех, кто воевал или чьи родственники воевали, но в то время в Америку очень осознанным ощущением пришел англосаксонизм, Дули⁴⁴ это высмеивал, мы все были разочарованы, не о том писал Киплинг и хроникеры восстания сипаев, это было нечто другое, то, о чем мы тогда не подозревали, начало конца XIX века, который сейчас, в 1943 году, стремительно умира-

III

44 Дули – юмористический персонаж, созданный американским журналистом Финли Питером Данном (1867–1936). Доктрина англосаксонизма – вера в превосходство людей англосаксонского происхождения.

ет, но мы, кто жил тогда, почувствовали, потому что уже начинался XX век, и мы не знали, но почувствовали, что Англо-бурская война была первым выстрелом в XIX век, и хотя мы полагали, что и сами из этого века, внутренне ему не принадлежали, знали, что надо сожалеть о его уходе, но не сожалели, хотели другого и должны были его заполнить.

112

У Шекспира в «Генрихе VI» я сейчас обнаружила, что он сказал о Жанне д'Арк, в хронике она еще не погибла, фактически только появилась, и Шекспир предсказал, что она станет величайшей святой Франции и заменит святого Дионисия⁴⁵, а ее причислили к лику святых позже, гораздо позже, как раз к войне 1914-го⁴⁶, но она, вне всякого сомнения, и Шекспир оказался прав, вне всякого сомнения она величайшая французская святая и полностью заменила святого Дионисия. Странная это штука – быть правым. Все хотят быть правыми, даже тот, кто утверждает, что лучше быть правым, чем президентом⁴⁷. Говорить «я был прав» естественно, я права, разве нет?

45 Святой Дионисий Парижский – христианский великомученик и святой, покровитель Парижа, в III веке был парижским епископом.

46 В 1909 г. папа Пий X провозгласил Жанну блаженной, а 16 мая 1920 г. папа Бенедикт XV канонизировал ее.

47 Слова принадлежат сенатору Генри Клею, который произнес эту реплику в Конгрессе США в 1839 г., будучи кандидатом в президенты.

Интересно, полагает ли Лаваль⁴⁸ и его правительство, что они правы ныне, в 1943 году, конечно, Малыш написал мне в 1942-м, что в конце 1942 года будут хорошие новости, весной 1943-го их будет гораздо больше, чем плохих, а к лету 1943-го новости буду до того хороши, что у печатных машин не найдется таких огромных букв для праздничных газетных заголовков, и сейчас итальянские острова покоряются один за другим, один за другим, остается преодолеть еще одно море, и каждый, кто понимает, что такое враги, теперь в тревоге, потому что, и это весьма странно, все, зная, что дело движется к концу, все соседи обвиняют друг друга в спекуляциях на черном рынке, в воровстве, в том и сем, и потому столько народу арестовано, бедная мадам Берар сказала: печально было видеть, как муж уходит в окружении полицейских, будто преступник какой, и понимать, что кое-кто из соседей этому радуется. Конечно, он забивал животных, а продавал он мясо или только подавал в своем ресторане – кто знает, а ее мальчик должен ехать в Германию, потому что ему двадцать один год, хотя он талантливый математик и ему прочат большое будущее в Лионском университете, семья всегда была воспитанная, добрая и услужливая, никогда не брали

48 Пьер Лаваль (Pierre Laval, 1883–1945) – французский политик-социалист. Премьер-министр коллаборационистского правительства Виши в 1942–1944 гг.

втридорога, даже если могли, истинная правда, никогда так не поступали.

Трудно разглядеть врагов, все начинается в пятнадцать, познаешь все и больше не бываешь счастлив, взбудоражен – это да, но счастлив не бываешь. Олимпии нужно уехать, и она знает, кто ее враги, немцы – вот кто враги, они здесь, там их нет, она сядет в поезд и в поезде вынуждена будет встретиться с ними, и эта мысль превращает ее в старуху, она не хочет уезжать, нет, совсем не хочет, но ее хозяйка утверждает, что обязанность служанки повиноваться приказу хозяйки, а не слушаться своих переменчивых причуд, но ее причуды никогда не менялись, она всегда знала, кто враг, кто ее враги, да, она всегда знала, с тех пор, как они появились в ее доме.

В общем, Англо-бурская война была неприятна, но не очень серьезна, даже для буров, они, как и все, потерпевшие поражение, получили максимум, лучше потерпеть поражение и выиграть, чем выиграть и потерпеть поражение. Сейчас 1943 год, и странно наблюдать, как враг слабеет, медленно слабеет, быстро слабеет, не терпит поражение, ничего такого, просто слабеет, французы набирают силу, проигрывают, но не слабеют, а немцы не проигрывают, но слабеют и ослабеют настолько, что погаснут, как лампа без масла или без нити накаливания не умирает, просто слабеет в ничто. Пока они слабеют, все говорят, что они все еще сильны, а затем ослаб-

нут. Такова ситуация, то есть такие вот дела в 1943 году.

После Испано-американской войны была Англо-бурская, и мне уже было не пятнадцать, я была старше, училась в медицинском институте на первом курсе и поехала в Сан-Франциско навестить брата Майка, который только что женился.

Для меня Испано-американская война стала первой современной войной. Модернизм как реализм, для кого-то модернизм всегда модернизм, для кого-то реализм всегда реализм, не для кого-то, а для многих одновременно. Модернизм всегда современен, ныне, прежде и некогда.

Современным было зрелище того, как мужчины со Среднего Запада, молодые мужчины, в большинстве мальчишки, собирались в Сан-Франциско и, экипируясь, на кораблях затем отправлялись на Филиппины. Я читала «Генриха V» Шекспира и изумлялась, с какой легкостью обсуждался вопрос транспортировки десяти, пятнадцати, даже двадцати тысяч солдат по воде из Англии во Францию. Как при относительно малом тоннаже флота, как им удалось перебросить столько народу через океан, как им удалось, ладно, они говорят, что удалось. Назовите это современностью, коли вам нравится, но солдат, сколько угодно солдат всегда можно транспортировать через океан, и сейчас, здесь, в июне 1943 года, мы ждем их, ждем, что они принесут нам обувь, и чул-

ки, и зубную нить, у нас в деревне полно еды, впрочем, хотелось бы побольше пирогов, сахара, масла, но здесь, в деревне, с козой и курами, еды у нас довольно, да еще рыба, в самом деле предостаточно еды. Однако утомительно наблюдать, как все сажают и выращивают овощи, думаешь: вернуть бы те счастливые дни, когда овощи росли не на земле, а в консервных банках. Огород поначалу выглядит многообещающе, но со временем там только овощи и растут, ничего, ничего, кроме овощей.

Ну так вот, Испано-американская война была современной, но принадлежала XIX веку, сплошная борьба за превосходство на море, мы все это где-то вычитали, хотя и так знали благодаря Нельсону, а теперь затеяли это все вновь, и было очень волнительно, нам открылись трудности командования двумя флотилиями, в Тихом океане и в Атлантическом; мы начали ощущать, что нам предстояло стать активным игроком в мире, на календаре был XIX век, абсолютно XIX век, о XX веке мы еще не думали, мы были возбуждены и не понимали, что XIX век катится к концу. Я тогда была совсем юной, но по-прежнему вижу этих молодых людей в Сан-Франциско, эту молодежь со Среднего Запада, двадцати лет, двадцати одного года, с неоформленными шеями, с пухлыми лицами, понимаю, почему их называли «пончиками»⁴⁹, они все такие в два-

49 Кличка (*doughboy*) американских солдат времен Первой мировой войны.

дцать и двадцать один, спят где и как угодно, сидя, стоя, головы, рты и глаза готовы спать где угодно, открытыми или закрытыми, вот что такое двадцать или двадцать один год, и сейчас, здесь и сейчас то же самое, юношей двадцати одного года, молодых французов, депортируют в Германию, оба пришли ко мне попрощаться, надеялись на утешение, а я только и могла сказать: попробуйте изучить немцев, их язык, их литературу, считайте себя туристами, а не узниками, и они волновались, нервничали, спросили, понравится ли это американцам, конечно, сказала я, американцы только и хотят, что вас освободить, и они ответили да, мы знаем. Я так и чувствую и то же самое говорила французам и француженкам, которые на что-нибудь жаловались; я говорила: каждый раз на улице в Билиньине я вижу вашу молодежь, что бы ни происходило, они здесь, это самое важное, они никуда не делись. А вот теперь они исчезли и продолжают исчезать. Одни уходят в горы, другие плетут заговоры, восемнадцатилетнего сына нашего дантиста забрали, потому что он помогал, и его могут расстрелять. О боже. Мы все плачем. Но ничего не остается, только ждать, когда придут наши, ничего. И они, я видела поезд с юношами, все совали им хлеб и вино, хотя и у самих не в избытке, а они уезжали под охраной жандармов. Тогда они были еще бодры, но вскоре устанут и уснут где и как смогут, на сиденье, стоя или как угодно.

Удивительно, но по моим воспоминаниям юноши со Среднего Запада, отправлявшиеся на Филиппины, были в точности как их французские сверстники, отправлявшиеся в Германию, депортированные и оторванные от родных. О боже мой.

Вот это был реализм. Всё есть реализм, но это точно был реализм.

118

Все это вызвало в памяти впечатление от книги «Вайандотте, или Хижина на холме»⁵⁰, прочитанной примерно тогда же, шок, книга впервые открыла мне глаза на то, каково это, не знать, верен ли тебе человек, верят в тебя или не верят, разделяют ли твои интересы и как это понять. Я прочла горестные стенания многих великих людей и многие романы, но каким-то непонятным образом именно благодаря «Вайандотте, или Хижине на холме» поняла: ты можешь считать, будто кто-то тебе предан и верен, а на самом деле все не так, он против тебя и при необходимости осудит тебя. Сейчас, в июне 1943 года, я порой наблюдаю вокруг подобную картину.

Для начала Олимпия, которая знает своих врагов, враги ли они, могут ли они стать другими или наоборот, могла ли она перестать быть верной тем, кому прежде была верна, могла ли настолько противиться желанию вас покинуть,

50 «Вайандотте, или Хижина на холме» (Wyandotté: or The Hutted Knoll. A Tale, 1843) – роман Джеймса Фенимора Купера о Войне за независимость в глухих уголках Америки.

а когда в самом деле вынуждена была вас оставить, в последнюю минуту отвернулась бы она от вас, тем самым настраиваясь на того, к кому направляется? Могла ли она так поступить и поступила ли? Она так поступила. Была ли она готова и смогла бы оговорить первую хозяйку, вторую, вообще кого-нибудь или поступила бы так лишь для того, чтобы подготовиться в случае, если будет вынуждена что-то сделать, и пришлось делать это, а тот, кого она оставила, сообразил бы, что она была не очень-то услужлива, скорее бесполезна, хотя все полагали, что она работала безукоризненно и вообще почти святая. Боже мой. Похоже на детектив, тем более что ее сестра Клотильда душилась дешевым вражеским одеколоном, чтобы заглушить запах лука и готовки, и стало ли известно, что она спала в комнате своей хозяйки? О боже, боже мой.

119

Сколько зеркал может быть в доме, когда столько дверей, много, очень широких и высоких, и на всех висят зеркала, и что за удовольствие видеть в них себя. Ожидаемое и неожиданное, что за удовольствие.

Сейчас июнь 1943 года, и происходит нечто странное, каждый день сильнее ощущение, что тот или иной предатель или окажется им, и что же делают, посылают им деревянный гробик, иногда вкладывают туда письмо, иногда веревку, призывая повеситься, временами посылка приходит местной почтой или по железной дороге, иногда вешают на де-

рево или кладут у порога. О боже. Сувенир мой храня, не забудь про меня, вот что они имеют в виду, потому что кое-кто сообщил, где прячутся молодые люди двадцати одного года, это не требовалось, они просто сообщили, и потому-то им отослали деревянный гробик. Понятно, что нужно найти надежного плотника, который сработает гробики, но такого нашли.

Итак, увидев Испано-американскую войну и этих парней со Среднего Запада в Сан-Франциско, я поняла, что такое реализм.

Сегодня, в июне 1943 года, я вышла в сумерках прогуляться по горной деревушке Кюлоз, где сейчас живу, со мной была собачка Баскет, молодой человек в рабочей одежде заметил, славная собачка, только я свистел-свистел, а она не идет. О, сказала я, свистеть мало, с ней надо заговорить по-английски. Мой отец умеет, ответил он, и я когда-то умел, но теперь забыл. Я спросила: как так вышло, не что ты забыл, а что твой отец говорит по-английски, очень просто, ответил он, отец американец, а, вот оно что, сказала я, да, сказал он, в последнюю войну служил солдатом в Европе, женился на француженке, нашел хорошую работу в Шомоне и остался, а в 1938-м мы хотели уехать, но мать заболела, и мы не уехали. И что с ней, спросила я. Она умерла. А он? В лагере, когда в войну вступили американцы, его забрали. А вы? Нас четверо, братья и сестра, старший артист в «Комеди Франсэз», вто-

рой сантехник, третий старший мясник в лагере для молодых рабочих, я здесь работаю на ферме, меня зовут Роберт Нельсон Уайт, а я смотрела недоверчиво, не зная, правду ли он говорит, и он сказал: вот мои документы, там неправильно написали «Уайт», но меня тут знают как Роберта Уайта, а «Нельсон» я выкинул. Мне стало как-то несообразно, всё в эти дни, в эти странные дни какое-то несообразное, и мы пожали друг другу руки, я пошла с Баскетом вверх по холму, а Роберт Нельсон Уайт пошел вниз.

121

И тогда я подумала, насколько отличалась Испано-американская война от других войн. Я спросила Роберта Нельсона Уайта, не был ли его отец французом по крови, или его бабушка, или бабушка, но нет, он сказал, что отец американец, у его предков не было другой крови, его младшей сестре четырнадцать, ходит в школу, а он с братом пересек границу, пробрался в свободную зону, и вот он здесь.

В Испано-американской войне романтика была незамысловата и реалистична, как у молодых калифорнийцев, отправлявшихся на войну, и генерал Кинг⁵¹ писал об этом в романах и в одном написал: я бросил поводья ординарцу Неду Хэнфорду, это и в самом деле был Нед Хэнфорд, и когда тот прочел эти простые слова, его охватила дрожь волнения,

51 Чарльз Кинг (Charles King, 1844–1933) – военачальник во время Испано-американской войны и писатель.

и так с ним происходило всегда. Вот как обстояли дела тогда, в Испано-американскую войну. И тогда задумались о реализме. Роман «Алый знак доблести»⁵², любое простое описание войны у русских писателей, а позже морского сражения в следующей, Русско-японской войне, подавали события такими, какими они были, а не какими чувствовались или виделись. Так или иначе, в Сан-Франциско были эти парни со Среднего Запада, был и Чайнатаун, и Французский квартал, и соляные ванны⁵³, и много такого, чего они прежде не видели. Во время войны всегда так бывает, всегда.

А сейчас, в июне 1943 года, сплошные тяготы, столько печального происходит, столько людей в тюрьмах, столько забрали, сын нашего дантиста, ему всего восемнадцать, ему бы держать вступительные экзамены в университет, а он вместе с другими собрал фургон с обувью, одеждой и оружием для молодых людей, которые укрылись в горах, спасаясь от депортации, и что же случилось с ним и остальными? Я только что встретила приятную женщину, отважную, живет в старинном замке, у нее пятеро детей, младшему двадцать один, и он

52 «Алый знак доблести» (The Red Badge of Courage, 1893) – роман американского поэта, прозаика и журналиста Стивена Крейна (Stephen Crane, 1871–1900) о дезертире-северянине в период Гражданской войны в США.

53 Имеются в виду общественные соляные бани «Лёрлин», построенные в Сан-Франциско в 1894-м и закрытые в 1936 г.

уехал, она не разорилась, но жизнь все доро-
же, она и дети тяжело работают, чтобы не по-
терять замок, сами стригут овец, все делают
сами, а сейчас она не возражает, чтобы Крис-
тиан ушел, то есть не возражала бы, да вре-
мена непонятные и тревожные, он славный
мальчик, крупный и высокий, обаятельный,
с его рождения не случилось и трех месяцев,
чтобы он не видался с семьей, никогда, а сей-
час... Что ж поделать, сказала я, он надеется
вернуться назад к сбору винограда, а она ши-
роко раскрыла ясные глаза и сказала да.

123

Поневоле все чаще задумываешься о стран-
ности и нереальности этих парней со Сред-
него Запада, кого вполне естественно назы-
вать «пончиками», приехали в Сан-Франциско,
затем отправились на Филиппины, добра-
лись туда и вернулись, я не видела их, так
что вообще-то не знаю, что с ними случилось,
к тому времени мы все заинтересовались ре-
ализмом в литературе, и это продолжалось
до 1938-го, когда все закончилось, наступил
конец XIX века, и реализм последнее, с чем по-
кончил XIX век. Каждому понятно, что здесь
и ныне в реализме смысла нет, никакого от не-
го толку, никакого, и потому сейчас не XIX,
а XX век, больше нет реализма, жизнь не ре-
альна, не серьезна, она странная, а это совер-
шенно другое дело.

В Испано-американскую войну случались
перебои с питанием, а в Англо-бурскую войну
были концентрационные лагеря, где люди го-

лодали, и это вполне естественно. Концентрационные лагеря для буров потрясали нас, тогда никто не знал, что наступит час, когда всем, то есть всем в Европе нечего будет есть. Был голод в Китае, даже в России, был голод в Индии, и во времена Англо-бурской войны все изумлялись, а сейчас, здесь, в 1943 году, нечего есть, еды не хватает, ешь, что найдется, покупаешь продукты вчерную, то есть на черном рынке, постоянно думаешь о еде, все в пути, на велосипедах или пешком, за плечами рюкзаки, или корзинка в руке, или большой сверток на велосипеде, и все надеются раздобыть провизию, где-нибудь в сельском уголке повезет, найдется яйцо или еще что, и что-нибудь да раздобудешь. Однажды я шла, естественно, с корзинкой, полная ожиданий и надежд, и встретила с приятной невысокой состоятельной дамой из Белле, а стояла весна, и в руках у этой женщины был очаровательный и довольно большой изящно составленный букет цветов, какой чудный букет, сказала я, да, ответила она, подозрительно глядя на букет, я ходила к родственникам в деревне, надеялась разжиться яйцами или курицей, тут она слегка вздохнула, а мне вот дали букет. Но цветы очаровательны, сказала я, да, ответила женщина, мы распрощались и каждая пошла своей дорогой. Сейчас многие под стражей за торговлю тем, чем торговать не полагается, и, однако, да, однако ж я встретила Розалин и заметила, ты прекрасно выглядишь, похо-

же, ограничения никак на тебе не сказались, ну, сказала Розалин, выкручиваемся. Розалин, спросила я, ты что, промышляешь на черном рынке? *Mais non*⁵⁴, ответила она, конечно нет. Найти что-то – одно дело, промышлять – совсем другое. Объясни-ка мне разницу, попросила я, ну, видишь ли, найти означает каждый день покупать по чуть-чуть по приемлемой цене, дополнить рацион и сохранить здоровье. Спекуляция на черном рынке – это когда ты покупаешь помногу и на огромную сумму, вот в чем разница. И она права, это совсем другое дело, и все мы каждый день и целыми днями добываем что-то или не добываем, и так целый день занят. Как выразилась мадам Пьерло, ныне покупаешь не только за наличность, но и за личность. Джо Дэвидсон говаривал, что надо уметь продавать себя, но теперь проблема не продать, а купить за свою личность. Нет ничего печальнее тех, у кого нет друзей, этим бедолагам нечего есть, как и болтунам, и однако есть почти все умудряются. Почти поголовно, почти, тяжелее всего мужчинам средних лет, не женщинам, этим справляться легче, а мужчины средних лет без вина и сыра тощат и тощат. Мы, женщины определенного возраста, тоже худеем, но до какого-то предела, и потом вполне держимся, а вот мужчины средних лет худеют и тощат. Естественно, те, которые были толстыми. Боже мой.

125

54 Да нет (*фр.*).

В Англо-бурскую войну мы впервые сообразили, что от войны люди худеют, я имею в виду гражданское население, в Гражданскую войну, наверное, тоже, но тогда были первопроходцы, они всегда худые, а буры были толстые, но мигом похудели от войны.

126 Я тут услышала любопытную историю. Жена фермера пожаловалась, что ее корова долго не протянет без сена. У одного человека был большой дом и обширные угодья, и он предложил сделку: я вам дам две тысячи фунтов сена в подарок, это довольно много сена, а вы каждый день будете мне продавать по литру молока. Жена фермера ответила: как же я обойдусь, если у меня станет меньше масла? Нет уж, ни за что. Видимо, так же было и в Англо-бурскую войну, точно так же, и так в 1943-м.

А еще была Испано-американская война. В той войне много всего приключилось с нами, со мной, с Соединенными Штатами и с нами, кое-что с Испанией тоже и с любым испанцем, но в Европе такие вещи привычны, а у нас войны, хоть и случались нередко за нашу короткую историю, привычкой не стали.

Сегодня, в 1943 году, мы побывали в Эккле-Бен, сувенир мой храня, не забудь про меня, и было отчасти иначе, но отчасти похоже на солдат со Среднего Запада в Сан-Франциско. Мы ждали поезда на станции, было первое июля, куча поездов и людей, а на путях, где должен был стоять наш поезд, поезда не было. Приближался другой, все поезда нынче дви-

жуются медленно, машинисты измучены, пути изношены, уголь плох, и поэтому немало поездов движется с пешеходной скоростью. Поезд, который подошел к станции, продолжал двигаться, не остановился, и на нем были танки и грузовики, не очень-то мощные, без брони, а на них и на открытых платформах повсюду сидели немецкие солдаты, полуголые, в одних брюках, с непокрытыми головами, и поезд медленно проследовал дальше, а все французы на станции наблюдали, будто это неинтересное театральное представление, и поезд медленно уехал, затем подошел наш, я взобралась со своей белой собачкой Баскетом, и французам собачка понравилась, Баскет вел себя как в цирке, на сей раз представление всех заинтересовало, они так и сказали, никто не заметил поезда с немцами, кроме четырех французов из лагеря для молодежи, они, как и все молодые люди такого возраста, смеялись, что и напомнило мне тех солдат в Сан-Франциско, среди сан-францисской публики. Кто? Эти немцы.

127

Чудно́, чудно́ в смысле «странно», необычно и непостижимо, сколько сейчас арестантов, арестанты, арестанты повсюду, а теперь забрали Берара, у которого мы часто перекусывали, за сделки на черном рынке, и эльзасца с женой и сыном, их младший сын пошел на похороны невесты, и по пути его схватили жандармы, но он убежал, а их посадили, сейчас их уже выпустили, сын в безопасности, но где? Где

угодно. Целые страны сидят в тюрьмах, и создается впечатление, что их тюремщики сами в тюрьме, сами чувствуют себя узниками. Нам сообщили, что наши друзья, американский консул и вице-консул, хотя и в заключении, но вполне свободны, развлекаются, в комнатах у них цветы, они играют в теннис, ездят на экскурсии, рассылают письма. О боже, когда видишь такое, в конце концов, когда такое увидишь, кажется, больше не захочешь читать детективы, шпионские романы и тому подобное, но наоборот, я еще больше хочу их читать, поменять одну реальность на другую, одну не-реальность на другую, а Испано-американская война показала нам, американцам, что мы стали мировой державой, и что есть школа реализма, и что Англия с Киплингом и бременем белого человека принадлежит XIX веку, и война эта для меня отчасти стала началом конца XIX века, который теперь уже не отмирает, а просто мертв, и гробики, которые рассылают всем прогермански настроенным жителям, суть элемент этих похорон. Французы, как и жители Новой Англии, любят похороны, это мирное занятие, приятное, тихое и определенное. Ах, говорят французы, до войны мы были так счастливы, но не ценили нашу удачу.

Реализм.

В конце концов, реализм должен быть – реализм в любовных романах, в любой художественной литературе, и вот почему. Сюжет романов должен на что-то походить, и пото-

му им нужен реализм. Разумеется, реализм есть у всех авторов, у писателей и читателей всегда есть реализм; в конце концов, жизнь в некотором роде всегда реальна, то есть все, что видишь, слышишь, даже чувствуешь всегда в определенной степени реализм, но реализм настоящего кажется новым, поскольку реализм прошлого уже не реален.

Так что именно во время Испано-американской войны появилось различие между реализмом Киплинга, то есть романтизмом, однако вполне реальным, и французским и русским реализмом, реалистичным по-настоящему. Был ли он тем реализмом, который всякий понимает как реализм, или нет? Как раз во время Испано-американской войны и позднее Русско-японской войны этот вопрос стал жизненно важным для американцев, чья земля обернулась страной ясного света и прочной стали, и их жизнь нуждалась в ясном и прочном реализме; но одновременно им нужно было продвигаться, а без романтизма продвигаться невозможно. XIX век был в ту пору в полном разгаре, все понимали это и знали, что в подобной ситуации приходит пора попытаться забыть, и все начали, все начали начинать забывать.

Реальность – любопытная штука. Что-то подобное случилось несколько месяцев назад, в феврале 1943-го.

Все эти военные годы мы жили в Билиньине, срок нашей аренды подошел к концу,

и владелец дома с женой решили вернуть себе дом, не то, чтобы он им тогда понадобился, но они захотели его освободить. Поэтому я впервые в жизни наняла юриста и возбудила иск, иск мы проиграли, но нам продлили срок аренды, власти заявили, что поскольку они не согласны с решением суда о выселении, что бы ни говорил закон, с нами ничего сделать нельзя. Но затем ситуация изменилась, французскую армию распустили, и у владельца дома, капитана, появилось больше оснований вернуть себе дом, и кто-то предложил нам дом в Кюлозе, замечательный, хоть и современный, но после долгого обитания в старом доме в новом находишь много приятных черт, окна плотные и светлые, много воздуха, и, в общем, мы сказали нашему адвокату, что согласны на переезд, и отказались от очередного иска, который вот-вот собирались подавать, договорились о перевозке имущества, включая электрический водонагреватель, ванну, электрическую кухонную плиту и холодильник, все подготовили, а наши прежние хозяева наконец повели себя любезно, я попрощалась со всеми в Белле и прежде всего с адвокатом. Мне всегда нравилось, как англичане, в том числе и мои знакомые, вечно обращались к адвокатам. Даже если у них не было дохода и они не работали, адвокат у них всегда был, а теперь и у меня впервые в жизни завелся адвокат, и я отправилась с ним попрощаться.

За последнее время мы пережили несколько неприятных событий. Америка вступила в войну, консула и вице-консула в Лионе, с которыми мы очень подружились, поскольку они снимали летний домик недалеко от нас и держали белую козу Женевьеву, от них мы впервые и узнали, что козье молоко бывает и без привкуса козлятины, так вот, их сначала интернировали в Лурде, затем отправили в Германию, а теперь я пошла в Белле попрощаться перед отъездом. Адвокат заметил, что все хорошо устроилось, мы сказали друг другу спасибо и что были рады сотрудничеству, а потом он произнес: у меня серьезные новости. Я был вчера в Виши и встречался с Морисом Сивеном, Сивен был помощником префекта в Белле, очень по-доброму нам помог с продлением ренты, и Морис Сивен сказал мне, передай дамам, пусть немедленно перебираются в Швейцарию, по возможности завтра, не то их отправят в концентрационный лагерь. Но мы же переезжаем, сказала я. Знаю, ответил он. Я очень растерялась, совершенно. Как же мы уедем, сказала я, ведь граница закрыта. Это, сказал он, можно устроить. Я думаю, можно устроить. В смысле нелегально? Именно так, сказал он, можно устроить. Я совсем растерялась. Пойду домой, сказала я, а вы позвоните мадам д'Эгю, попросите ее встретиться со мной. Проводить вас? спросил он. Я совсем растерялась, но отказалась, пойду домой сама, а мадам д'Эгю придет к вам, чтобы все обсудить

и устроить, и я пошла домой. Пришла, немного успокоившись, но все еще была не в себе, а дома были мадам д'Эгю и Элис Токлас, и я объявила, что завтра мы никуда не едем, мы собираемся в Швейцарию. Они ничего не поняли, но я все объяснила, и тогда они поняли, и мадам д'Эгю пошла к адвокату все устроить, а мы с Элис Токлас сели ужинать, нам обеим было неважно, а затем я сказала. Нет, я не поеду, мы не поедем, лучше жить в привычной обстановке, куда бы нас ни послали, чем в непривычной, где никто нам не поможет, окажись мы в опасности, нет, сказала я, нас все время выгоняют из Франции, но мы здесь и здесь останемся. Что ты думаешь? Мы подумали и решили сходить к нашему адвокату в Белле и отказаться. Мы отправились в Белле, ночью, в темноте, но я привыкла гулять ночью, мне так нравится, я взяла Элис Токлас под руку, потому что она не привыкла, и мы пошли в Белле, и, взобравшись по старинным ступенькам в адвокатскую контору, я объявила, что решила остаться. Мадам д'Эгю была еще там и сказала, что, может, оно и к лучшему, и адвокат сказал, что нам лучше уходить и что есть домик в горах, там про нас никто не узнает, а я ответила, что, возможно, позднее так и поступим, но завтра мы переезжаем в Кюлоз, в наше новое комфортабельное жилище с двумя хорошими служанками и большим красивым парком с деревьями, и мы вернулись домой, а на следующий день переехали.

Устраивались несколько недель, но в итоге все уладилось.

Во всей этой истории любопытнее всего ее иррациональность, все нереально, как в детстве, когда еще не понимаешь реализм, как мы в Испано-американскую и Русско-японскую войну.

И о странных качествах государственных служащих я узнала многое, и русская литература времен Русско-японской войны многому нас научила.

В те дни произошли три события, которые раскрыли мне глаза на такие вещи. Мой старший брат, вернувшись с Восточного побережья как член Великой республиканской армии⁵⁵, вынужден был отрастить бороду, чтобы выглядеть старше; разумеется, ему там было не место, но членам полагались привилегии на транспорте и прочее, так что он подыграл. Тогда я впервые познакомилась с чиновничеством и что можно сделать с помощью взяток. Конечно, это связано с войной, потому что в мирное время обычный человек, особенно мужчина, сталкивается с чиновниками, но в военное время рано или поздно это случается с каждым. Второе событие – известный суд на Оскаром Уайльдом⁵⁶ и реакция

55 Великая республиканская армия (The Grand Army of the Republic, GAR, 1866–1956) – братство ветеранов Гражданской войны.

56 25 мая 1895 г. Оскар Уайльд был признан виновным в «грубой непристойности» с лицами мужского пола и приговорен к двум годам каторжных работ.

публики, а третье – дело Дрейфуса⁵⁷ и анти-семитизм.

Любой имеет право задать вопрос и любой может ответить, в войну люди задают больше вопросов, чем обычно, особенно в такую, как эта, 1943-го года. Шестилетняя Кристин спросила свою мать: кто друзья итальянцев? Вполне естественный вопрос про итальянцев, поскольку те – оккупанты. Немцы, конечно, ответила мать, а кто друзья немцев? Итальянцы, ответила мать, а кто друзья англичан, спросила Кристин, конечно, американцы, ответила мать, а Сталин дружит с немцами, спросила Кристин, нет, с англичанами, ответила мать, а кто дружит с французами, да никто, ответила мать.

Так что если задаешь вопрос и на него есть ответ, это не обязательно проясняет ситуацию, но любой может задавать вопросы в июле 1943 года.

Тем не менее, ныне больше прежнего государственных служащих, больше полицейских, больше правил и больше попыток обойти закон, больше заключенных, больше передвижений, и рано или поздно все сталкиваются

57 Альфред Дрейфус (Alfred Dreyfus, 1859–1935) – французский офицер, еврей по происхождению, ложно обвиненный в шпионаже в пользу Германии; дело находилось в фокусе общественного внимания Франции с 1894 г., когда Дрейфусу было предъявлено обвинение, по 1906 г., когда после нескольких обвинительных приговоров он наконец был оправдан.

со многими государственными чиновниками, очень многими, и наверняка, абсолютно точно, они не задают вопросы и не отвечают, а если да, то не потому что этого хотят, а потому что им так велено. У нас есть знакомая, которую арестовали немцы, потому что, в общем, на то была причина, обычно есть причина, можно даже сказать, всегда. Ее допрашивали, но она упорно отвечала, что не знает ответа на их вопросы. Никому невдомек, знает ли она ответы на вопросы, которые ей задавали. И постоянно во время допроса щелкали револьверы, появлялись и исчезали полицейские собаки, собаки ложились и вставали, и внезапно она добродушно рассмеялась, а человек, который ее допрашивал, сказал, нечего смеяться надо мной, а она ответила, я смеюсь добродушно, то есть я смеюсь над абсурдностью моего присутствия здесь, раз я не могу ответить на ваши вопросы, короче говоря, она пробыла в тюрьме два месяца, затем ее допросили еще раз, и поскольку ответов она по-прежнему не знала, следователь сказал, можете идти, она спросила, куда, он ответил, куда угодно, и она спросила, вы хотите сказать, я свободна? он ответил, да, вы свободны, но у меня, сказала она, не осталось денег, в тюрьме я все истратила, нет денег на такси, а мои друзья живут довольно далеко, не дадите ли двадцать су на такси, а он ответил, могу дать, и она сказала, так дайте, и он дал ей деньги, и она, свободная, ушла.

Самое интересное в государственных чиновниках, что они верят в то, во что им полагается верить, они действительно верят в то, во что им надлежит верить, это тесно связано с войнами, с тем, что войны таковы. Очень тесно.

136 Я как-то спросила одного человека, который должен был знать, почему государственные служащие, в армии или в правительстве, о происходящем судят не так, как обыкновенный человек с улицы, мужчина или женщина. О, ответил он, причина проста, они специалисты в своем деле, а для специалиста его профессия – это всё, и если в его сфере все хорошо, а в основном так оно и есть, значит, везде все успешно. В немецкой армии их называют пчелами, потому что в своих ячейках им положено мед творить, а не финансы копить. Вот это и приводит к войне, а затем и к поражениям. В период между 1939-м и 1943-м я неоднократно вслух недоумевала: почему у людей так мало здравого смысла, почему они не понимают, что если нет шансов на успех, они не выиграют, почему не могут запомнить, что дважды два – четыре и не более того. А теперь все понимают, кроме государственных служащих, которые продолжают верить, во что им надлежит верить и во что никто другой не верит, даже их родные, но хотите верьте, хотите нет, сами они все еще верят, верят в то, во что положено верить. И, естественно, их вера в то, во что им надлежит верить, внушает стране,

что она выигрывает войну, которую невозможно выиграть, и люди отправляются на войну, и всё из-за того, что государственные чиновники искренне верят в то, во что им надлежит верить. Конечно, большинство населения в мирное время об этом и не догадывается, потому что практически не сталкивается с подобными государственными служащими, никто не верит в то, во что полагается верить, можно утверждать, что в обыденной жизни никто не верит в то, во что надлежит верить, поскольку все слишком заняты заботой о делах насущных, ни у кого нет времени верить тому, чему полагается верить, а государственным служащим не надо беспокоиться о прошлом, настоящем и будущем, у них все благополучно и практически неизменно, у них есть и время и силы, чтобы верить в то, во что им положено верить, и в результате происходит война, войны, которые они наверняка проиграют, даже, пожалуй, и те, которые можно выиграть; ну в общем. В Гражданскую войну таким типичным государственным служащим был генерал Ли, он верил в то, во что ему полагалось верить, а в то время мой брат, который был ни при чем, вернулся в Калифорнию, ему потребовалось только отпустить бороду, чтобы выглядеть старше, и я тогда смутно стала понимать, что государственные служащие не имеют касательства к реальной жизни, потому что верят лишь в то, во что им положено верить, и таким же образом получают

определенного сорта священники, школьные учителя, армия и правительственные чиновники. О боже, будет ли у нас завтра еда, мы всегда тревожимся о ней, однако еда всегда есть, хоть государственные чиновники и верят в то, во что им верить велят.

138 Следующим событием, которое в то время произвело на меня огромное впечатление, стала история с Оскаром Уайльдом, в основном после прочтения его поэмы о пребывании в тюрьме⁵⁸. До того я и не подозревала что можно посадить человека в тюрьму, посадить в тюрьму того, чей род занятий, случайно или нет, никак не мог привести к тюрьме, разумеется, в Калифорнии в те дни обычное или случайное преступление не означало тюремного заключения. А сейчас, в 1943 году, в тюрьме сидит большая часть мужчин целой нации. Арестанты, тюрьмы, мы, конечно, знали о тюрьмах Андерсонвилл и Либби, но то было романтично, а сейчас их слишком много, не до романтики, много-много, чересчур много. Ныне любой может стать узником, даже те, кто в тренировочных лагерях, чувствуют себя узниками. Мы только что получили письмо от двадцатилетнего Виктора, сына булочника, он служил у нас садовником. Он единственный сын в семье, остальные четверо детей девочки, и его все обожают. Он пишет:

58 «Баллада Редингской тюрьмы» (The Ballad of Reading Gaol, 1897) – поэма, написанная Оскаром Уайльдом во Франции после освобождения.

Жизнь полностью изменилась с тех пор, как я оказался здесь, не перестаю думать о прежней жизни, о временах, когда я уходил, когда хотел и на сколько хотел, возвращался, когда хотел, но с такой жизнью, увы, покончено, вот уже восемь месяцев я в этом закрытом лагере, где не увидишь гражданского лица за всю неделю. В воскресенье у нас увольнительная, но мы ходим группой с начальником, то есть мы не свободны. А сегодня еще пришло письмо от настоящего заключенного из Германии и он говорит: я всегда любил вас и вашу страну и своего мнения не изменил, никоим образом.

139

Что ж, он волен говорить, что захочет, и это очень трудно прекратить, очень, очень трудно, даже в тюрьме.

Другой приятель, политический заключенный, рассказал нам, что там у них в тюрьме гораздо больше информации, чем на свободе. Вот и владелец гостиницы, который нам нравится, ему вчинили черный рынок, одно, другое, все в тюрьме, а теперь, в июле 1943 года, на немцев и итальянцев давят, и они чувствуют себя как в тюрьме. Вне сомнения, каждый стремится быть свободным, хотя бы ощущать себя свободным, кто-то, может, любит приказывать и даже исполнять приказы, но все хотят ощущать себя свободными, о да, все этого хотят, все хотят ощущать себя свободными, поэтому Оскар Уайльд и «Баллада Редингской тюрьмы» впервые открыли мне глаза на то, что такое бывает, можно попасть за решетку.

Затем случилось дело Дрейфуса, то есть антисемитизм, и очень странно было наблюдать этот отголосок Средневековья в XIX веке и как трудно умертвить век, как трудно умертвить что угодно, слава богу.

140 Он может читать акации, руки и лица. Акации для козы, коза дает молоко, очень нужное нынче, руки и лица суть руки и лица, а сны, когда кто-то танцует и спит, реальны, и все это касается антисемитизма, реально и недействительно, действительно и нереально.

И так сплошь, и это нормально.

Имеет место странное заблуждение.

До промышленной революции евреи были международными банкирами, а до того международными ростовщиками, но после промышленной революции еврейские деньги в мировой валютной системе – капля в море, и все их деньги вместе никогда не смогли бы подкупить кого-то, чтобы разжечь войну или заключить мир, никоим образом. Ротшильды во время и сразу после Наполеоновских войн были последними еврейскими финансовыми могулами. Потом началась промышленная революция, и с тех пор евреи никогда не обладали экономической властью, любой сведущий знает и каждый сведущий знает. Но европейцы, в частности в странах, где стремятся затуманить мозги своему народу, не хотят этого знать, они, конечно, знают, наверняка все знают, а евреи не хотят, чтобы все знали, хотя сами знают прекрасно, ибо это делает их ме-

нее важными в своих собственных глазах, а поскольку они как избранный народ считают себя важными, они и не желают, чтобы об этом знали другие. Но, разумеется, все наверняка знают, что большие имена в промышленности и финансировании промышленности современных стран не еврейские, и каждый должен это знать, но никто не хочет знать, поскольку люди любят, чтобы все было как положено, а не как есть, никто не любит, когда что-то исчезает, и поскольку так было веками и, конечно, примешалась религия, но уже невозможно сводить все только к религии и усложнять взаимоотношения с христианством, поэтому все они неизбежно хотят верить в то, чего заведомо нет, я это впервые поняла во время процесса Дрейфуса, а теперь и глядя на Германию, которая отчаянно цепляется за прошлый век, любой прошедший век служит надеждой и силой, любой прошедший век и даже текущий век, они цепляются за прошлое столетие и его традиции, это их цементирует, и потому держатся и за антисемитизм, который сопровождает нас уже которое столетие. Когда звезда красная, они будут сражаться во Франции, и сегодня, 23 июля, звезда красная. Красный, белый, голубой, посчитаем, кто с тобой. Как бы то ни было, с финансовой точки зрения антисемитизм лишен смысла. Такова моя точка зрения.

Начиная с Русско-японской войны я в смысле повседневном живу европейкой, и потому

не только войны стали иными, но и век стал иным, начался XX век. С наукой покончено, потому что, верите вы или нет, XX век в науке не заинтересован, не заинтересован совершенно.

142 Нынче нужен домашний скот, ради молока и яиц, их не достать, и потому мы купили кур и козу и ухаживаем за ними в августе 1943 года. И меня поражает такой факт, сделайте что хотите, вернее, что они хотят, таковы уж они есть, у них всегда по пять пальцев, у кур и овец и собак и всех остальных. Особой причины этому нет, число, что называется, мистическое, приятное число, просто существует, число пять встречается везде, где есть пальцы. И это очень соотносится с тем, что в XIX веке верили в науку, а в XX-м не верят. Нет.

Святая Одилия, о да, святая Одилия.

Я уже поминала, что крестьяне Билиньина до войны говорили: придиись им молотить пшеницу старым способом, цепами, никто бы из них не выращивал пшеницу, они бы ее выращивали, только если есть автоматические молотилки, и вот на дворе 1943 год, и они молотят по старинке цепами, ловят угрей, сдирают с них кожу, другой кожи не осталось, а кожа угрей используется в цепях, и поступают крестьяне так не потому, что нет машин, машины есть, и даже электрические, каких тут прежде и не видывали, но если убирать комбайнами, правительство будет контролировать урожай, а если молотишь ручную, каждый вы-

бирает, где и когда молотить, а не вместе всё поле машинами, и, разумеется, что-то можно утаить, спрятать, съесть, о боже, конечно, жать вручную – такая же наука, как и электрифицированной машиной, но так человек не чувствует триумфа науки, совсем нет, все становится средневековым и тайным, и вот почему XX век не интересуется так называемой наукой, совершенно не интересуется, а в XIX веке ничего не было, кроме науки, совершенно ничего.

143

А сейчас о Святой Одилии.

Наша молоденькая служанка, придя утром, так ответила на мой вопрос, есть ли новости: мало что могу рассказать, вечно одно и то же, кто-то побеждает, кто-то проигрывает. Вечно одно и то же.

Это и отличает пророчества Одилии, предсказывающей огромную и окончательную победу. Вот такая история.

В 1940 году мы все преисполнились отчаянием, печалью, крошечной надеждой, но полной уверенностью, что в конечном итоге немцам не победить. К моему великому удивлению, один заключенный, молодой музыкант, рассказал, что в тюрьме хуже всего находиться круглые сутки в компании других семидесяти заключенных, одинокие мужчины всегда вместе, точно как Каммингс описал в «Огромной комнате»⁵⁹. Тем не менее, рассказал этот

59 «Огромная комната» (The Enormous Room, 1922) – автобиографический роман американского поэта, писателя, художника и драматурга Эдварда Эстли-

парень, невзирая ни на что, каждое утро вся камера была абсолютно и непоколебимо уверена, что немцы войну не выиграют. По утрам говорили друг другу доброе утро и сколько осталось до поражения немцев. Как же вам удавалось сохранить такую веру, спросила я. Мы ее не хранили, ответил он, она у нас была, других чувств мы просто не испытывали. У нас, гражданского населения на свободе, все было не так просто, нам требовались пророчества святой Одилии, они очень помогали.

Сегодня, в августе 1943 года, я повстречала еще одного человека, вернувшегося из плена, он был бледен, глаза сверкали, и войдя в продуктовую лавку, я услышала, как кто-то произнес: свиньи, сволочи. Продавец пояснил мне: не удивляйтесь, он только про бошей. Да, подтвердил этот человек, не пойму, как вы все не можете уяснить, что мы всё еще воюем с немцами. Перемирие – это пауза, не конец, и пока не наступит мир, мы воюем, и пока мы воюем, всякий, кто пособничает врагу, есть предатель, так я смотрю на это дело, добавил он, и его глаза засверкали, говорят, американцы тянут резину, не знаю, Рузвельт обещал, что к 1943 году они будут здесь, сейчас 1943-й, и они здесь. Не знаю, чего еще люди хотят, мне довольно, они сказали, что будут здесь, и они

на Каммингса (Edward Estlin Cummings, 1894–1962) о его тюремном заключении во время Первой мировой войны из-за неосторожных антивоенных высказываний его друга Уильяма Слейтера Брауна.

здесь. А я сказала: как американка, хочу вас поблагодарить, мы пожали друг другу руки, он сказал спасибо и я сказала спасибо.

Вот что такое предсказание. Именно так, но, конечно, предсказание было сделано недавно, в 1942 году, а есть еще ультимативная безусловная сдача, которой требуют от врага. В детстве, да и позднее я всегда восхищалась генералом Грантом и знала, что тут не обошлось без его инициалов У. С., – Улисс Симпсон Грант, означавших Ультимативная Сдача Грант. Тогда я полагала, что это разумно, очень разумно и логично, и сегодня я говорю: если победитель выигрывает, побежденный должен сдаться, и зачем заранее ставить условия, если победитель милосерден, он и будет милосерден, если же он не милосерден, он и не будет милосерден, тогда что пользы ставить условия? Ультимативная безусловная сдача, а затем победитель пусть будет милосерден или немилосерден. Логично, потому что, как ни крути, проигравшие есть проигравшие. В этом отличие европейской логики от американской, ровно в этом. Таким образом, в определенном смысле мое цитирование «Ультимативная Сдача Грант» было предсказанием. В каком-то смысле, да. Странное совпадение, страннее не бывает. Еще вчера, а кажется, позавчера, но это было вчера, в нашем доме разместились немецкий майор с ординарцем, и сейчас, в августе 1943-го, они очень смиренные, смиренные и слабые. Кухарка пожа-

ловалась ему, что немцы стянули у нашего садовника радио, пользуясь тем, что он в тюрьме. Он скоро вернется домой, ответил майор.

Святая Одилия предсказала гораздо дальше других, а от этого интереснее ли? И да, и нет, и да.

146 Если попытаться убить пятьсот лет или тысячу, выйдет интереснее, чем убить сто лет, так ли? Есть ли надежда, что если убить сто или тысячу лет, дабы освободить место для другой тысячи лет или пятисот лет, это принесет иной результат? Святая Одилия полагала именно так, и эта мысль послужила нам утешением. Вот что такое предсказание. Некоторые люди могут предсказать, что произойдет сегодня, завтра или на следующей неделе, а иные предсказывают, как поступит человек или некий тип людей в какой-то ситуации, а кто-то предсказывает, как поступит страна и что случится, если кто-нибудь или один из них так и поступит. Мне всегда нравился «Генрих VI» Шекспира, в трех частях, и сейчас, именно сейчас, в августе 1943 года, я читаю его с удовольствием куда большим, гораздо большим, чем за всю жизнь с восьми лет и по сию пору. Святая Одилия.

Святая Одилия предсказала, что мир будет развиваться и наступит страшнейшая из войн, с неба падет огонь, землю охватит жар и холод, и переполнятся реки, враг будет побеждать, все скажут «откуда берется их сила», все скажут «мы хотим мира», но затем постепенно на-

ступит битва с горой и эта гора определенно Москва, потому что даже во времена святой Одилии Москва из-за обилия церквей и монастырей считалась Святой Горой, и действительно под Москвой враг получил первый урок, а далее Святая Одилия предсказала, что гораздо позднее развернется ожесточенная схватка на улицах вечного города, так и происходит, мы порой думали, что это Константинополь или даже Иерусалим, но нет, это Рим, и сейчас, вечером, в августе 1943 года, сражение идет на улицах Рима, но это еще не конец, начало конца, так и есть, и впервые в мировой истории наступит мир, на востоке и западе, на западе и востоке, и по всему земному шару.

147

Предсказание часто служило утешением, и оно вновь утешает, как дорога, которую определил по карте, а потом увидел воочию, или наоборот, видел дорогу воочию, а потом разглядел на карте. Это и есть разница между XIX-м и XX веком.

Вот моя научная история. Не святой Одилии, но та, которую собираюсь рассказать.

Август 1943. Мы их видим каждую ночь, когда светит луна, и даже когда не светит она, мы их видим, и слышим, и они жужжат, время от времени испускают свет, и нам большей радости нет. Почему? Потому что они собираются сбросить бомбы на итальянцев. Можно любить итальянцев, но все равно мы очень рады слышать гул самолетов и видеть, как они в полете отбрасывают свет, готовясь

бомбить итальянцев. Почему, удивляемся мы все, они не сдаются. Не так волнительно, пожалуй, но куда полезнее, если хочешь и дальше жить в стране, не разрушенной до основания. Прошлой ночью, еще до появления самолетов, было лунное затмение, тень от земли совсем не торопясь закрыла луну и медленно ее покинула, очень красиво, но ни одна газета, ни одна радиопередача об этом не упомянули. Затмения служат развлечением в мирное время, но все равно, как сказала моя соседка, деревенская женщина, они наводят на мысль о бесчисленных мирах, что вращаются и вращаются. Да, ответила я, это страшнее войны, да, согласилась она. Была полночь, опять появилась полная луна, мы отправились спать и немного спустя услышали жужжание самолетов и световые блики, мы затенили лунный свет шторами и уснули. Все это вступление к тому, как воспринимал науку XIX век.

Чтобы верить в прогресс и науку, необходимо знать, какова была наука и каков может быть прогресс. Для родившегося в XIX веке вполне естественно знать, что представляла собой наука. Еще были живы Дарвин, и Хаксли, и Агассис⁶⁰, и все они существенно измени-

60 Жан Луи Родольф Агассис (Jean Louis Rodolphe Agassiz, 1807–1873) – естествоиспытатель, один из основоположников гляциологии. Томас Генри Хаксли (в рус. trad. Гексли, Thomas Henry Huxley, 1825–1895) – английский биолог, известный как «Дарвиновский бульдог» за яростную поддержку теории эволюции.

ли науку. И сейчас, в 1943 году, их достижения значат не более, чем они значили. Не гораздо больше, а не более. Ничуть не больше.

Я начала с эволюции. Весьма приятно, волнительно и убедительно. Она оправдывала мир и оправдывала войну. Она также оправдывала жизнь, и оправдывала смерть, и оправдывала жизнь. Все это сделала эволюция. А что теперь? Эволюция больше не интересна. Стала историей и уже не актуальна. Не приятна, не волнительна, совсем нет. Для тех из нас, кто в те времена интересовался наукой, эволюция касалась истории мира, истории всего животного мира, жизни и смерти, и все это касалось нашей круглой планеты. Эволюция была захватывающей, как открытие Америки Колумбом, такой же волнующей, и она так же распахивала границы и ограничивала, ровно так же. Я имею в виду, что открытие Америки, сначала логикой, а затем исследованием, распахнуло новый свет и одновременно замкнуло круг, и вне его больше ничего нет. Эволюция сотворила то же, открыла историю фауны и флоры, полезных ископаемых и человека и в то же время всех их заперла в одном четко очерченном круге, и больше не стало восторга творения. Забавно это все, и таково было мое детство, юность и начало существования. Война, о да, была война, но логичная и непрерывная война, и мир, о да, мир, ибо если полностью понять войну, мир окажется идеалом. Так обстояло дело.

Звезды в действительности не более того, чем выглядят. А если нет, реальней ли они в реальности, нежели война? Именно это и составляет суть XX века, знать, чему наука учит, что научно, а что нет, и поскольку война реальна, она такая, какая есть, все встречаются друг с другом, с друзьями или врагами, у нас в доме сейчас расположились враги, в амбаре тоже, и это никоим образом не меняет сути звезд и сути войны, хотя война меняется, когда видишь проходящие поезда с врагами, да, меняется, но звезды, есть ли разница, таковы ли звезды, какими выглядят, или таковы, какими их описывает наука, и всякий ответит: никакой.

Я жила в XIX веке, и разница в том, что тогда мы отвечали: да, разница есть, звезды таковы, какими их видит наука, а сейчас, в 1943 году, не так.

Если ты родился в XIX веке, когда возникла теория эволюции и все стало получать свои объяснения, подлинные объяснения, каждый знал, что если все постепенно найдет свое объяснение и будет понято, наступит прогресс, а если наступит прогресс, исчезнут войны, а если не будет войн, все и далее может быть и будет понято, и даже если не будут поняты смерть и жизнь, вечность и зарождение мира не будут поняты, то есть не более, чем их объясняет наука, тогда лучше, кроме разве что периода отроческих переживаний, лучше об этом и не думать. Так понимал XIX век ис-

тинное положение дел, и людям это нравилось. Безусловно, имело место немало войн, но пожинала свои плоды и цивилизация, к началу XX столетия почти все умели читать и писать, и сейчас, в XX веке, все могут слушать радио на любом языке, и всем хватает на это образования, а войн больше прежнего, и всем известно, что хотя все вполне цивилизованны, прогресса не наблюдается, и всем известно, что хотя человечество взлетает все выше, вечность по-прежнему необъяснима, и каждый может преследовать каждого по-прежнему, если не больше, довольно нелепо, столько научных достижений, столько образования, то есть чтения, грамотности, радио, и все равно преследование людей продолжается, книги подвергаются цензуре и публичному запрету, запросто. Странно.

151

Только что услышали рассказ о побеге заключенных из тюрьмы, очень интересно. Прелюбопытная история про компас.

Поскольку некоторые, убежав из тюрьмы, пробираются домой пешком, предпочтительно иметь при себе компас. Двое с компасом добрались аж до швейцарской границы, но не успели ее пересечь и были схвачены немцами. Их допросили и при обыске нашли компас. Это был отличный компас, и допрашивающий офицер выложил его на стол, а пока шел допрос, один беглец наклонился и спрятал компас в карман. Обнаружив пропажу, офицер приказал обыскать задержанного, и пока обыскивали одно-

го, тот успел сунуть компас другому, а потом обыскали второго, и тот успел сунуть компас первому. Офицер приказал обыскать обоих одновременно, компас обнаружили и опять положили на стол. Допрос продолжился, и один беглец вновь стянул компас, передал другому, а тот засунул компас в башмак, но компас нечаянно выпал на пол и опять очутился на столе. Допрос закончился, все встали, и когда французов выводили, один потянулся за спину и забрал компас, и никто не заметил, как он это сделал, никто не заметил исчезновения компаса, потому что из комнаты все ушли. В тот же вечер пойманных отослали обратно, никто не заметил компаса и его не отняли, а они бежали в третий раз, по компасу вернулись домой во Францию, и на днях, в августе 1943 года, мы их видели, они рассказали нам эту историю и много других. Пожалуй, эта понравилась нам больше всех.

Самое сильное научное влияние на меня оказал Уильям Джеймс⁶¹, он утверждал, что в человеке есть воля к жизни, без воли к жизни будет разрушение, но есть и воля к разрушению, и обе, как и всё в мире, друг другу противостоят, человек стремится к одиночеству, в одиночестве жаждет общества, а в об-

61 Уильям Джеймс (William James, 1842–1910) – американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма, учитель Стайн в Рэдклиффе.

ществе стремится к одиночеству, и так же человек одновременно желает вечности и иметь начало, середину и конец, а сейчас, в августе 1943-го, особенно заметно противостояние воли к жизни и воли к разрушению, и в случае с немцами почти пятьдесят на пятьдесят, они не против совершить самоубийство. Один крестьянин еще в 1941 году сказал мне: обвиняют Гитлера, но дело не в Гитлере. Я всю прошлую войну прошел и знаю, каковы эти немцы. Странные люди. Вечно выбирают человека, который поведет их туда, куда они идти не желают. Ничего с собой поделывать не могут, если их никто не ведет, дело не в кайзере и не в Гитлере, они сами выбирают лидера и заставляют его вести их туда, куда они не хотят. Все потому, что воля к жизни и воля к разрушению у немцев пятьдесят на пятьдесят, чего быть не должно. И поэтому французам, в отличие от англичан, не надо вопрошать: разве мы в унынии? Нет!⁶² Они так полны желания жить, что и слыхом не слыхивали о том, что такое впадать в уныние. На днях, в августе 1943-го, у нас в Кюлозе опять появились немцы, и одна женщина сказала: ну что ж, конечно, неприятно, очень неприятно, но куда хуже было бы, если б нас победили. И она абсолютно права. Их не победили, бьют немцев, и хо-

62 Песня «Разве мы в унынии? Нет, нет, нет!» (Are We Downhearted? No!, 1914) Лоренса Райта и Хьюберта Уортон Дэйвида была популярна среди британских солдат в Первую мировую войну.

тя они не победили немцев, сами они не побеждены, и она права.

154 Японо-китайская война и Русско-японская войны довершили открытие Колумба, объединили мир в одно целое, Восток больше не загадочное нечто, а немного погодя любая американка могла бы на год поселиться в Пекине, а потом вернуться домой в Америку, все равно что съездить в Париж или Калифорнию, и работа Колумба завершилась, открыли Северный и Южный полюсы, и задача Христофора Колумба была выполнена, и XIX век, который старался поставить науку превыше всего остального, закончил работу Колумба, сжал землю до ее окончательных размеров и ввергнул мир в мировые войны, тем самым вручив всем новую игрушку, поскольку открытия закончились, наука в силу ограниченности перестала быть интересной, и людям ничего другого не оставалось делать, дабы отвлечься от привычной монотонности, но в период мировой войны, особенно нынешней, когда все вынуждены сидеть по домам и чаще всего невозможно даже послать письма друзьям, как кто-то недавно выразился, любой общественный деятель целыми днями может болтать по радиоприемнику и репродуктору, а тот, кто просто хочет отослать открытку, ну, попросту не сможет, мы должны сидеть дома и ни с кем не общаться. Таков результат мировой войны после того, как работа Христофора Колумба была окончена, наука больше не представляла ин-

тереса, эволюция ограничивалась изучением земли, а земля вот она, вся здесь, и XIX век завершился, убитый наконец веком XX-м.

А сейчас, не именно сейчас, у нас по-прежнему Русско-японская война и первые Балканские войны.

Сентябрь 1943-го, и я опять полюбила поезда. Тридцать лет я не садилась в поезд, ездила автомобилями и еще летала самолетами, но поездами не пользовалась. Когда в Америке мне пару раз пришлось сесть в поезд, меня поразило отсутствие прогресса на железнодорожной дороге, поезда по-прежнему были грязны, походили на прежние, ночные ли, дневные, какими я запомнила их со времен Русско-японской войны, да и в другие времена. Я как-то сказала об этом одному французскому инженеру, а он ответил, ну естественно, поезда нельзя улучшить, сделать комфортабельнее, потому что вагоны должны быть стандартных размеров. Железнодорожные пути, то есть расстояние между рельсами, определенной ширины, менять вагоны нельзя, слишком многое пришлось бы менять, а с автомобилями и самолетами дело обстоит не так, они постоянно меняют форму и размеры. И еще одна особенность поездов. Они гораздо больше времени проводят на станциях, чем в пути. И все эти тридцать лет поезда были чем-то далеким, а ныне, когда передвигаться можно только пешком, велосипедом и поездами, мы пользуемся поездами и снова получаем удовольствие от по-

ездок. И столько знакомств в поездах. Люди сидят в купе, стоят в проходах, вокруг много всякого происходит, люди пьют, едят, нынче весьма необычно пьют и едят в поездах, у всех с собой еда, одни, не стесняясь, едят то, чего у них быть не должно, другие ничего не едят, возможно, потому что нечего, а на станции мы долго разговаривали с приятной беженкой, она с одного поезда, я с другого, и рассказали друг другу, кто мы и откуда. Очень любопытно. Все утверждали, что германская армия моторизована, все так думали и понимали, но сейчас их автомобили путешествуют на поездах, а на дорогах ни одного. Здесь мы постоянно видим проходящие поезда, немецкая армия передислоцируется с автомобилями, но все едут поездом. Ни одного автомобиля на дорогах. Ни одного, ни единого. Все на открытых товарных платформах, вокруг солдаты сидят, наверняка всем в удовольствие. Конечно, поезда куда романтичнее автомобилей, но даже если немцы и любят романтику, вряд ли им комфортно. Несколько лет назад я поняла, что поезда романтичнее автомобилей, и случилось это вот как. В Белле проходила ежегодная ярмарка, и был такой аттракцион, небольшой тоннель, поезд скрывался там, потом выезжал и двигался по кругу. Почти каждый в Белле когда-либо пользовался машиной, кое-кто даже самолетом, но поездом путешествовали немногие, и для них поездка по кругу сквозь тоннель была захва-

тывающе интересной. Две вещи увлекательны: езда по кругу и прямо вперед, по рельсам. Рельсы отчасти романтичнее, чем просто дорога. Дорога живописна, может быть прямой и нескончаемой, но даже если на ней есть разделительные белые полосы, как теперь на современных шоссе, это не так увлекательно, как сходящиеся впереди рельсы. Сейчас мы живем в Кюлозе, уже не в Билиньине, в Билиньине были дороги, здесь железнодорожная станция и поезда, и я, естественно, знаю о том и другом все, что можно знать. Стоит сентябрь 1943-го, поезда взрывают, когда они проходят тоннель, вот сегодня пополудни слышался страшный шум, взорвали хвост поезда, едва он появился из тоннеля, и маленький ребенок задохнулся. Никто не понимает, зачем это делается, но поезда взрывают, а молодые люди, включая и девушек, готовы поступать так же. Не поезда взрывать, нет, а мосты и железнодорожные пути. Наверное, для того, чтобы немецкие войска, отправившиеся в Италию, не смогли вернуться. На смену науке пришли простые человеческие средства. Вся наука к вашим услугам, если кто найдет способ воспользоваться ее достижениями, но все так заняты добыванием пропитания, что наука уже не важна, важна еда, а что может быть важнее еды, да ничто, хотя все уже устали от необходимости самостоятельно ее выращивать, а кто не выращивает, устал покрывать мили пешком или разъезжать на велосипеде в поис-

ках продуктов. Интересно, если правда, а это правда, истинная правда.

На Балканах проблемы, они привели и к Первой Балканской войне, а сейчас сентябрь 1943 года, сербы захватили порт на Адриатическом море, англичане движутся навстречу с юга Италии для соединения и совместного наступления на Балканы.

158 В нашем доме опять поселились враги, и вот что они говорят.

Безусловная сдача.

На Балканах проблемы, и что проку от науки, если происходит такое.

Как я сказала, у нас селились солдаты обеих вражеских армий, и именно это они и говорили.

Сегодня, 11 сентября 1943 года, святая Одилия оказалась права, она предсказала, что Германия победит, мир захлебнется в крови и слезах, с неба на землю низвергнется огонь, все скажут, что ничто не победит мощь и силу этой армии, и все станут умолять о мире любой ценой взамен страданий, а затем Германия на пике своей мощи бросится на гору, святую гору, и это, несомненно, Москва, потому что во времена святой Одилии Москва была городом монастырей и называлась Святой Горой, и с того дня начнется падение Германии, она станет слабеть, хотя все еще будут утверждать, что Германия ужасна и сильна, надо заключить мир, но следом начнется сражение на улицах города из городов, цитадели из цитаделей, мы раз-

думывали, не Рим ли это, вполне мог быть Рим, но поскольку это казалось маловероятным, мы думали, это Иерусалим или Константинополь, как бы там ни было, вот оно и случилось, 10–11 сентября это Рим, она предсказала сражение на улицах Рима и начало истинного конца Германии, все подтверждается, мы все хранили экземпляры пророчества, еще с 1940 года, в Лионе есть оригинал на латинском языке, один молодой семинарист в Белле перевел его для меня на французский, и сомнений нет.

159

Верно, каждый из нас в какой-то степени и в зависимости от нашего знания людей и событий может предсказывать, одни могут предсказать события на день, другие на всю жизнь, а святая Одилия на пятьсот лет, вот и вся разница. Хотите верьте – хотите нет, все очень просто, то же самое, только чуть дольше. Вот почему окружающий мир интересен, а наука, воплощавшая прогресс в XIX веке, в XX веке означает просто полезные вещи, хотя в текущей войне все обстоит не совсем так, надо есть то, что сами выращиваем, молоко получаем от козы, мясо от домашней птицы и коз, курим табак, выращенный на огороде, пьем кофе из прожаренного ячменя, носим обувь на деревянном ходу и одежду из старых запасов, прядем шерсть собственных овец, а научные открытия используются только для войны и разрушения, живешь, как все жили со времен возникновения животного мира, не проще и не сложнее.

Ну вот, несколько недель назад у нас в доме квартировали сначала два немецких офицера, а потом итальянцы. Чудная картина – быть американцами, жить во Франции и иметь постояльцами вражеских офицеров.

160 Мне нравится, что люди говорят, если они это повторяют, значит, так чувствуют. Мне нравится, что говорят о моей собачке Баскете, когда видят ее, а видят они ее регулярно, и всегда говорят одно и то же: гляньте, вылитая овечка. И все время, когда в беседе заходила речь про немцев, люди говорили: они сильны, они все еще могущественны, как святая Одилия и предсказывала, они повторяли это изо дня в день, едва речь заходила про немцев, а поскольку война продолжается и немцы – оккупанты, о них, естественно, заходит речь изо дня в день, и еще месяц назад люди говорили, задумчиво или убежденно, в зависимости от того, кто говорил, но все говорили, что немцы еще могущественны, они еще сильны. Сегодня же, как и всякий другой день, все по-прежнему говорят о немцах, но теперь, едва о них заходит речь, все повторяют одно и то же: они страдают. И никто, когда речь заходит о немцах, не говорит ничего иного, кроме того, что немцы страдают, очень страдают, страдают серьезно, и вот это мне нравится, когда люди повторяют каждый день, что чувствуют, и это не повторение, они каждый день говорят, что знают, например, что Баскета можно принять за овечку, что до сентября 1943 года

немцы были сильны, что в сентябре 1943 года немцы страдают, очень страдают, страдают серьезно.

Так пророчествовала святая Одилия.

У нас квартировали немцы, затем итальянцы в августе и сентябре.

Ситуация с немцами существенно отличалась от 1940 года, тогда все их боялись, а сейчас просто неприятно, как сказала одна женщина, конечно, неприятно, но было бы куда неприятнее, если б нас победили.

161

И она права, немцы уже не победители, никто не чувствует себя побежденным.

Очень захватывающе видеть, что Шекспир и все прочие правильно судили о людях. Под этим я, да и всякий другой понимаем, что когда живешь в стране, оккупированной врагом, по сути, двумя врагами, все люди – странные, чувствуют и ведут себя совсем иначе. Вы думаете, что они думают так, а они поступают по-другому. Один сельский священник, который возмутил свой приход тем, что проповедовал против американцев, радуется встрече со мной и изо всех сил обласкивает мою собачку и выражает мне почтение. Иные, о которых говорят одно, поступают по-другому и в условиях явно для них невыгодных, о, все так сложно, и я всегда и всячески люблю сложности за их сложность. Война 1914–1918 была простой войной с простыми чувствами, а эта война приводит ветеранов той войны в замешательство, они ее не понимают, теряются,

ибо все противоречит простой логике, и должна признаться, мне это нравится, мне нравится, когда все не таково, как есть. Мне так нравится. Я не люблю ловить рыбу в мутной воде, но мне нравится наблюдать мутную воду, рыбу и рыбака. Думается, я не люблю ловить рыбу в мутной воде, потому что меня вообще не привлекает рыбная ловля, но это другой вопрос.

Вслед за немцами в доме появились итальянцы. Они были довольно доброжелательны, глуповаты, не отлипали от нашей молодой служанки, входили в одну дверь, выходили из другой, постоянно были здесь, но в остальном печалились, ненавидели немцев, а всех прочих любили и печалились, говорили, если это все затянется, у них не будет страны, они надеются, что кто-то сохранит их семьи, но сохранит ли, м-да, говорили они, обхватив головы руками. Милан, Турин Генуя и Кремона, о боже. Мы им сочувствовали. Они сказали, что надеются пробыть у нас до конца войны, но на следующий же день им пришлось уезжать, и они обошли всю деревню, попрощались со всеми, будто здесь родились, хотя пробыли всего восемь дней.

О Балканах я впервые узнала от Толстого, наши славянские братья и их освобождение, удивительно, что Болгария, самая славянская из всех балканских народов, оказалась самой неблагодарной к русским, которые ее освободили, тоже прямо по Шекспиру, очень захва-

тывающе, и с той поры случились две Балканские войны, и масса новостей о Сербии в 1914–1918 годах, и посещение раненых сербов во Франции⁶³, взрослых, детей, а теперь у нас дантист серб, его сын в тюрьме за то, что хранил дома оружие и снабжал им молодых людей, скрывавшихся в горах, чтобы избежать отправки в Германию на принудительные работы, семья дантиста боялась, что юношу убьют, но, к счастью, он попал к итальянцам, а те избегают убивать людей, если могут, а могут они всегда. У нас сейчас молодая служанка, итальянка, точнее, франко-итальянка, и я ее поддразниваю, потому что она все выходные посещает родственников в тюрьме. Там сидит ее дядя, владелец ресторана, посадили за куплю-продажу продуктов на черном рынке, а вчера она отправилась в Шамбери навестить двоюродного брата, служившего в итальянской армии, теперь, в сентябре 1943 года, немцы сажают итальянцев в тюрьму, однако брат этот, кажется, бежал на грузовике, он был шофером, но куда, никто не знает. Царит невероятный хаос, никто ничего не знает. Мне только что рассказали, как пытались найти в тюрьме родственника, собрали одежду, обошли все тюрьмы в Лионе и Париже, всякий раз просили передать одежду такому-то, и всякий раз

63 Во время Первой мировой войны Гертруда Стайн и Элис Токлас были волонтерами в Американском фонде помощи раненым, разъезжали по Франции и оказывали помощь в госпиталях.

им отвечали, что здесь такой-то не числится, но они все-таки нашли, была такая фамилия, и они его нашли.

164 На Балканах всегда раздор и неразбериха, но теперь сбиты с толку все и вся, горох, фасоль, ячмень растут, горох, фасоль, ячмень растут, ни я, ни вы не знаем тут, где они растут⁶⁴. Я никогда и подумать не могла, что все придет в такое вот состояние.

Тюрьмы настолько переполнены, столько всего происходит, одного закоренелого вора в Билиньине, воровавшего индюшек, виноград и тому подобное, осудили за кражу на два месяца, и ему три месяца пришлось ждать, чтобы освободилось место в тюрьме. А пока ждал, сидел дома. В госпитале университета Джонса Хопкинса, когда я была студенткой-медиком, мы спрашивали какого-нибудь негра, куда делся другой, и зачастую нам отвечали: ой, мисс, он в тюрьме, но это не позорно. Так и сейчас, черный рынок, то и се, политика, то и се, это не позорно.

Итак, была Первая Балканская война, затем Вторая Балканская, затем Первая мировая. Невероятно, как сделав что-то однажды, приходится делать вновь, есть удовольствие в совпадениях, есть удовольствие и в повторениях, вот и происходит Вторая мировая война, а в промежутке была Итало-абиссинская война и Гражданская война в Испании.

64 Стайн цитирует припев английской детской старинной песенки *Oats, Peas, Beans and Barley Grow*.

Французы любят разнообразие, поэтому среди них приятно жить. Мне нравится размышлять обо всех правительствах, что были у них с революции и до сих пор, за какие-то сто с небольшим лет, и я подшучиваю над ними, когда они мрачно рассуждают о будущем. Я говорю им, ну чего расстраиваться, когда у вас такая история.

Так оно и есть.

165

За какие-то сто с небольшим лет у них было три республики, две монархии, коммуна, диктатура и нынешнее правительство 1943 года, а они беспокоятся, каким будет следующее правительство. Я их успокаиваю: зачем волноваться, правительство может оказаться каким угодно и смениться на какое угодно другое, и в конце концов, кому какая разница, кроме тех, кто у власти? Для всех остальных определенно нет никакой разницы, определенно нет.

После Балканских войн у нас появился в суде серб, не переносящий шума, большой патриот, мы познакомились и с болгаринцем, но это потом, после войны 1914–1918, он отремонтировал мой «форд», и мы до сих пор с ним общаемся; после двух Балканских войн славян, естественно, появится больше, наш дантист серб, носит льняные рубашки с необычайной элегантностью, все сербы такие, и, повторюсь, началась война 1914–1918, и XIX век, отчаянно сопротивлявшийся, сильный, упрямый и убежденный в том, что служит человечеству и прогрессу, искал своей гибели, точнее,

его пытались погубить, но могли ли? Нет. Даже войной 1914–1918 не смогли и не убили, а теперь он мертв, Гитлер убил его, и, как истинный Самсон, рухнул вместе с веком и погиб под руинами. Это довольно приятный исход, и не удивительно, что есть предсказания, которые сбываются точно, как у святой Одилии, не удивительно, потому что все одинаково, несмотря на невероятное разнообразие. Включая коз и кур, включая предсказания святой Одилии, что разразится война на улицах вечного города, и она будет не концом, но началом конца, после чего все страны, оккупированные Германией, сами вторгнутся в Германию и вернут себе все потерянное и еще чуток.

Мне нравится «и еще чуток», высказанное одной женщиной, она понимала, что понадобится такое утешение и что оно будет. Обязательно.

В XIX веке были, конечно, предсказания, но не важные, а если и были, не предсказывали определенно, что будет мир, но не прогресс; мир, но не прогресс, вот это и может сотворить век XX-й. Мир, а не прогресс.

В XIX веке было ощущение, что имеешь право сердиться, имеешь право быть правым, имеешь право иметь право. В XX веке вопрос о правоте не стоит, но что происходит, то по истине происходит.

Сейчас сентябрь 1943 года, близится сбор винограда, и сок винограда необычайно сладок и приятен, человечество может готовить-

ся и готовится к началу конца, начало конца, и люди готовятся.

Но до того все еще XIX век и Первая мировая война 1914–1918, и свидетели той войны еще помнят ее. Помню, как мы удивились, прочитав однажды в американской газете, что война не окончена для тех, кто помнит ее начало. Когда война начинает заканчиваться, трудно вспомнить ее начало. Поэтому, хотя во время войны раздаются призывы повесить всякого, кто не был патриотом, к концу войны это забывается. У Киплинга есть песня об этом с рефреном «не даждь забыть, о Боже сил!»⁶⁵, а французская подпольная пресса призывает учить французов ненависти. Но если ненавидеть, то как создавать моды, нельзя создавать моды, если постоянно помнишь, а как ненавидеть, если не помнишь. Этта Коун сказала, что может простить, но не забыть, а Элис Токлас ответила: я не могу простить, но забываю. Как бы там ни было, Первая мировая война несомненно имела место, мы и многие, многие ветераны прошли сквозь нее, одни сохранили ментальность ветерана, другие нет.

Война 1914–1918 неоспоримо принадлежала XIX веку, война же 1939–19... – нет. Надежды

65 Стихотворение «Гимн отпуста» (Recessional, 1897) Редьярда Киплинга было написано по случаю 60-летнего правления королевы Виктории: «Отцев Господь и Царь царей / Под чьею страшною рукой / Мощь наших грозных батарей / Владеет пальмой и сосной! / Ты древле нас не погубил, / Не даждь забыть, о Боже сил!» (пер. Е. Кистеровой).

и страхи, и отношение к конечности и бесконечности этой войны, подход к вере и неверию, надежды на прогресс и реформы – все это совершенно не из XIX века, уже совсем нет.

168

Вот что интересно. У нас сейчас Баскет II. Он собака породистая, двадцать поколений, и все родом из Германии. Прежний Баскет, непородистый, был целиком французского происхождения. Кроме Баскета II у нас есть и кот, подаренный нам сельчанами, они его прозвали Гитлер из-за усов, и Баскет с ним не дружил, но это не важно. А теперь вдруг Баскет его просто выгоняет из дома. Знамение? Некоторые вещи могут послужить знамением, но оно ли это?

И как нечто может служить знамением (так ли?), ныне, в 1943 году, ничто не напоминает о XIX веке, не во Франции, за исключением того, что здесь есть, но чему здесь не место. Хотите верьте, хотите нет, однако это правда. Но вернемся к веку XIX-му, к войне 1914–1918 и к настроениям ветеранов. Они разочарованы, не той войной, а нынешней. Им нравилась та война, то была славная война, настоящая война, типичная война с началом и концом. То была война, а ветераны предпочитают, чтобы война была войной. Им это важно.

Сентябрь 1943 года, идет сбор винограда на вино, говорят, будет вино победы, хорошее и обильное. Никто не думает о будущем, думают только об освобождении.

Одно обстоятельство совершенно очевидно, никто в войне 1914–1918 не сознавал, говорили, но не сознавали, сейчас-то каждый понимает, каждый, что все хотят только быть свободными, говорить, есть, пить, ходить, думать, развлекаться, мечтать и делать это прямо сейчас, если хочется именно сейчас, каждый знает это, они это знают, любой знает, все хотят быть свободными, не чувствовать себя в тюрьме, ощущать себя свободными, даже если не свободны, хотят ощущать себя свободными сейчас, а будущее пусть позаботится о себе само, все, чего люди хотят, – быть свободными, чтобы не управляли, не угрожали, не направляли, не ограничивали, не обязывали, не пугали, не контролировали, они всего этого не желают, хотят свободы, а слова порядок, запрещено, допрос и лишение свободы вселяют ужас и страх в сердца всех, люди не желают бояться больше, чем нужно в нормальной жизни, где надо зарабатывать пропитание и приходится бояться бедности, болезни и смерти. И так достаточно причин для страха, никто не хочет страха, просто страха, страха того, чего бояться не следует, никто не хочет. Так обстоит дело в октябре 1943 года, именно так. Война 1914–1918 принадлежит XIX веку, и кому-то еще кажется, что, случись нечто, оно могло бы привести к чему-то высшему и так далее, но сейчас каждый хочет одного, быть свободным, жить в покое, жить своей жизнью, не под надзором, не под управлением и без страха, нет, нет, этого не надо.

Мне рассказали, что в 1918 году двоих детей посетило видение Девы Марии, и она поведала детям, что миру предстоит война еще ужаснее той, что закончилась, и в этой будущей войне все дороги заполонят беженцы, Папа будет заключенным в своем дворце, площадь Святого Петра станет ареной воюющих, а сам Папа в одиночестве будет сидеть и рыдать. Вот что рассказала им Дева Мария.

Мне кажется, суть XIX века в том, что люди верили в свободу воли, не верили в неизбежное, а нынешняя война 1939–1943 внушает им, что неизбежное неизбежно, каждый хочет быть свободным и нуждается в свободе, отчего вся нынешняя жизнь абсолютно воплощает древние схоластические диспуты о свободе воли и необходимости. XIX век этого не понимал, даже во время войны 1914–1918 годов, которая пыталась его убить, но поскольку он не понимал, он не мог и закончиться, а теперь все мы понимаем и неизбежное, и жажду свободы, мы всё понимаем.

Все верно и забавный факт. В этой войне всё куда логичнее, в войне 1914–1918 все было гораздо запутанней, и поэтому предсказания в этой войне сбываются чаще, чем в предыдущей. Немец, с которым мы все это время знакомы, называет меня генералом, поскольку я права в своих предсказаниях, но это потому, что нынешняя война куда логичнее, чем большинство прежних, и я скажу вам почему.

Как я уже упоминала, идет сбор винограда для вина победы. Любопытно, все любопытно. Война 1914–1918 всех приучила к вину. Во Франции никогда столько не пили, солдаты научились пить, пили все, пили и после войны, а в эту войну никто не пьет, по крайней мере во Франции, все вино изъято, даже виноградарям достается по бутылке в день, а они обычно выпивали от четырех до девяти бутылок в день, а те, кто на снабжении, получают не больше четырех бутылок в месяц, ну и дела, к лучшему это или к худшему? Женщинам и детям куда приятней, когда мужчина пьет меньше, да и для здоровья мужчин это полезнее, если б они еще ели чуть больше мяса и жира, но здоровее они или нет, они хотят быть свободными и чтобы вино у них не отбирали. Они хотят быть свободными.

Несомненно, эта война логичнее, то есть неизбежнее любой другой. Говорят, она полна сюрпризов, но на самом деле никаких сюрпризов не было. Все было гораздо неизбежнее, чем в войне 1914–1918, гораздо неизбежнее.

Война 1914–1918 походила на нашу Гражданскую войну, и потому Элмер Харден смог заставить Пьера Кау признать, что то была славная война⁶⁶. Славная война – война, в которой

66 Стайн имеет в виду суд в Рьоме (19 февраля 1942 г.–21 мая 1943 г.), на котором вишистский режим пытался обвинить руководство Третьей французской республики (1870–1940) в поражении Франции от Германии в 1940 г. Пьер Кау (Pierre Caoux) – пред-

герои все, кто ведет себя героически, в славной войне каждый более-менее герой. Нынешнюю войну никак не отнести к славным. Англичанам все еще кажется, что в этой войне есть славные, благонравные герои, но на самом деле эта война, хоть и интересная, отнюдь не славная, люди принесены в жертву, томятся в тюрьмах, многие, очень многие и по разным поводам, многие скрываются на пустошах, как их тут именуют, могут быть где угодно, а некоторые не скрываются, и полицейских, которые не желают их арестовывать, расстреливают за отказ арестовать, и одних называют так, других эдак, и все могут переменить прозвания, что и делают, никакой надежды на будущее, и однако все закончится, потому что конец неизбежен, как и надлежит, но никому не придет в голову называть эту войну славной, совсем нет, никакая она не славная. Дети играют в «тюрьму», дети в зарослях играют в партизан, дети, даже двухлетние, восседают на багажниках велосипедов, никто на них не обращает внимания, но малыши не падают, уцепившись за сидящих впереди, и проезжают долгие мили, потому что так поступают все, кто хочет раздобыть еду, покрывают мили за милями, пешком или на велосипедах. Только у французов велосипеды держатся так долго. Они все гремят и скрежещут, но едут,

седатель суда; Элмер Харден – знакомый Стайн. О нем подробно см. «Автобиографию Элис Б. Токлас».

то есть кто-то едет на них, и всегда сзади малыш, вцепившийся в велосипедиста. В 1914–1918 так не было.

Сейчас октябрь 1943 года. Я порадовалась, услышав о чьих-то неприятностях, не связанных с войной. Нечто похожее случилось в 1916 году, тогда наша служанка гордилась тем, что ее убитого брата похоронили с гражданской панихидой, а не как положено военному. 173
Наша молоденькая служанка рассказала сегодня, что в рабочих семьях предпочтительней иметь дочерей, а не сыновей. От малолетнего сына никакой помощи, а когда подрастет, идет учиться какому-нибудь ремеслу, зарабатывает гроши, одно время пополняет семейный кошелек, а затем у него помолвка, он собирает деньги на женитьбу, женится, и конец, поэтому когда в семье три–четыре сына и только две девочки, матери приходится работать, чтобы помочь семье, а после работы она трудится по дому и ложится спать не раньше двух часов ночи, но если в семье четыре дочери и два сына, управляться гораздо легче. Мать может сидеть дома и заниматься хозяйством днем, что и делает. Приятно было выслушать нечто, не относящееся к войне, совсем ее не касающееся.

Когда-нибудь, и все надеются, что уже вскоре, много чего будет происходить и ничто не будет иметь отношение к войне.

Прошлой осенью все пересказывали одну и ту же историю. Говорили люди осведомленные, и один сказал: скоро все закончится. Все

с жаром поинтересовались, откуда он знает, а он, не смущаясь, ответил: моей жене надоело.

Да, всем надоело, всем женам и всем мужьям, всем матерям и всем отцам, всем дочерям и всем сыновьям, всем очень надоело.

174 В 1918 году люди так не чувствовали, войны было много, очень много, но не все полностью, естественно, безучастно от нее устали, а теперь насытились сполна. И всё.

Вот в чем заключается абсолютная разница между войной 1914–1918 и нынешней, обе войны мировые, но одна не покончила с XIX веком, пыталась, но безуспешно, а нынешняя его убила или убивает. Она приканчивает XIX век, убивает насмерть, насмерть, насмерть.

Еще одна приятная история, которая изрядно меня позабавила, в парижском автобусе на задней площадке немецкий солдат случайно наступил на ногу французу, и француз, у которого были чувствительные ноги, набросился на немца, ударил его, и тут другой француз, коротышка, через весь автобус кинулся на помощь и тоже ударил солдата. Всех троих забрали в полицейский участок, там первый француз объяснил, что у него больные ноги, он совершил инстинктивный поступок, за что извиняется, и солдат принял извинения, затем допросили коротышку-француза, почему он набросился на солдата. Получилось так, объяснил он, я вдруг увидел, как француз бьет немецкого солдата и сказал себе, ну привет, война, должно быть, закончилась, давай-ка

займемся делом, прибежал и тоже его стукнул. А теперь, заключил он, оказалось, что произошла ошибка, война еще не закончилась.

Когда-нибудь это окажется не ошибкой, война закончится, во всяком случае, Франция станет свободной. И мы тоже. Никто не ощущал себя так в последнюю войну. Как в другом анекдоте, в войну 1914–1918 гг. французы повторяли: мы до них доберемся, и добрались, победили их, а в эту войну кто-то прокомментировал: в прошлую войну говорили, что мы еще до них доберемся, и добавил: а теперь мы их заполучили. По-французски хорошо звучит, очень хорошо. Но нынче каждый сыт войной по горло. В этом и разница между войной 1914–1918 и войной 1939–1943, все сыты войной.

175

Злоупотребление мясом вызывает несварение желудка, а к злоупотреблению мясом приводят зловредные мысли.

Любопытно, что в 1939–1943 каждый может чувствовать как угодно и думать что угодно. В 1914–1918 каждый, а если не каждый, то большинство, знал, кто враг и кто друг, а если и не знал, то догадывался и обычно не ошибался, где враг, а где друг. Жизнь в XIX веке, как и в 1914–1918, протекала в соответствии с этим принципом, хотя Клемансо⁶⁷ утверждал, что все вели себя не так, как им полагалось, англичане якобы невозмутимые, а сами

67 Жорж Бенжамен Клемансо (Georges Benjamin Clemenceau, 1841–1929) – премьер-министр Франции в 1917–1920 гг.

впадали в истерику, французы якобы легкомысленны, а сами ужасно серьезные и трезвые, американцы якобы очень быстрые, а сами копуши. Но даже при этом почти все разбирались запросто, враг был врагом, друг – другом, война – войной, а мир – миром, разумеется, был и Троцкий, который сказал, что хочет заключить соглашение с Германией, что было ни миром, ни войной, и таковы доказательства, что тогда XIX век был почти убит, но еще заметно жив, еще верил в мир и в войну, в возможность эсперанто, в прогресс, верил в человечность и бремя белого человека, в концепцию «вооружения нации», верил в будущее и прошлое, верил в ветеранов, короче говоря, то был поистине XIX век. А ныне от XIX века ничего не осталось, кроме Германии, и когда ее уничтожат, закончится XIX век и начнется XX-й. Я же принадлежу к тому поколению, что родилось в XIX веке, на заре жизни старалось оттуда сбежать, а остаток жизни провело в XX веке, конечно в XX-м.

Вильсон⁶⁸ говорил, что у него односторонне мышление, таковы все американцы, они видят то, что видят, и европейцев это беспокоит. Американцы считают, что в нынешней войне необходимо лишь уничтожить германскую материально-техническую базу до основания, ничто другое не заслуживает внимания, только разрушать эту базу или погибнуть при по-

68 Томас Вудро Вильсон (Thomas Woodrow Wilson, 1856–1924) – 28-й президент США (1913–1921).

пытке ее разрушить, нет смысла воевать, пока не сокрушишь германский потенциал до основания, а уж затем сражаться, дабы они поняли, что у них ничего не осталось, и тогда война окончится. Европейцы этого не понимают. Они считают, что в первую очередь необходимо сражаться, а уж затем уничтожать военный потенциал, как завершение боев, а не их предотвращение, а поскольку у американцев мышление одностороннее, европейцам кажется, что все идет медленно, потому что ничего не происходит, пока ничего определенного на горизонте нет. Достаточно сказано о том, что французский ум работает иначе.

177

В войну 1914–1918 было не так очевидно, что можно выбрать шесть различных путей одновременно, то ведь был XIX век, выбранный путь был относительно прост и несколько варьировался в ходе войны, но в целом они были сравнительно едины, все хотели победить в войне, и на том, в общем, всё, но в войне 1939–1943 все не так, все, не, так.

Перемирие 1940 года меня удивило, меня легко удивить, но тут я была решительно удивлена, многие не были уверены, что не желают победы немцам. Я спрашивала, почему, не понимаю, как может француз так думать, почему, почему, повторяла я частенько и довольно резко. Служащий банка объяснил мне кое-что. Он сказал: существует множество точек зрения, и у одного человека их может быть немало.

Что хуже, бояться или скучать, вот в чем вопрос.

178 Человек, сказал банковский служащий, может желать победы англичанам, потому что у него бизнес и он хочет обеспечить своему бизнесу безопасность, а если победят немцы, бизнес будет в опасности, при этом сын его сидит в тюрьме, его единственный сын, а в случае победы немцев он вернется домой, если же победа предрешена англичанам, война продлится долго и его сын может умереть в тюрьме, не успев вернуться домой, но в то время Германия была союзником России, это могло означать коммунизм, тогда тот же человек хотел бы победы Англии, а кроме того, есть и иная точка зрения, французы любят болтать о дисциплине, они считают, что в стране царит беспорядок, вообще-то они традиционалисты, страстно любят выращивать овощи и потому без порядка никуда, но им нравится думать, что порядка нет, а должен быть. Такова точка зрения Петена, такова была точка зрения и одного сумасшедшего в конце войны, в 1918 году, который однажды на станции потребовал у всех показать документы, и все показывали, разумеется, всякий покажет, если его так властно попросят, в конце концов, собралась огромная очередь, толпа военных и прочих, появился полицейский и спросил, что тут происходит, и все сказали, что у них требуют показать документы, и когда этого ретивого человека отвели в участок и допро-

силы, зачем он так поступил, он ответил, я хочу хоть немного навести порядок в моей стране. На днях все сажали картошку и, как могли, посыпали ее дезинфицирующими средствами, тяжело работали, а я шла тропинкой и столкнулась с приятным пожилым человеком, бывшим государственным служащим, ныне на пенсии, у него в руках был опрыскиватель, и я заметила дружелюбно: вы дезинфицируете картофель, он ответил, да, но не будет толку, если все этого не сделают, но ведь все делают, что могут, сказала я, делали бы больше, ответил он, будь в стране порядок. Вот, добавил он, от недостатка чего мы, французы, страдаем. Я была вежливой, но мне хотелось сказать, да черт возьми, вы все как в тюрьме, потому что у вас вечно порядок, и это парадокс, в одиночестве люди стремятся в общество, а в обществе рвутся к одиночеству. Таковы уж люди, конечное и бесконечное, когда у них мир, хотят войны, когда война, хотят мира. Ладно. Постепенно происходили перемены, русские стали врагами немцам, а французам представился шанс добавить к списку новые точки зрения. Средний класс в который раз разделился, если победят русские, придет ли коммунизм, если победят немцы, грядет ли нищета и угнетение, если победят англичане, лишатся ли французы своих колоний. Неужто, вопрошали жители Лиона, мы потеряем свои земли или кошельки, о чем горевать будем меньше? Они даже начали шутить по этому поводу, хотя ситуация

вполне реальная, вполне. Удивительные люди, и я удивлялась их чувствам, они утверждали, что, будь они моложе, пошли бы воевать с русскими, что, за немцев, спрашивала я, ну, не совсем, за англичан, ну, не совсем, так за кого, спрашивала я, а они отвечали, ну, за кого-нибудь, и на этом разговор заканчивался. В те дни, в дни после перемирия разговоры велись довольно странные. А был еще и Петен. Столько точек зрения на него, очень много. И у меня было много, так много, что я была почти француженкой. Вот что произошло с моим мнением о нем.

Когда крестьяне услышали, что русские вступили в войну с немцами, они все были едины в своем мнении, все на радостях напились, попросту напились на радостях, и позднее, когда немцы не добрались до Москвы, произошло то же самое, они говорили, французская армия под водительством Наполеона вошла в Москву, удержать ее, конечно, не смогла, но все-таки вошла, причем пешком, понимаете, пешком туда добрались, а эти с их автомобилями не смогли. Мы туда добрались, повторяли они, пешком, но добрались. Все это время французы сочиняли анекдоты, ужасно смешные анекдоты, всё еще сочиняют, и был один, очень смешной, про Наполеона. Мол, в 1941 году Гитлер, приехав в Париж, пришел в усыпальницу Наполеона, и Наполеон неохотно появился из могилы с ним поговорить. Я, сказал Гитлер, великий завоеватель, может, не такой великий, как ты,

вежливо добавил он, но довольно близко, я тоже покорию всю Европу. А Англию, спросил Наполеон, пока нет, ответил Гитлер, Наполеон вздохнул, я тоже, а Россию? Пока нет. Я тоже, сказал Наполеон, шел бы ты отсюда, и вернулся в свою гробницу, и там заперся. Неплохо, что парижане сочинили этот анекдот зимой 1940–1941 года, очень неплохо. Они рассказывают кучу анекдотов, парижане – смешливый народ, и это беспокоит немцев, шуток немцы никак не ожидали, нет, никогда.

181

Но вернусь к Петену и к тому, что можно о нем подумать и что подумала я.

Мед не всегда попадает в рот, во время войны едят мед, много меда, ибо сахара нет, во время войны никогда не бывает сахара, он исчезает первым, затем масло, однако масло всегда можно раздобыть, но не сахар, сахара нет, в военное время всегда едят мед и в большом количестве, меда съедают даже больше, чем обычно сахара, он куда вкуснее сахара, вкусен сам по себе и вкуснее в яблочном пюре, вообще в десертах, затем наступает мир, мед перестают есть, считают, что он чересчур сладок, приторен, тяжел для желудка, так произошло в войну 1914–1918, так и в этой войне, удивительно, но в войну происходит так.

А то, что происходит сейчас, не в прошлую войну, напоминает скорее наполеоновские войны и войны до того, но не войны XIX века, не войну 1914–1918 года.

Любого могут сорвать с насиженного места и отправить работать или жить вдалеке от естественной среды. Так случилось в истории баронских войн⁶⁹, все описано в исторических романах, и это было ужасно, любого могли забрать в любом месте, в любой момент, схватить на улице, увезти на принудительные работы в далекую страну, и человек, может, никогда бы не вернулся на родину, ни в каком возрасте, ниоткуда.

Виктор – сын булочника, приятный парень, любит детей, непринужден и обаятелен, у него четыре сестры, отец с матерью, и все любят Виктора, он любимец семьи, кого ни возьми, все его обожают. Виктор – крепкий парень, хорошо питался, в двадцать лет отправился в лагерь для юношества, что заменяет во Франции военную подготовку, там подхватил ужасную простуду, пролежал в госпитале, получил отпуск по болезни и вернулся домой, видно было, что питался он хуже, но это не так важно, откормить его легко, тем более отпуск десять дней. Сегодня вечером по пути в горы на прогулку я встретила его отца и еще одного человека. Мы постояли, поговорили, но не о войне и не о Викторе, а о погоде, луне и горах и о том, что я люблю гулять, мы расстались, они пошли дальше в горы, а я, возвращаясь, сделала круг и оказалась око-

69 Первая и Вторая Баронские войны (Barons' Wars, 1215–1217, 1264–1267) – гражданские войны в Англии между королями и баронами.

ло булочной, и у входа в булочную топталась мать Виктора, вроде входя и не входя, я сказала добрый вечер, как поживает Виктор, а она ответила, что у Виктора кончился отпуск, я сказала, но ведь он еще не вполне здоров, да, сказала она, он должен завтра отправиться в Лион на осмотр, но он не поедет, не поедет, она вошла, а я продолжила свой путь, Виктор не поехал, о боже, мы все любим Виктора, если все закончится достаточно быстро, ему это сойдет с рук, но если нет, нельзя же всю ночь сидеть в горах, на холоде, правда, беглецы всегда возвращаются ночью домой, почему бы и нет, раз никто не хочет их искать, почему бы и нет.

183

А затем я гуляла, и мы разговаривали с одной женщиной, говорили об урожае яблок и винограда и о том, что деньги не важны, только еда, впервые в истории Франции крестьян не интересуют деньги, им нужна еда и только еда, и она сказала, у меня есть внук, мой Андре, я зову его малыш Диди, он в Германии, ему всего двадцать, а в двенадцать лет он сильно болел, и врач рекомендовали поместить его в санаторий, а я сказала нет, дайте мне попробовать, и взяла его к себе, у него голос пропал, доктора сказали, никакой школы, никакой работы, только свежий воздух, разговаривать нельзя, только свежий воздух, и я сшила ему костюмчик, чтобы везде попадало солнце, и через несколько месяцев ему полегчало, но доктор посчитал, что недостаточно, я оставила внука у себя, и в конце концов он совсем выздоровел

и никогда не болел; учился до девятнадцати, а теперь он в Германии, когда проходил медицинскую комиссию, его мать сказала немцам, что он болезненный, в первый раз сказали нет, ему не надо ехать, во второй сказали нет, ему не надо ехать, а в третий раз сказали пусть едет, ну как же это, сказала мать, а немцы сказали, вы думаете, у нас нет врачей лучше вашего, и он уехал, может подхватить там грипп, но они и в самом деле хорошо о нем заботились, правда, он пишет, что еды не хватает, просит, бабушка, пришли мне что-нибудь, сырое или готовое, неважно, я послала ему пять посылок, а он пока получил только одну, трудно раздобывать продукты, он мне пишет, пишет длинные письма, по несколько страниц, и я посоветовала, пишите ему в подробностях о вашей жизни, вот как вы мне рассказываете, как вы вспоминаете его детские годы, это его утешит, а он ваш единственный внук, спросила я, нет, у него есть брат, восемнадцати лет, и мать боится, что и его отправят, в газетах писали, во всяком случае, так люди говорят, а он не учился, как его брат, работал подмастерьем, и я сказала, ну, наверное, скоро все закончится, надеюсь, вы правы, сказала она, я так надеюсь, но все эти бомбардировки фабрик, эти ребята, их даже не предупреждают, о боже, как в Средние века, их берут и увозят, вот что происходит.

Все знают, что маршал Петен был героем Вердена, но немногим известно, что именно он

спас французскую армию от бунтов. Вот как это произошло. Французская армия в 1917 году практически развалилась, солдаты были сыты по горло, им не нравилось происходившее в армии, чересчур часто сменялись командиры, и с солдатами обращались плохо, а когда армию возглавил Петен, он заявил что и ему и армии нужны перемены, что офицеры должны объяснять своим подчиненным, что от них требуется и почему, он ввел регулярные отпуска для всех, каждые четыре месяца по десять дней, неделю солдаты проводили на прежней работе, чтобы войти в привычный ритм, и еще пару дней обедали у всех своих родственников, такова французская традиция, и, получив заряд бодрости от обычной гражданской жизни, солдаты возвращались в армию, укрепившись духом, так и стало, и на том бунт иссяк. Уйдя в отставку, он многое осмыслил и писал о том, как ослабевает Франция и почему она не победит в следующей войне, нехватка личного состава, недостаточная материальная база и немногочисленность союзников, он обдумал и предложил новое политическое устройство, при котором правительство должно состоять из специалистов и избранных, нечто вроде германского ротарианства⁷⁰ в каждом аспекте жизни. Об этом часто говорил Бернар Фай, и сю-

70 Ротарианство – движение влиятельных людей, активно участвующих в жизни общества на местном, национальном и международном уровне и объединенных в клубы международной организации *Rotary International*.

да же подмешивалось желание вернуть короля, считалось, что королевская власть подходит Франции, большинство французов предпочитают республику, но каждый должен решить сам, что ему нравится. Франция такая традиционная и вместе с тем так любит новшества, а король – одновременно и новшество и традиция. Тогда так и получится. Петен стал послом в Испании и надеялся, что Франко осуществит то, что по его, Петена, мнению следовало осуществить, но поступил ли он так, поступает ли, да еще Португалия, там, возможно, тоже пытались, и все это вдохновило Петена, а тут подошла война 1939–1943 годов, и все началось. Петен был не в восторге, он повторял неоднократно, что без достаточного вооружения, без эффективно организованной армии, без союзников Франция обречена на поражение. Он был молодым офицером в 1870 году, когда Франция потерпела поражение, он дождался победы французского оружия в 1914–1918 годах, и теперь ему предстояло вновь увидеть поражение французов, и они проиграли. Он, несомненно, был прав, они проиграли.

До 1914 года Петен был в чине полковника и однажды в офицерской столовой услышал, как молодые офицеры толкуют о войне, пьют за войну, шутят про войну, и затем в наступившей тишине они услышали слова полковника Петена, вы полагаете, что война – это всегда весело, *toujours drôle*⁷¹.

71 Всегда смешно (фр.).

Ладно, так или иначе, заключили перемирие, Петен его заключил, и мы отчасти были рады, отчасти крайне опечалены, появилось много разных мнений. Мне не понравилось, как Петен представился, я, Филипп Петен, это раздражало, а мы очутились в неоккупированной зоне, нам повезло. Многие месяцы спустя кто-то написал мне, что в Америке утверждали, будто нет разницы, в оккупированной зоне жить или в неоккупированной, но мы-то, жившие в неоккупированной зоне, понимали разницу. Кто-то, может, и не ощущал себя абсолютно свободным в неоккупированной зоне, но мы были вполне свободны, а в оккупированной зоне люди свободны не были, и разница между вполне свободным и несвободным существованием существенная. Одни сетовали, что Францию разделили надвое, но вообще-то нет, разделение долго не продлилось, постепенно части соединились опять, другие утверждали, что надо было не соглашаться на перемирие, а отправляться в африканские колонии и там сражаться, но это очевидная глупость, в Африке нет промышленности, вообще ничего, только скудная пища и небольшая армия, нет, Петен был прав, что остался во Франции, и прав, что заключил перемирие, и постепенно я это поняла. Я всегда считала, что он был прав, заключив перемирие, во-первых, так комфортнее для нас, кто находился здесь, во-вторых, это оказалось важным элементом в конечном поражении Германии. Для меня перемирие остается

чудом, я все допытывалась, почему Германия на это согласилась, почему, им ведь легко было оккупировать всю страну, почему они ограничились половиной, им ведь было бы легче атаковать Англию, начиная с Египта, чем пересекать канал, почему, почему они согласились на перемирие, почему, загадка для меня, и я спрашивала всех, кто мог бы ответить, и тех, чьи ответы меня не удовлетворяли, и тех, кто не находил ответа и недоумевал вместе со мной, и тех, кто отвечал, что не надо было перемирия, но я была уверена, что они-то неправы, и наконец я спросила армейского офицера, которого встретила случайно, и он все мне разъяснил.

Вот его ответ. Немецкая армия всегда действует по плану, а они запланировали трудную и довольно длительную кампанию во Франции, а затем атаку на Англию. В последней войне их удивила военная сила Франции, а на сей раз удивила ее слабость, но сюрприз – эффективный способ привести Германию в замешательство, любой сюрприз сойдет, главное настоящий, а слабость Франции оказалась самым настоящим сюрпризом. Они наступали так быстро, что не успели перевести дух, так быстро, что они поменяли планы, наступать на Англию сейчас, а не в следующем году, как намеревались, нельзя было терять время, и когда Петен предложил перемирие, они с удовольствием за него ухватились, поскольку у них оказались развязаны руки, можно за-

няться Англией, они знали, что Петен человек слова, больше не нужно беспокоиться, что творится у них за спиной, и они двинулись к каналу. Добравшись до канала, они обнаружили, что их материальная база не в лучшем состоянии, они так быстро продвигались, что все планы касательно ремонта порушились, техника, изготовленная из неважного материала, изнасилась, как заметил один вернувшийся военнопленный, если бы французам хватило времени приглядеться к германской военной машине, они бы увидели, что немцы не выдержали бы длительной войны, в общем, подойдя к каналу, немцы выяснили, что их вооружение не соответствует поставленным целям и придется обождать. Америка пришла на помощь Англии, снабдив ее вооружением, и к тому времени, когда Германия была готова двинуться на Англию, стало поздно, слишком поздно. Началась битва за Лондон, и стало слишком поздно. Вот что имел в виду Петен, когда на вопрос, кто выигрывает войну, Германия или Англия, ткнул себя в грудь и ответил я.

189

С перемирия и до сражения Германии с русскими мы только и делали, что обсуждали, обсуждали и охотились за продуктами, а когда вступили русские, мы продолжали обсуждать, обсуждать и охотиться за продуктами, но стало иначе, все крестьяне напились на радостях в тот день, когда немцы атаковали русских, а точек зрения у всех и каждого появилось еще больше прежнего.

Мы столько обсуждали, и столько объясняли, и столько со всеми разговаривали, как раз сегодня, в конце октября, я беседовала с человеком, который работает на самой большой железнодорожной станции в Лионе, и он сказал, что все рабочие, получившие отпуск из Германии, туда не вернутся, и теперь рассказывают железнодорожникам о Германии во всех подробностях. По их словам, три месяца назад старые рабочие с некоторой досадой говорили, мол, конечно, фюрер всегда прав, но, пожалуй, события сильнее него, а молодежь поддерживала его с верой и ослиным упрямством, но сейчас, после трех месяцев бомбардировок, они все говорят, вот теперь мы понимаем, теперь мы хотим мира, мира любой ценой, мы хотим мира сейчас, 11 ноября 1943 года⁷², вот подходящая дата, давайте остановимся на этой дате и заключим мир, и они считают дни, каждый день мир ближе. Вот что он рассказал мне сегодня, и надо разобраться, какие объяснения резонны, а какие нет, ведь в период битвы за Лондон и попытки вторжения в Англию мы узнали, что когда из разных источников упорно поступают одни и те же слухи, в них есть крупица правды, мы пересказывали друг другу все, что слышали, в нашей деревне жил пенсионер, таможенный офицер в отставке, он вечно

72 11 ноября 1918 г. было заключено Компьенское мирное соглашение о прекращении военных действий в Первой мировой войне и отводе немецких войск с фронтов.

копался в своем саду, мы беседовали каждый день, но никогда не обсуждали, кто победит, оба всегда знали и так, удивительно, сколько народу всегда знало, что Германии не выиграть войну, и говорило об этом бесконечно, но мы обсуждали, следовало ли Франции продолжать сражаться, когда у нее не было сил, и как раз на днях Бернар Фай дал мне новое объяснение. Он сказал, что ошибкой было вообще ввязываться в войну. Но, возразила я, на нас бы все равно напали. Нет, продолжал он, Германия намеревалась захватить Польшу, а затем напасть на Россию, и если бы Даладье честно признался Англии, что Франция не экипирована для военных действий, солдаты не хотят воевать, а это правда, это всем было известно еще до начала войны, армия воевать не хотела, тогда Англия, удостоверившись в этом, не объявила бы войну, Германия, покорив Польшу, атаковала бы Россию, Англия и Франция тем временем укрепили бы свою мощь и вступили бы в войну, выбрав удачный момент. Может, сказала я, и так. Такова была точка зрения тех, кто считал, что Франция зря ввязалась в войну, короче, с начала перемирия только и было, что пересудов, находились и коллаборационисты, как их называли, но во Франции всегда была прослойка людей, которые не выносили немцев, однако считали, что с ними следует сотрудничать. Хотя все были уверены, что такое сотрудничество, как говорится, *sens unique*, одностороннее движение.

Еще была точка зрения Жоржа Россе. Он предпочитал, чтобы выиграли немцы, а не англичане, но, возразила я Жоржу, ты же дорожишь своей свободой, ты же не согласишься жить под германским контролем, ой, ответил он, ты не понимаешь, мы, французы, немцев всегда перехитрим, и поэтому, хотя немцы победят и оккупируют нас, они ничего с нами сделать не смогут, мы всегда с ними справимся, мы сможем, а вот насчет англичан я не уверен, лично я предпочел бы не рисковать.

В те дни мне пришлось выслушать многих, и все доводы были резонны, вот что французы имеют в виду, утверждая, что они логичны, они так убедительно обосновывают всякую точку зрения, касающуюся их самих, у них нет предрассудков, есть традиции, стиль жизни и своя точка зрения и ее объяснение, среди них есть, конечно, люди, не много, но есть, кто хотел бы просто примкнуть к победителям, таких людей везде предостаточно, у таких людей все просто, но логика отсутствует, не та логика, которая свойственна французам и которую вместе с ними понимаю я.

Нынешняя война, по моей логике, очень логична, гораздо логичнее, чем война 1914–1918 годов, та была относительно проста, бытовали простые понятия и простые точки зрения, а в нынешней войне столько разных сторон, и все логичны, и все события, несмотря на путаницу, тоже имеют свою логику, совсем не XIX век, отнюдь нет. В XIX веке логика

отсутствовала полностью, у него были космические масштабы и надежды, устремления и открытия, идеалы, но логики не было, а я люблю логику, очень люблю, поэтому, видимо, я вполне естественно приняла участие в убийстве XIX века, подобно гангстеру с *mitraille*⁷³, если это то же, что и пистолет-пулемет Томпсона.

Но вернемся к тому, что мы все думали о Петене. Бернар Фай и шоколадный торт.

193

Только что в Верхней Савойе застрелили из ружья кузена нашей соседки, выстрелили, когда кузен с родителями выходил из церкви, убийца забросил ружье на плечо и удалился. Застреленный был сыном графа, выходца из одной старинной семьи, обедневшего, но крупного землевладельца, однако на чьей он был стороне? Неясно. Он убежал из тюрьмы, и некоторые говорили, что он был платным немецким агентом, но его сестра утверждает, что убитый был убежденным антигерманцем, возражал против того, чтобы его младший брат служил в специальном отделении полиции, которое, по сути, подсматривает за соседями; так ли, не так ли, как хотите, так и судите, все запутано, его шурина убили в Тунисе, где он воевал за союзников, все запутано, а ее брат и деверь, чтобы избежать отправки в Германию, хотели скрыться в горах, но убоялись долгой зимы. Убитый, похоже, был человеком мягким и сломленным, среди его бумаг нашли записку: мол, если кому-то из них,

73 Пистолет-пулемет, автомат (фр.).

четырёх братьев, их там четверо, суждено погибнуть, он надеется, что ему, поскольку у него нет будущего. Он был простым человеком, а его братья умными, и у них будущее было. Его двоюродная сестра, та, что рассказала нам эту историю, замужем за человеком, чьи родные в один голос твердят, что Петен кретин, и она пожаловалась, что ей приходится это терпеть, и сейчас она довольна, что ее брат работает в Германии, а не путается со всей этой семейкой, даже если его убьют враги, она совершенно сбита с толку, одни укрываются в горах, другие коммунисты, третьи англосаксы, которые бомбят, четвертые друзья России, которые страдают от коммунистов, и что же теперь будет, а я всегда говорю: правительство может быть каким угодно, но поднявший меч от меча и погибнет, если преследуешь людей, преследуем будешь, да, соглашается она, я знаю, но вы не понимаете, а его приятель, бывший там, сказал, что убитый наговаривал на соседей, нет, не так, возразила она, соседи ругали друг друга, их было трое добрых друзей, но поначалу они обругали друг друга и раздружились, а потом, решив подружиться опять, пришли и обругали брата убитого, который стал специальным полицейским, и поэтому ее двоюродный брат, только что убитый, смирился с тем, что его брат в полиции.

И все это время раздавалось имя Петена, старого человека, очень старого, а нынче все о нем позабыли.

Маршал Петен тогда действительно спас Францию и, спасая Францию, победил Германию, а побеждая Германию, просто жил, пока Германию не победит Россия, которой он боялся, и американцы, которых он уважал, и англичане, которым он не доверял, он был старым человеком, ему пришлось ждать, он ждал целыми днями, но активно, ему нравилось ждать и нравилось действовать, и он успешно сочетал то и другое. А пока он ждал, о нем неизбежно забывали, и хотя о нем забывали, он не сожалел, ибо знал, что активное ожидание есть само по себе законченное действие, и поступал он так не потому, что пришлось, но потому, что именно такое поведение он считал необходимым.

И все это время вокруг него бурлило столько точек зрения, столько разных точек зрения и разнообразных событий, и у каждого внутри столько всего. Помню, в конце 1940 года некто приехал из Америки и только что посетил Петена, тот поинтересовался, что думают о нем в Америке, и этот человек ответил, что американцам не нравятся гонения, на что Петен ответил: масонов я ненавижу, коммунистов я боюсь, а что до евреев, тут я не виноват.

Французы любят добрую схватку, они любят ее превыше всего, и хотя они все, как и маршал Петен, боятся русских, получается очень смешно, когда даже представитель Виши, сообщая новости, поневоле выказывает гордость за сражающихся русских, они, францу-

зы, считают, что истинная воинская доблесть принадлежит им, тут они, я всегда им это говорю, безнадежные европейцы, они не постигают американскую позицию, которая гласит, что сражение состоит в первую очередь в том, чтобы вывести противника из строя, бессмысленно двигаться вперед-назад, просто истощаешь свои силы, разница как между старинным танцем и американским, в старинном танце пара двигается туда-сюда, будь то вальс или полька, а в танце, изобретенном американцами, все движения выполняются на одном месте. В общем, таков подход американцев, нечего войскам носиться туда-сюда, надо их сконцентрировать на одном месте, бомбить и бомбить, пока не разрушишь всю вражескую инфраструктуру, тогда и война закончится, но европейцам это не нравится, это противоречит всему их прошлому и не сулит ничего хорошего в будущем, потому что, о чем я упоминала еще в «Автобиографии каждого», Европа чересчур мала для современной войны, у них нет промышленников, только лавочники, они могут приобрести впрок огромное количество товара, складировать его, но когда наступает время обновить запас, все останавливается, Франция в этом отношении справляется лучше многих, она по крайней мере может производить продукты питания, что не устает меня удивлять. Средняя сельскохозяйственная семья во Франции состоит из отца, матери, обоим где-то за сорок,

оба не особо крепки здоровьем, а также стариков, матери или отца, иногда обоих, под семьдесят, с одним, чаще двумя детьми, и особых силачей среди них не водится, и как может эта семья за год произвести невероятное количество съестного, картофеля, корм для коров и быков, вино и пшеницу, хватит, чтобы накормить Францию, если Германия уберется, овес и ячмень, грузовик овощей и фруктов, всякую дичь и кроликов, целую кучу, эти не очень-то крепкие здоровьем люди не перетруждаются, заготавливают сено, продают в больших количествах, так и живут, ни богаты, ни бедны, и если их единственный сын не погиб в войну, он помогает, и они запросто производят невероятное количество продуктов.

197

Я всегда полагала, что у Франции есть настоящая причина для гордости, хотя французы об этом не подозревают, принимая как данность то, что и Савойя и Эльзас и Лотарингия и Ницца и Ривьера, которые стали французскими едва ли сто лет тому назад, захотели остаться с побежденной Францией, не захотели присоединяться к победоносным Германии и Италии, хотя отделились от них какую-то сотню лет тому. Да, Франция может этим гордиться.

Итак, война продолжается, и она, не внезапно, но постепенно все больше и больше перестает быть войной. Таков характер этой войны.

Здесь и сейчас трудности войны сводятся лишь к поиску мэром охранников для железнодорожных путей, никто не хочет в холодные ночи дрожать от стужи, а мэру нужно их найти, их мало осталось, они хотят ночью лежать в постели, в тепле, и потому мэр ежедневно их ищет, у него жена швейцарка, оба приятные люди, и он ищет людей, чтоб хватило на охрану путей в дневное время и в ночное, и даже когда их удастся уговорить, в непогоду они все равно прячутся, потому что ночью холодно, даже в ноябре.

В Билиньине я знавала в основном крестьян, здесь в основном железнодорожников, и они совсем не похожи на крестьян, совершенно. В целом, я считаю, что крестьяне интереснее, они поинтереснее люди. Крестьяне не такие бескорыстные, не такие добрые, не такие бойкие, но интереснее, французские крестьяне интереснее.

Запоминать места естественно.

В эти октябрьские и ноябрьские дни 1943 года самое время вспоминать Модан⁷⁴. Многие годы не было резона вспоминать Модан, но теперь естественно вспомнить. В Кюлозе вагоны отцепляются и перенаправляются в Италию, здесь мы ныне и живем, а в те годы, когда мы на лето уезжали в Италию, мы ехали через Модан, я не запомнила Кюлоз, Модан, раннее утро в Модане, затем мы перебирались в Ита-

74 Модан (Modane) – поселение и железнодорожная станция в провинции Савойя.

лию через Сен-Готард, проехав кусочек Швейцарии, а потом мы не ездили в Италию, но всегда был Модан, и здесь, сейчас, когда Италия воюет, все поезда с углем идут в Модан, уголь, уголь, уголь едет в Модан, затем в Модан поехали солдаты, Модан бомбят, и поезда не ходили в Модан, потом опять пошли, а теперь Модан снова бомбят, и поезда снова не идут в Модан, и вот почему сейчас изо дня в день естественно вспоминать Модан.

199

А мы все еще ездим в Шамбери, в поезде не было стекол в окнах, сказали, что стекла есть в вагонах третьего класса, а в вагонах второго класса нет, однако, сказали они, раз мы уплатили за второй класс, будем сидеть во втором классе, даже если там нет стекол. У нашего белого пуделя Баскета покусано ухо, оно кровоточило, когда мы сегодня ехали в Шамбери, и тем не менее все в поезде говорили, что он красавец. Такое может произойти в любой день. Происходят и другие события.

Например, сын нашего дантиста. В его истории появляются новые детали. Естественно, они случаются, день сменяется днем, и каждый день немножко страшно, каждый день предостаточно треволений, каждый день наполнен ожиданиями, питания теперь хватает, кое-где его даже изрядно, и на все это есть причины, причины есть всегда.

Нет, нынешнее окончание войны никакого отношения к XIX веку не имеет, совершенно никакого, время от времени я перечитываю

какую-нибудь пьесу Шекспира, и теперешняя жизнь напоминает его трагедию, если угодно, то есть каждый знает, что прогресса не будет, любому ясно, что прогресса не будет, каждому, каждому понятно, прогресса не будет, а будет неуверенность, мужество и страх, надежда, смерть, болезнь и здоровье, сила и террор, все будет продолжаться, никто не захочет и не позволит отдать свое кому-то другому, отдать никто не захочет, XIX век мертв абсолютно и бесповоротно в этот ноябрь месяц 1943-го.

Пусть вас не смущает, что все настроены патриотично, пусть не смущает, никто не сбит с толку, это прогресс сбивает с толку, а не патриотизм, не страх, не борьба, не жизнь и не смерть, совсем нет, и вот что случилось с сыном дантиста.

Утешительный фактор истории – она повторяет себя, в одни периоды хуже, чем в другие, временами в истории случается всплеск точных повторений, конечно, история повторяет себя, иногда повторы случаются с сильным разбросом во времени, но сейчас, в ноябре 1943 года, полно повторений, ничего кроме повторений. Повторяются балканские войны, трения между Францией и Англией, цепь поражений Германии, повторяется история Италии, повторяется, ну, не совсем, то, что было в 1915 году, когда говорили, что Россия паровой каток, но тогда каток не двигался, а ныне, хоть так и не говорят, Россия паровой каток и утюжит Германию. Соединенные Штаты

и Россия принадлежат новому веку и не повторяются, пока еще, со временем, конечно, повторятся, но время еще не подошло, а Япония, да, повторяется, Америка бомбила ее, чтобы открыть миру, теперь Японию будут бомбить, чтобы закрыть, это вполне можно назвать повторением, но вернемся к сыну дантиста.

Мы очень огорчились, несколько месяцев назад узнав, что его посадили в тюрьму, он, юноша семнадцати лет, присоединился к группе молодежи в Савойе, которые готовились, а готовиться означает быть готовым, а быть готовым означает прятать вещи для возможного использования, а прятать вещи означает прятать их у него в комнате. Это стало известно, и его забрали, ужасный день. Отец серб, мать, храбрая француженка, принадлежащая нескольким поколениям ученых и воинов, неустанно заботилась о сыне. Его забрали, допрашивали, чего только не было, но его оставили в живых. Это все сотворили итальянцы, они увезли его вглубь Италии. Мать узнала, что его осудили на пять лет каторжных работ, она свиделась с ним только один раз и когда все уже закончилось, передала ему гражданские документы. Она ухитрилась это сделать. Затем итальянцы вышли из войны⁷⁵, тюрьму перестали охранять, надзиратели ушли,

75 В 1943 г. Бенито Муссолини был отправлен в отставку и арестован по приказу короля Виктора Эммануила III. Италия, заключив соглашение с участниками антигитлеровской коалиции, вышла из войны.

а перед уходом объявили заключенным, уберите на все четыре стороны, и, конечно, все разбрелись кто куда, а молодежь, естественно, направилась навстречу американцам, вполне естественно. По дороге выяснилось, что до американцев путь не близкий, и потому часть группы и среди них двое приятелей из одного местечка, свернули. Они достигли гор, и каждый встречный тащил узлы с обувью и одеждой, они направились туда, откуда шли эти люди, и обнаружили огромный бесхозный склад обуви и одежды, принадлежавший прежде итальянской армии, и ребята прекрасно там разжились. Они продолжили путь, и лишняя обувь очень пригодилась, они обменивали ее на еду и помощь проводников, местное население было приветливо, а один, знавший все тропки, завел их высоко в Альпы, где они пересекли границу с Францией и направились в родные места, поскольку мать все предусмотрела, такая уж она была отважная мать, все продумала и снабдила сына гражданскими документами. Но их ботинки, ботинки итальянской армии вызвали подозрение у крестьян, и те донесли местному полицейскому, который и арестовал беглецов. Ну-ка, сказал он, глядя на них, расскажите-ка мне всю правду, они и рассказали, а когда закончили, он сказал, ладно, не говорите никому обо мне, и парни продолжили путь, по дороге их подобрал грузовик с немецкими солдатами, солдаты ели хлеб с маслом, оба беглеца были

голодны, солдаты с ними поделились, только хлебом, без масла, но все равно это было благословением. Оба вернулись домой, мать была счастлива, он пробыл три дня, купался с утра до вечера, отъедался, сфотографировался, чтобы оставить матери сувенир на память, а затем сказал, нам пора, она спросила, куда, а он ответил, к товарищам, не волнуйся, это как военная служба, ушел, и опять его нет. Она заметила, понимаете, молодые не так воспринимают войну, когда в них стреляют, они воспринимают это не так, как мы.

203

Вот так каждый день одних ободряет, других не совсем, а причины одни и те же. К примеру.

Каждый день ныне может быть любым другим днем.

Стоял хмурый вторник, я навестила больную приятельницу, у которой четыре сына, один еще военнопленный, другой служит на корабле где-то в Индокитае, третий, что был военнопленным, после двух неудачных попыток наконец-то бежал, еще один не очень здоров, я ушла уже под вечер, небо отсвечивало заходящим солнцем, и я направилась в горы, тут есть одна большая и крутая, настоящая гора, откуда с вершины доставляют дрова по канатной дороге. Я поднималась выше и выше, шум воды, что текла с вершины, становился все громче, было приятно, хотя холодно, довольно холодно и темнело. Люблю, когда темнеет, я поднималась все выше и выше, было

воскресенье, никто не работал, становилось еще темнее, и тогда стали попадаться группы людей, спускавшихся с гор, и я говорила здравствуйте, и они говорили здравствуйте. А когда совсем уже стемнело, я повернула назад, вокруг крошечная темнота, пошел дождь со снегом, ледяной дождь, я ничего не видела, только чувствовала скрип гальки под ногами и так нащупывала тропу, и я слышала, как вокруг меня спускаются и другие, группками человек в двадцать пять, быстро опережая меня, я замедлила шаг, лило все сильнее, а меня разбирало любопытство, почему столько людей спускается с гор в воскресенье, и когда спустилась, совсем вымокнув, а они прошли мимо меня, я предположила, что это те, кто скрывался в зарослях, маки́, как их именуют на Корсике, где это практиковалось, как и в Шотландии многие века, и они, по-видимому, спускаются с гор каждую ночь, особенно в зимнюю пору, когда полицейские сидят по домам, люди спускаются, ужинают вместе с семьей, согреваются, ночуют и утром возвращаются, пока полицейские не сообразили, что дело нечисто, не то, чтобы полицейские и вправду озабочены поимкой прячущихся, вовсе нет.

И так каждый день, что ни день.

Я прошла шестнадцать километров, я довольно часто так гуляю, а когда возвращаюсь с хлебом, иногда я несу белый хлеб и пирог, сажусь в автобус, но в тот день у меня собралось

много чего нести, да еще собака, и знакомая женщина подсобила мне, и тут я повстречала местного карлика из Кюлоза, поздоровалась и пожала ему руку, я всегда здороваюсь с карликом, всегда здороваюсь с любимым встречным, всегда здороваюсь с карликом, он пожал мне руку и пожал руку моей спутнице. Она удивилась, но к делу это не относится, когда мы вышли из автобуса и немного прошли вместе, я спросила, ты ведь теперь замужем, у тебя ребенок, да, ответила она, мой муж солдат, то есть офицер, и где он сейчас, спросила я, пока ты живешь у матери, и она сказала, он в военной тюрьме на улице Шерш-Миди в Париже, в одиночной камере. Это за что же, спросила я, она ответила, не знаю, видимо, он и сам не знает, нынче легко попасть в тюрьму за любую неосторожность, самую малую неосторожность, а он всегда стоял за улучшение положения солдат, но от него есть вести, спросила я, нет, никаких, я шлю ему посылки, а моя сестра, ей не разрешают свидания, но он отдает ей грязное белье, а она приносит чистое, так мы знаем, что он жив и здоров, это все, что я знаю, сказала она, мы распрощались, и она добавила, бесполезно строить иллюзии, его не выпустят до конца войны, мы распрощались, я знавала эту женщину еще юной девушкой, потому что у них был красивый дом, где однажды ссыльный король и его сестра якобы навестили ее прабабушку. Дети обычно так играли, как будто они приезжают на белом коне, из-

ображали, как ссыльный король и его сестра посещают прабабушку.

Такие вот дела.

206

У нас был приятель по имени Жильбер, он уехал, жена за ним, а дочь, маленькую Кристин оставили у соседей, которых мы не знали, и однажды некий рыжеволосый энергичный паренек попросил встречи со мной, а я спросила, в чем дело, и он сообщил, у меня для вас послание от Жильбера, что-то не в порядке с девочкой, спросила я, нет, все хорошо, она живет с нами, ответил он, для нее что-нибудь нужно, спросила я, он сказал, нет, она в полном порядке, и все время вертел в руках коробок спичек, так в чем дело, спросила я, а он сказал, в коробке для вас записка, я сказала, тебе лучше уйти, вы что, меня боитесь, спросил он, нет, но тебе лучше уйти, а записку не хотите, спросил он, нет, и тебе лучше уйти, он сказал, я уйду, на его глаза навернулись слезы, он ушел, а служанке сказал, что мы отказались получить записку, а приятельница спросила, разве вам не было любопытно, что было в записке и я ответила, нет, не любопытно.

У нынешних историй столько окончаний, их столько, не так, как раньше, нечем интересоваться, разве что мелочами, едой и погодой. Что интересно, безумцев относительно немного, относительно немного слегка ненормальных или даже чудных, относительно немного, и этим немногим просто нечего делать, то есть им нечего делать или они не делают ничего та-

кого, что имеет отношение к войне, их беспокоит только наличие еды, отсутствие холода и подобного рода мелочи. Любой может болтать, все и болтают, даже если вновь приходят и вновь уходят, что они и делают. Ну и о Викторе. Мы очень любим Виктора, хотя на то нет причин, и однако есть, он Виктор, и его любит вся семья.

По-настоящему благодарны войне только дикие утки, их столько развелось на заросших берегах Роны, и они такие спокойные, обычно в этот сезон они тревожны, только устроятся, раздастся пиф-паф, везде полно охотников, палят по уткам, приходится тут же улетать, ныне стаи устраиваются на симпатичных озерцах, окруженных зарослями высокого папоротника, птицы такие спокойные, никто их не трогает, все ружья конфискованы, и некому стрелять, абсолютно некому, к большому удовольствию диких уток. Они ведут себя так, будто никто и никогда в них не стрелял, так легко возродить старые привычки, очень легко.

Я впервые приехала во Францию еще до эры автомобилей в Париже, и почти все, кто не был занят чем-нибудь другим, тащил или толкал тележку, и довольно быстро, французы передвигаются с тележками шустро, а затем постепенно автомобили заполонили улицы и дороги, толкать или тащить тележки стало чересчур опасно, и со временем люди от них избавились, никто их не толкает и не тащит. В те давние дни у всех ремесленников были такие тележ-

ки, у всех маляров и сантехников, у разносчиков, кое-кто еще толкает тележки, даже в эпоху автомобилей, но только чтобы добраться до ближайшего угла и продавать всякую всячину, хотя и это, похоже, не совсем законно, их нередко забирают в полицейский участок, нет ничего беспомощнее, чем тележка с овощами или еще чем, что стоит, заброшенная и одинокая, у входа в полицейский участок. Любопытно, будет ли кто опять толкать эти тележки, впрочем, наверное, их владельцев не заключали под стражу, может, просто заставляли платить штраф, или у них лицензия была не в порядке, и они вернутся к своим тележкам, пока фрукты и овощи не испортились и их еще можно продавать.

Но в нынешнем 1943 году всевозможные ручные тележки встречаются на любой дороге, набиты всякой всячиной, их многие километры тащат и толкают люди разных возрастов, дороги забиты тележками всевозможных форм и размеров, от детских колясок до повозки размером с фургон. Иногда, отправляясь на сбор каштанов, их толкают двадцать километров, а помимо этого, люди постоянно возят сено на корм кроликам и козам и вообще все, что можно скормить и съесть самим. Велосипеды и тележки, мало кто ничего не везет и не толкает, до того редкость, что такого практически и не встретишь.

Но вернемся к Виктору, у него и его отца две охотничьи собаки, однако охотиться они, по-

нятно, не могут, выращивают овощи, которые развозят на тачке, семья выпекает хлеб на продажу, и Виктор единственный сын, у него три сестры, и как же они все любят Виктора. Он очень приятный молодой человек, любит детей, ему двадцать лет, уехал в молодежный лагерь, всегда хорошо питался, в лагере заболел ангиной и когда приехал домой на двадцать дней, в отпуск по болезни, выглядел изрядно похудевшим. Дома дела пошли на поправку, но еще не выздоровел и решил не возвращаться в лагерь, любящая семья тоже не хотела, чтобы он туда возвращался, потому что его в любую минуту могли отправить еще дальше, он должен был скрываться, а это легко, перебираешься из одной деревни в другую, никто ничего не говорит, никто не разыскивает, потому что бумаги долго ходят туда-обратно, и если его нет на месте, бумаги вновь отсылают назад, иногда люди просто остаются там, где жили, с семьей, но это опаснее, есть риск, а курсировать между деревнями гораздо безопаснее, вполне безопасно для всех, только вот его мать дрожит от страха, Виктора любят все, а мать дрожит, время от времени немного дрожит.

В такое время произойти может что угодно, и сегодня произошло очень забавное приключение, теперь повсюду, особенно здесь, в горах, где легко запастись дровами, автомобили работают на дровах, двигатели те же самые, но все работает замечательно, полно грузовиков и автобусов, а в каждом не самом

мелком городке есть несколько такси. Французы любят роскошь, и хотя вроде как не положено брать такси, за исключением крайней необходимости, на самом деле всякий берет их, если идти далеко и нет велосипеда. Мы хотели навестить Белле, и я позвонила нашему таксисту, он ответил, что его машина заглохла прямо перед его домом, а она заработает, спросила я, конечно, рано или поздно, ответил он, а к пятнице заработает, спросила я, и тут как раз ему позвонили и сказали, что надо немедленно подобрать каких-то немецких офицеров и немедленно куда-то их доставить, он ответил, что не сможет, у него машина вышла из строя, а власти ответили, что опросили еще пять такси и все машины требуют ремонта, его машина и правда сломалась, спросили они, и он ответил да, не работает, вот прямо сейчас не работает. Поразительно, настолько поразительно, что только здесь мы и заметили, поразительно, что ни у властей, ни у кого из немецких офицеров не нашлось работающего автомобиля, и если нельзя добраться поездом, приходится вызывать французские такси, работающие на древесном топливе. Поразительнейшая картина, не могу не повторить, просто поразительно, наипоразительнейшая из всех поразительных картин, моторизованная германская армия разъезжает на французских такси.

Ныне, когда конец войны более-менее виден, каждый может дурачиться, не то чтобы

радоваться, но дурачиться. Повсюду дурачатся, все дурачатся повсюду, не смешно, просто дурачатся.

В наше время никто в душе по-настоящему не верит, что все или кто-нибудь обретут покой и счастье, никто, во всяком случае, подавляющее большинство не верит, и это доказывает, что XIX век мертв, окончательно и бесповоротно мертв. Даже пропагандисты на радио затрудняются вещать, а тем более верить, что в мире воцарится благополучие, любовь, мир и обилие, и возляжет лев с агнцем, и люди будут друг другу доверять. Все они знают, что ни один не доверяет другому, никто не доверяет никому. Нет ни единства, ни веры в мир и прогресс. XIX век мертв, но нет особого упокоения его останкам, хотя и возрождение XIX века невозможно, никак невозможно.

211

Все знают, но все молчат, потому что XX век слишком беспокойный и наверняка будет веком трудным и смутным, но все знают, что XIX век мертв, бездыханный.

Отныне каждый знает, что в большом успехе смысла нет, посмотрите на немцев, они начали с Рурской области, никогда не забуду, был воскресный вечер, я гуляла по бульвару Сен-Жермен, толпы людей на улицах, и у мужчин тревожные глаза, у них всегда такие глаза, если они понимают, что, возможно, придется идти на войну, а последняя была недавно, и никаких иллюзий, никакой романтики, вообще никакой, женщины были разговорчивы, бол-

тали, но, конечно, избегали упоминать войну, никто ее не упоминал, а мужчины, французские мужчины помалкивали, женщины болтали без умолку, и в их глазах тревоги было поменьше. У Германии были военные успехи, сначала аншлюс Австрии, затем Мюнхен, у французов полегчало на душе, войны не будет, точно не будет никакой войны, не в их поколении, затем произошла аннексия Чехословакии, очередной успех Германии, французы не обратили внимания, а затем начались ежегодные призывы в армию на переподготовку, все раздражались и дулись, затем пришла очередь Польши, и к тому времени французы даже как бы вздохнули с облегчением, война стала неминуема, немцы, очевидно, будут победоносны, но все равно то было облегчение, что придется начинать войну, немцы опять добились успеха, военных действий было мало, и вскоре все кончилось, и немцы по-прежнему добивались успехов, но потом у них начались неудачи, а ныне успех и вовсе их покинул. Вековая мудрость, известная каждому, если повезло в одном, удача будет сопутствовать и во всем остальном, неверна, нельзя иметь дом, дрова, еду, постоянную служанку, нельзя, чтобы все одновременно было в порядке, обязательно должны быть заминки, неприятности, всегда должен быть повод для суеверия, чтобы избежать чрезмерных неприятностей или когда все идет чересчур хорошо, а такие люди, как немцы, никогда этого не понимали,

им грезятся сказки, где все остается как есть, что было и чего не было, они творят музыку, которая им это внушает, но французы сознают, что нельзя добиваться успеха постоянно, необходимо возродиться из пепла, а как же возродиться из пепла, когда пепла нет, но немцы про пепел и не думают, поэтому, когда случается пепел, нет возрождения, никоим образом, и это изо дня в день яснее и яснее. А сейчас почти каждый опять вспоминает Петена, не вслух, разумеется, не вслух, французы, коль прекратили о чем-то говорить, снова не начинают, а они прекратили. И все равно они вздыхают с облегчением, поскольку Петен предпочитает республику, роялисты, может, и есть, но большинство французов предпочитают республику, я думаю, скоро вся Европа станет республиканской, как в Южной Америке, у бразильцев был славный император, они его любили, и он любил своих подданных, но подданные сказали: к сожалению, нет пользы от императора, на американском континенте императоры не в моде, вы уж нас извините, но вы должны уйти. Полагаю, так произойдет и в Европе. Мода есть мода, а республика, обычная республиканская республика входит в моду. Видно, что XIX век мертв, совершенно мертв.

213

1 декабря 1943 года, и народ раздражен, раздражен до крайности, и тому имеется причина. Все, ну, не думали, но надеялись, что это возможно, что война закончится. О боже, го-

ворят они, еще одна зима, ну что сказать, в декабре всегда зима, да, говорят они, но мы не думали, что в этом декабре будет еще одна зима, мы не думали, что может быть еще одна зима, а вот декабрь и очередная зима войны. Да, определенно очередная зима, все устали от возни с дровами и отсутствия угля, от постоянных забот о добывании пищи, хотя все питаются неплохо, устали от невозможности купить что-нибудь, даже если есть деньги, и это хуже всего, конечно, это хуже всего, наихудшее.

Как легко играет на гитаре трубадур. Как легко радио повторяет то, о чем говорят все. И как часто оно повторяет то, что все говорят и о чем можно говорить, когда скажем, говорить наверняка нечего.

История с Петеном типична, сейчас, в ноябре 1943 года, он мало что может поведать французам, а то, что он мог сказать, ему сказать не позволили⁷⁶. Это осложнило ситуацию, все вспомнили его именно потому, что ему не дали сказать то, что он хотел сказать по радио, все ждали его выступления, а он держался миролюбиво, будто сказал то, что ему сказать не позволили.

Если бы власти ему доверяли, но они не доверяют, Петен говорит, что думает, даже когда

76 По-видимому, Стайн имеет в виду предполагаемую речь Петена от 22 ноября 1943 г. Немцы, узнав, что Петен предлагает меры по изменению конституции в связи с наступлением союзных войск и в целом поддерживает действия союзников, запретили его выступление.

ему не позволяют говорить то, что он хотел бы сказать, и сейчас, в конце ноября 1943 года, история повторилась, опять, все или почти все вспомнили о нем, он опять повел себя миролюбиво, будто все и так помнили. Как долго это продлится? Что ж, это еще не конец, не конец, пока нет.

Чудно, они действуют так, будто верят в то, о чем вещают, да, они верят, они, да, верят, верят в то, что говорят, чудно, что они поступают так, будто верят в то, что говорят.

215

Без толку говорить, всем можно чудить, некоторые и чудят, еще как.

Мы обсуждали заявление властей, что многие сознательные граждане весь год пытались довольствоваться пайками⁷⁷, но ныне все обнаружили, что бесполезно и пытаться, и больше никто не пытается, никто, за исключением, как ни странно, робких и пугливых владельцев бакалейных лавок. Я знакома с такой семьей, и они единственные в округе, кто похудел и продолжает худеть. Больше никто, других худых не видно, никто не худеет, кроме разве что беднейших, неспособных работать из-за сложившейся жизненной ситуации. Никто.

И это очередное доказательство, что XIX век закончился. Англия все еще верит в XIX век, да, верит, и хотела бы не верить, но верит.

77 Французское правительство установило систему талонов на питание и призывало жителей не переедать.

А Франция никогда особо и не принадлежала XIX веку.

Такие вот приятные истории.

216 Встретила по дороге женщину, пожилую женщину, нам было по пути, мы разговорились. Она сказала, что чуть дальше у нее дом, но она там не живет. Там жила ее сестра, тридцать пять лет парализованная, а два года назад сестра умерла. Сама она живет где-то с зятем, других родственников в живых нет, хотя в родительском доме кто-то, конечно, присматривает за домашней птицей. Ах да, забыла, со мной на поводке был Баскет, невдалеке цементные заводы, по дороге снуют грузовики, довольно много и автомобилей, не немецких, а французских, французы всегда ухитряются как-то ездить, и, в общем, я объяснила, что Баскет на поводке, потому что у него завелись глисты, он нервничает, однажды его чуть не задавил автомобиль, собаку так легко убить, заметила я, да, отозвалась она, у нас в родительском доме была одна, она ослепла, пришлось ее убить, а я сказала, что у нас тоже была собачка, которую мы очень любили, и надо было ее убить из-за диабета, умерла, спросила она, да, ответила я, это не совсем то, что с курами, сказала она, на днях мимо проезжал грузовик и задавил одну нашу курицу, шофер не заметил и поехал дальше, потом проехал другой грузовик, шофер заметил курицу, остановился, вышел из машины, подобрал ее и уехал, но тут как раз вышел мой

племянник, увидел, записал номер машины, а потом, когда грузовик возвращался, племянник его остановил и потребовал: вы должны уплатить мне за курицу, только денег я не хочу, хочу курицу, а шофер ответил, не получится, я заплачу, но курицу не отдам, и мой племянник ответил, что не хочет денег, хочет курицу, а шофер ответил, что курицы у него нет, вероятно, солгал, но, с другой стороны, может, он эту курицу уже съел, и мой племянник сказал, ладно, я возьму деньги, нет, сказал шофер, я тебе вообще платить не буду, почему нет, потому что нет, сказал шофер, может, вы отдадите деньги Красному Кресту на подарок для заключенных, сказал племянник, и не подумаю, ответил шофер и укатил, и как же поступил ваш племянник, спросила я, а у меня нет племянника, ответила она, только племянница и свекор, я живу не в своем доме, он зятя моего, и тут наши дороги разошлись, и мы распрощались.

Столько всяких историй. Сегодня встретила человека с охотничьей собакой, красивой, несколько отощавшей, они и Баскет поздоровались, человек толкал тачку с капустой, мы остановились, тоже поздоровались, я спросила, молодая у вас собака, не такая уж молодая, ответил он, трехлетка, хорошая охотничья собака, но, увы, нынче никто не охотится, сказал он, но ведь так много перелетных птиц, диких уток, сказала я, да, сказал он, раньше мы думали, они жестковаты, а сейчас почитаем за де-

ликатес, прежде я служил таможенным офицером, уже на пенсии, думал под конец жизни поохотиться, да не получилось, еще не все потеряно, сказала я, декабрь 1943 года, все может произойти, как в 1918-м, совершенно неожиданно, возможно, согласился он, вы наверняка родом не отсюда, сказала я, поскольку он и не походил на местного, скорее на выходца из Нормандии, нет, ответил он, мой отец, как и я, служил таможенником, семья большая, девять детей, с большой семьей лучше работать в небольшом городке, там жить дешевле, и он получил здесь работу, я сам вырос здесь, а когда вышел на пенсию, вернулся сюда, но у вас самого-то небольшая семья, спросила я, да, сказал он, небольшая, один сын, он, как и я, записался в армию, отслужил два года, а когда армию распустили, его отослали прочь под дулом пистолета, а затем обязали отправиться в Германию, но сын ответил, что не любит немцев, и пришел домой, полиция отобрала его бумаги, а он скрылся, то есть он здесь и жив-здоров, спросила я, о да, слава богу, жив-здоров, да-да. Видите ли, я был вторым ребенком, а старший недужил, и мой отец сказал, что мне надо пораньше уйти в армию, и годы армейской службы зачтутся мне в стаж таможенной службы, когда я туда поступлю, потому что я сын таможенника и имею право туда пойти, и все бы ничего, но разразилась война, не нынешняя, а еще та, я ж не молод уже, а на той другой войне я служил сержан-

том и убил много немцев, очень много, и однажды меня отослали укреплять траншеи бревнами, и кто-то сказал «перемирие», а я ответил, вали отсюда, не мешай, и отправился с обозом, но кто-то еще сказал, ну да, сегодня подписали перемирие, а я сказал, что никуда с бревнами дальше не двинусь, свалил все на обочину и вернулся, и все сказали, давай вечером повеселимся, а я ответил, не могу, устал, но на самом деле, поскольку у нас была большая семья, а мой отец считал, что я должен помогать младшим, у меня просто не было денег, один товарищ говорит, давай-ка глянем в твой кошелек, схватил кошелек и вывернул наизнанку, а там пусто, ну и ладно, сказал он, все равно нормалек, а я ответил, я знаю, что вы мои друзья, но у меня все-таки есть гордость, и тем не менее, мы изрядно повеселились, затем пожали руки и расстались.

219

Один наш сосед, очень приятный юноша, уехал на работу в Германию со своим классом, и, хотя никогда не водил грузовик, вызвался быть шофером, и ему назначили испытательный срок в Париже, и он, естественно, тянул время как мог, а потом отправился в Германию, где ему дали работу в компании по перевозке мебели. Иногда на грузовике, иногда лошадьми, и Кристиан де ля Флешер написал, что работа не очень плоха, да только он ссорится с женой хозяина, потому что она ему положенную норму хлеба не отдает, но все равно, у него своя комната, приемлемая работа, и не пошлют ли

ему родные косметики и духов, их можно обменять и жить чуть получше, и родные послали, он и менял. А потом его хозяин получил счет в шестьдесят марок за подготовительный период в Париже, когда Кристиан обучался водить грузовик, и хозяин заявил, что платить не собирается, пусть Кристиан платит, а тот, ответил, что будь он проклят, если заплатит, пусть хозяин делает что хочет, и тогда хозяин уволил его, и Кристиану надо было искать другую работу, и он ее нашел, на молочной ферме, где больше платили бы и лучше кормили, но когда он оповестил об этом хозяина, тот стал извиняться, мол, погорячился, и предложил ему остаться, а Кристиан подумал, вспомнил, что на ферме, конечно, платят лучше, зато придется раньше вставать, да еще в зимнюю пору, и решил, что лучше примириться со знакомыми неприятностями, чем рискнуть и нарваться на новые, и остался. Мы, услышав эту историю, ужасно удивились, совсем не похоже на войну, разве что, не будь войны, Кристиан и не попал бы в Германию, во всяком случае, не на такого рода работу, и тем не менее, обычная история юноши, который отправился на заработки и берется за любую работу.

Забавно, а сестра этого парня, которая рассказала историю, поведала и другую: я недавно встретила приятельницу, и она вся светилась от радости, в чем дело, спросила я, а она ответила, мой сын был заключенным в Гер-

мании, но бежал в Швецию, где его встретили с распростертыми объятиями, он попросил в посольстве найти работу для себя и своего приятеля, и их обоих пристроили мыть посуду в большом отеле, им там нравится, хорошо кормят, их так и не интернировали.

Да, да.

Ультимативная безусловная сдача штука очень странная.

221

Люди мрачнеют, на дворе зима, война не окончена, все мрачны и довольно унылы, еще летом думали, что все закончится в этом году, но уже пятая зима началась, никто не верит, что все когда-нибудь закончится. Никто. Всех взбодрила только речь генерала Сматса против Франции, она всех оживила, он заявил, что Франция мертва, а поскольку Франция, как всегда, восстает из пепла, все очень оживились. Само собой, никто не поблагодарил генерала Сматса за его слова, я же благодарна, поскольку все приободрились, куда лучше, когда все бодры, чем наоборот. Решительно лучше.

Ультимативная безусловная сдача.

Европейцы обуреваемы идеей ультимативной безусловной сдачи, прежде никто в Европе о таком и не слыхивал, условия всегда были, должны быть условия, жизнь в Европе всегда строилась на условиях и слова «ультимативная безусловная сдача» новы, как джаз, автомобили или радио в пору их новизны, это новинка, а европейцы любят новое, это старая цивили-

зация, и она любит новое. Мне нравится напоминать им об этом и о генерале Гранте, которого из-за первых букв в имени, Улисс Симпсон, называли Удалой Солдат Грант или Ультимативная Сдача Грант. Мне нравится об этом напоминать французам, но они меня не слушают, им неинтересно, не интересен даже тот факт, что это американское изобретение, ультимативная безусловная сдача, они заморожены названием, находят его весьма оригинальным, но смысл его вряд ли доходит до них, это новый джаз, ультимативная безусловная сдача, и когда немцы говорят, что японцы не сдадутся и они не сдадутся, они, хоть и говорят, но сдадутся, и даже тогда ультимативная безусловная сдача ничего для французов не значит, это не настоящая война, война есть нечто другое, поражение, перемирие и условия, для них ультимативная безусловная сдача не имеет ничего общего с войной.

Столько беженцев, грубо говоря, все беженцы, почти каждый, и уж точно в каждом городе, местечке, деревушке и заброшенном уголке есть свои беженцы, много, Кюлоз небольшой городок, две тысячи жителей, и тем не менее, в нем хватает беженцев, из Эльзаса и Лотарингии, поляки и американцы, их несколько, помимо нас, каким-то образом работающие люди из Америки, и так в каждом городе, да еще французы, немало французов и бельгийцев, и других, много персов, об этом нам рассказал швейцарский консул, и каждый бе-

женец твердит, что ему не нравится климат, пейзаж, сама земля, на которой выращивают овощи, и комары не нравятся, а если сам беженец так не высказывается, его жена пожалуется наверняка. Для одних горный воздух слишком холоден и жесток, для других – теплый влажный климат, никакой прохлады, и неказистые, обнаженные скалистые горы все без сосен, много комарья, на самом-то деле прошедшим летом комаров не было, правда, это наше первое лето здесь, может, в иные годы комаров больше, берега Роны ведь заболочены, и кого ни возьми, все беженцы, остается загадкой, серьезной загадкой, как они все ухитряются жить, тратить деньги, выглядеть довольно сытыми, пристойно одеваться, загадка, да и только, и еще, конечно, много евреев, французов и беженцев других национальностей везде, даже в самом маленьком местечке, плюс молодые люди, не желающие отправляться в лагеря на принудительные работы, они меняют место жительства, боже, вокруг все беженцы, и как они ухитряются тратить деньги, прилично одеваться, хорошо питаться, как?

Никогда не знаешь, кто тебе поможет, это факт. Французы весьма осторожно распоряжаются деньгами, очень осторожно и скупно, и однако совершенно неожиданно могут прийти на помощь, и не те, от кого ожидаешь, а просто кто угодно. Например, наш случай. Когда война коснулась нас, стало трудно, очень трудно, и никто из наших прежних друзей не спросил

меня, нуждаемся ли мы в чем-нибудь, а дела приняли неприятный оборот, и, конечно, мы могли бы получить некоторую помощь от консула, но цены все росли и росли, и нам бы это не помогло, и было нехорошо, и даже хуже того, и однажды молодой человек по имени Поль Женен⁷⁸, владелец шелковой мануфактуры в Лионе, любитель литературы, чья семья купила дом поблизости, как-то спросил, у вас проблемы с деньгами, пока нет, ответила я, есть небольшой запас, но он заметно уменьшается, могу ли я вам помочь, спросил он, а как, спросила я, выпишите чек в долларах и посмотрим, что я с ним могу сделать, несколько позже он сказал, я все разузнал, думаю, что у вас могут быть неприятности, так что лучше так не делайте, я бы мог, но не стану, вот ваш чек, порвите и позвольте мне стать вашим банкиром, я запротестовала, а он сказал, почему бы и нет, каков ваш месячный бюджет, и я сказала, а он ответил, хорошо, я буду выдавать вам эту сумму ежемесячно, я спросила, вы хотите от меня какую-нибудь расписку, никакой, думаю, лучше не надо, но если я умру, например, у вас не останется доказательств, сказала я, да ну, сказал он, давайте рискнем, так он и поступил и полгода каждый месяц выдавал мне месячную сумму на проживание, а после мне

78 Поль Женен и его жена Елена были близко знакомы с Гертрудой Стайн с начала 1941 г. По свидетельству Елены, она и Стайн были в постоянном контакте до конца оккупации.

удалось потихоньку продать картину⁷⁹, которая у нас была, одному нашему гостю, и я рассчиталась с Полем Жененом, а он сказал: если понадобится моя помощь, просто скажите.

Жизнь тем и интересна.

Жизнь тем и интересна, люди, от которых естественно ждать помощи, помощи не предлагают, а те, у кого нет причин ее предлагать, предлагают. Никогда не знаешь, совсем никогда не знаешь, откуда придет твоя удача. Даже самый опытный человек никогда не угадает, никогда-никогда-никогда.

В то же самое время можно сказать, что секретная служба есть развлечение мирного времени, а не военного. Я сейчас читаю неплохой роман о секретной службе, там агенты секретной службы спасают британцам Гонконг. Все это, добывание сведений о новых видах оружия у врага, о тайных соглашениях и тому подобное, о других агентах, хорошо для мирного времени, но едва начинается война, от этого никакого толку, совершенно никакого, в мирное время это драма, в военное время мелодрама. Информация, полученная в какой-нибудь стране, пока попадет в нужные руки, уже не несет никакой пользы, да и вообще проку от нее немного, о секретной службе много говорят, ходят слухи, от них никуда не деться, но она, кажется, не очень действенна в воен-

79 «Портрет жены (мадам Сезанн) художника» работы Поля Сезанна (1878–1882, возможно, переработанный в 1886–1888).

ное время, не очень-то, а когда в стране бунтуют, как сейчас все, кто в оккупации, история совершенно иная, это уже не секретная служба, действующая в стане врага, а организация сопротивления, действующая внутри своей страны, и, конечно, когда ей сочувствует вся страна, послания ходят туда и обратно, а как же иначе, почему их не перехватывают чаще, никогда, совещания с участием важных лиц продолжаются, почему никто из этих важных лиц не убит, никто ничего толком не выясняет, а агентам секретной службы в войну остается только мелодрама, да еще их от случая к случаю убивают, нет, и впрямь это занятие для мирного времени. Одного из них мы прекрасно знаем, и он считается хорошим агентом, постоянно треплет себе нервы, беспрестанно меняет имя и документы, временами ужасно пугает нас таинственными посланиями, которые, возможно, касаются его, а возможно, и нас, но знает ли он что-нибудь, его часто приговаривают к смерти, но он еще жив и занят главным образом переменами имени, помню, в юности меня завораживало, что артист на сцене может замаскироваться париком, и ты знаешь, что артист тот же самый, но некто другой. Думается мне, сотрудники секретной службы занимаются тем же, меня имена, то Юбер, то Анри, то Шарль, и то же самое с фамилиями. Кого они могут обмануть, если остаются самими собой, но, похоже, обманывают, много вокруг чудного, но это, по-моему,

особенно чудно, что в имени его, для секретного агента в имени заключается все, если можно найти новое имя, а они, несомненно, всегда могут, оно совершенно сбивает власти с толку, я читала об этом и думала, что так происходит только в книгах, но нет, они так поступают, поступают так взаправду, и это вроде работает, несмотря на ужасное подозрение, что их, возможно, никто по-настоящему и не ищет, хотя, похоже, все-таки ищет, но они, по-видимому, меняют имена и фамилии, так или иначе, все это очень смешно, временами пугает немного, но вообще-то очень смешно. Нынешние времена настолько чудные, настолько средневековые, настолько бессмысленные, что впервые за сотню лет правда куда страннее вымысла. Любая правда.

Вот еще одна несуразность, как немцы, якобы сильная нация, могут бояться такой горстки людей, как евреи, почему, необъяснимо, очень странно и смехотворно, они, должно быть, боятся, потому что, как любит повторять Эдгар Уоллес, ненависть есть страх, и что евреи могут им сделать, да, что могут они сделать? Все очень смешно. И вчера был смешной день.

У чужаков всегда имеются дорожные документы, но им полагается в основном оставаться в своей коммуне, никто, я имею в виду французов, внимания на это особо не обращает, однако всем полагается более или менее оставаться в своих коммунах. Мы довольно привилегированные чужачки, можем впол-

не свободно передвигаться в пределах департамента, но для поездки в другие нам нужен специальный пропуск. Вчера был странный день.

228

Сегодня тоже странный день, мы ждали визита сына, а пришла мать. Она сказала, что сегодня многие женщины во Франции не помнят, что между 1918-м и 1939-м был мир, кажется, что была лишь война, война и никакого мира в промежутке. Ее сын родился в 1916 году, в тот день, когда он родился, ей пришлось лежать в постели, рискуя попасть под бомбежку, а новорожденного завернули во впитывающую пеленку и отнесли в подвал, где сидели те, кто мог самостоятельно двигаться, и теперь уже его сын, рожденный в 1940 году и живущий в Лионе, когда слышит соответствующий звук, говорит задумчиво, это бомба, и это и есть бомба. Сегодня странный день, а вчера был еще страннее. Я уже упоминала, что мы стараемся содержать документы в порядке. Куча народу бродит с фальшивыми документами, один наш друг, владелец автомашины, покупает их регулярно, если надо куда поехать, впрочем, создается впечатление, что их может раздобыть каждый, только попроси, но мы поступаем иначе, мы идем в жандармерию и получаем бумаги для поездки, нам всегда выдают разрешение, к нам очень хорошо относятся и всегда выдают, что мы просим, и нам очень приятно. Вчера мы собирались в Шамбери к дантисту, двинулись в путь, и все было как обычно. Те-

перь мне нравятся поезда, я прекрасно понимаю, почему французам не по душе автомобили, почему они заметно предпочитают поезда, в поездах гораздо больше приключений, особенно сейчас, когда люди толком не знают, когда поедут и куда, а когда выходишь из поезда, не знаешь, сможешь ли выйти со станции и отправиться домой, темные станции, переполненный поезд, все волнительно. Итак, вчера мы отправились в Шамбери.

229

Мне надо было купить банку джема.

Приходится покупать то, что не нужно, чтобы потом купить, что хочешь. Иными словами, если тебе нечего обменять, а многим из нас нечего. Конечно, крестьянин много чего может обменять, но если ты не крестьянин, меняться нечем. Как-то еще в Билиньине мы зимой хотели купить яйца, а никто не желал нам продавать, все хотели съесть яйца сами, что вполне естественно, и мадам Ру поинтересовалась, неужто мы ничего не найдем, не на обмен, а просто побудить фермера продать нам яйца, и наконец мы кое-что нашли, и это оказалась вода от мытья посуды. Мадам Ру относилась эту воду соседке, которая откармливала свинью, молока для откорма не хватало, и вода от мытья посуды была изрядным подспорьем, дело происходило в тяжелую пору, 1941–1942, в 1943-м стало полегче, ну вот, Элис Токлас сказала мадам Ру, мы не отдадим нашу воду просто так, пусть соседка нам за нее продает сколько-то яиц. Мадам Ру передала наше усло-

вие соседке, воду в обмен на возможность по-купать яйца, вода соседке была нужна, и мы покупали яйца, но, увы, она зарезала свинью на Рождество, как и все прочие, нужда в нашей воде для откорма свиньи отпала, с ней и наше право на покупку яиц, а другой идеи для бартера у нас не нашлось. Сейчас 1943 год, декабрь, и я не знаю почему, но, по-видимому, по ряду причин прокормиться стало легче. Во-первых, многие поезда с продовольствием застревают там, где это продовольствие и произвели, а во Франции его производится уйма, во-вторых, плохо обстоит дело с транспортом, немцы не понимают обстановку и потому у них нет грузовиков, а без грузовиков можно рассчитывать только на поезда, но их все время останавливают, немцы не могут вывозить продукты из Франции, продовольствие остается в стране, и все почитают делом чести разграбить запас, собранный властями предположительно для отправки в Германию, украденное продовольствие оказывается на черном рынке, и в результате все, по крайней мере в деревнях жалуются, что переедают мяса, масла, пшеничной муки, в больших городах картина, конечно, другая, проблемы с транспортом создают трудности снабжения, и однако даже в больших городах, как ни удивительно, продуктов больше, чем прежде, может, еще и потому, что война как будто скоро закончится, вот-вот наступит мир, и никто больше не запасается продуктами, а запасов везде ско-

пилось много, поскольку в последнее время во Франции немцев очень мало и кормить их не требуется, получился изрядный запас продовольствия, с 1940 года такого не было. Дела идут совсем не так, как ожидаешь.

Вернусь к поездам, все больше и больше нравятся мне путешествия на поездах, я понимаю, почему во Франции поезд предпочитают автомобилю, сильнее ощущаешь пульс жизни вокруг себя, а она в последнее время полна приключений, и нерегулярность регулярности очень увлекательна. Итак, мы собирались в Шамбери, прибыли на станцию, как обычно, загодя, и все наши документы, как обычно, были в полном порядке.

Когда мы прибыли на станцию, поезда еще не было, его еще не бывает, когда появляемся мы, и мы долго беседовали с нашим приятелем, жандармом, который помогает нам обжиться в Кюлозе, помог купить козу, помогал и в прочих делах, жандармы вообще помогают каждому, каждый день, часто позволяя людям скрыться. Наконец, поезд подошел и направлялся он в Шамбери, но наш вагон туда не направлялся, он ехал не в Шамбери, и внезапно пейзаж за окном стал неузнаваем, а я, естественно, беседовала с молодой женщиной, парикмахершей, о Париже и Лионе, о том, что однажды у нее будет салон в Париже, а сейчас она живет только в Лионе с подругой, мы беседовали, и тут я заметила: батюшки, не похоже на Шамбери, ну еще бы, он едет в Анне-

си, ну вот, сказали мы, и что же нам теперь делать, и все вокруг заговорили, начали давать советы, даже немецкий офицер, кажется, хотел что-то посоветовать, но никто не обращал на него внимания, обычно никто не обращает на них внимания, и они ведут себя в поезде крайне робко, нам советовали доехать до большого города, но мы решили, что нет, выйдем на первой же остановке, в конце концов, оттуда каких-то десять километров до Экс-ле-Бен, и в самом худшем случае мы доберемся пешком. Мы сошли с поезда, с собакой, поскольку, разумеется, Баскет всегда с нами, Баскет любит поезда, вначале они ему не нравились, но потом он усвоил, что там все им восхищаются, подкармливают, французы даже в нынешние дни нехватки хлеба и сахара не могут, видя собаку, не предложить ей и того и другого и, когда едят, всегда делятся, а в наши дни все пассажиры едят. Как в Америке во времена сухого закона, не знаешь, когда снова удастся, поэтому ешь, когда можешь, а сейчас, в декабре 1943 года, в преддверии Рождества, похоже, едят все время. Короче говоря, мы вышли на полустанке и обратились к начальнику за советом, и он сказал, что нам повезло, через два часа будет поезд в Экс, оттуда в восемь вечера на Кюлоз, а от поездки в Шамбери нам лучше отказаться, отложить ее, мы решили так и сделать и до того увлеклись беседой, что начальник станции не спросил у нас билетов, а мы так увлеклись беседой, что забыли

их ему отдать или заплатить, затем мы отправились в город, нам посоветовали небольшое кафе, где можно поесть, поели очень хорошо и недорого, в кафе были еще посетители и среди них два немецких офицера у барной стойки, один напоминал Хемингуэя, очень сильно походил на Хемингуэя в молодости, вероятно, не немец, а чех, например, нынче их много, и пил он, как Хемингуэй, бренди, затем водку, стакан шипучего белого вина, аперитив «Амер Пикон», опять стакан шипучего вина и все больше походил на Хемингуэя в молодые годы, а его напарник, ниже ростом и гораздо полнее, женатый, явный немец, ограничился бокалом вина, а когда пришло время платить, сумма оказалась изрядной, с ними был эльзасец-переводчик, помогавший им рассчитаться, и тот, что покрасивее, похожий на Хэма в молодости, уходя, на прощание протянул руку хозяйке, и хозяйка, конечно, не смогла отказаться, но вся покраснела, отодвинула дочку подальше от стойки, и когда они ушли, никто не сказал ни слова, но все всё понимали, обслуживать посетителя и брать деньги одно дело, но пожимать руки другое дело, и хозяйка понимала, что ее вины тут не было, но этого не должно было произойти, она это знала, как, впрочем, и все остальные.

Мы купили груш и вернулись на станцию, а там услышали, что хозяйка не француженка, а швейцарка, и поняли, что, хотя она ощущала себя так же, как и все, но не догадыва-

лась, поскольку не французенка, что такие вещи недопустимы.

Мы вернулись в Экс-ле-Бен, там была толпа немцев, какая-то тревога, но ничего не произошло, и, чтобы скоротать время и согреться, а было холодно, мы прошлись по магазинчикам, где знали владельцев, а в Экс мы знали многих, и купили косынки из настоящего шелка и пару шерстяных чулок, зашли и в чайную, где нам подали какао, и, что забавно, там был немецкий офицер, вылитый Геринг, хотя, конечно, настоящий Геринг не сидел бы там за какао с хлебом и джемом, как мы, такая вот сценка, а вскоре все магазины стали закрываться, и пришла пора отправляться на станцию и ждать два часа до прибытия нашего поезда.

В ожидании поезда я ходила взад-вперед по перрону, заходила в здание станции, Элис Токлас сидела на скамейке около кассы, поскольку зал ожидания был переполнен спящими людьми, поезда иногда приходится ждать весь день, а иногда можно всю ночь ждать в поезде, когда выпустят, потому что комендантский час не вызванивается⁸⁰, но он есть, что ни ночь, и очень часто приходится всю

80 В прежние времена ночные сторожа обходили свои районы и позвякиванием колокольчика объявляли обязательное гашение огней в домах: например, в США первые ночные сторожа появились в Бостоне в 1631 г. Постепенно обязанности ночных сторожей менялись, а затем были переданы полиции.

ночь до самого утра ждать, чтобы пойти домой. Как и в другие времена, комендантский час во Франции требует затемнить любой огонь, электрический свет, запрещена полуночная месса, хотя Рождество. Об этом не задумываешься, пока не понадобится ехать куда-нибудь, зимой выйти из дома некуда, поэтому сидишь дома. Итак, мы дожидались нашего поезда, я прогуливалась с собакой на станции, иногда заходила внутрь, много немецких офицеров, туда-сюда бегали санитарки, собака, я бродила и вдруг в темноте, в киоске, на полке увидела экземпляр «Автобиографии Элис Б. Токлас» на французском языке, страшно разволновалась, поспешила поделиться находкой с Элис Токлас, и кассир, приятный молодой человек, ответил мне по-английски «да, через десять минут», он решил, что я спрашиваю, когда прибудет поезд, я уже его спрашивала, и я опять подошла с ним поговорить, он спросил, эти господа, таким вот образом французы именуют немцев, эти господа не беспокоят вас, я ответила, нет, мы – женщины, уже давно миновавшие, когда к нам пристают, кроме того, я писатель, и потому французы обо мне заботятся, и о чем, с вашего позволения, вы пишете, спросил он, ой, так уж вышло, что одна из моих книг продается рядом в киоске, о чем я и сказала моей подруге, молоденькая кассирша спросила, а как называется книга, и я сказала, она тут же не откладывая схватила сумочку, накинула шарф, вышла, по-

бедоносно вернулась с книгой и спросила, вы мне подпишете, ну конечно, сказала я и спросила, как ее зовут, и подписала книгу, нам было очень приятно, а Элис Токлас сочла, что все это очень смешно, среди немцев, снующих туда-сюда. Во Франции все возможно, и потому страна такова, какая есть, ровно поэтому она такова, какая есть.

236

Сейчас мы опять собираемся в Шамбери, опять поезд опаздывает, идет дождь, но пассажиров разного сорта множество, мы, они и всякий иной. Французы любят путешествовать на поезде, но теперь все сложно, как в Америке в давние годы, сели, снежные лавины, бандиты на железных дорогах, забастовки, несчастья и всё на свете, я некогда пересекла весь континент во время пульмановской забастовки⁸¹, и нынешние путешествия очень похожи на то, в дороге все может случиться, никто ничего не ждет, и все ездят как обычно. Власти умоляют не покидать дом без нужды, но, конечно, нужда всегда есть, и почему не ездить, если поезда ходят, всегда есть необходимость куда-то поехать, вот и мы опять поехали в Шамбери, хотя шел дождь. Сын дантиста после побега из тюрьмы и скитаний по всей Италии вернулся домой и опять исчез, чтобы при-

81 Пульмановская забастовка – крупнейшая забастовка в США летом 1904 г. в знак протеста против увольнения рабочих чикагской компанией «Пульман пэлас кар» и сокращения заработной платы оставшимся. Забастовка была подавлена.

мкнуть к своим товарищам и стать партизаном, отправился в Лион по делам своих товарищей, схвачен немцами и снова заключен в тюрьму, его мать в отчаянии. Правда, он написал своей бабушке, что присылать продукты запрещено, но чистое белье пожалуйста, что она и сделала, и еще он сообщил, что он там вместе с товарищами, у них все нормально, единственное утешение, пишет он двусмысленно, такие люди обычно могут постоять за себя, и, возможно, он сбежит, хотя сейчас куда опаснее, чем было, его мать и отец волнуются несколько меньше, чем прежде, я так думаю, наступает крайний предел переживаний, после чего жизнь постепенно нормализуется, просто идет себе и идет. Я встретила другого парнишку, эльзасца, приехал сюда к матери, с ним тоже произошла история, сбежал с поезда, от него в конце концов отстали, сейчас ему только нельзя появляться в больших городах, но он, конечно, появляется, они всегда так, я спросила, как он ухитряется избегать неприятностей, а он ответил, терпением и сменой адреса, так, я думаю, и надо, если хочешь сбежать.

Везде опасно, все со всеми встречаются просто так, беседуют, рассказывают истории из своей жизни, рассказывают мне, а я рассказываю им, так и бывает, когда везде опасно.

Жизнь и смерть и смерть и жизнь.

Мне нравится слушать, как немцы по радио вещают по-английски. На днях была очень забавная передача.

Диктор сказал, и весьма серьезно, что англичане ужасные люди, и привел два примера их пристрастия к необычайной жестокости.

Во-первых, сказал он, как можно причислять к роду человеческому нацию, которая верит и практикует самую ужасную из всех доктрин, контроль рождаемости, убивает нерожденных младенцев, нет, нельзя, уверял он и далее привел другой факт, еще страшнее, у них есть Мальтус, их знаменитость, так он утверждает что чума, голод и войны должны истреблять людей, может ли, продолжал диктор, может ли страна, чьи ведущие ученые проповедуют такую доктрину, именоваться человеческой.

И в таком духе продолжают и он, и все остальные, радиостанции глушат одна другую, ничего невозможно разобрать, такие передачи среди всеобщей напасти не отнесешь к детским, скорее к мальчишеским. Странное дело, сегодняшний мир совсем не зрелый, у него умственное развитие семилетнего ребенка, где-то так. Боже мой.

Мир погряз в Средневековье дальше некуда.

Они просто люди, они просто люди они просто люди войны⁸².

82 Строчки из третьего куплета старинного церковного гимна «Внемли! Слушай трубачей» (*Hark! Listen to the Trumpeters*), легшие в основу песни времен Гражданской войны, популярной среди чернокожих солдат.

Я слышала эту песню в 1939 году, и сейчас, в январе 1944 года, они все еще просто люди, они все еще просто люди, они все еще просто люди войны.

И да и нет.

Я часто думаю, что истинное начало нынешнего погружения в Средневековье началось с отречения Эдварда, несомненной детали средневековой истории, и с тех пор мы погружаемся все глубже. Возможно, все это, отречение Эдварда, травля евреев и погружение каждого индивида в средневековый мрак, должно повторяться, пока не наступит другой, новый XIX век и новое погружение в Средневековье, кто знает, история повторяется, я часто думаю, это довольно утешительно, что история так поступает. Одна вещь ясна и неизбежна, история ничему не учит, она как бы твердит, пусть это будет вам уроком, но урок ли это? Отнюдь нет, и все потому, что обстоятельства каждый раз иные, и история повторяется, но только потому, что повторение для всех утешительно, все в него верят, никто, никто не хочет учиться, ни на своем опыте, ни на чужом, никто, утверждают, что учатся, но никто на самом деле не учится, никто. Да, никто не учится.

Очень странное дело, последние два года люди носили обувь на деревянной подошве, другой было не найти, а ныне той обуви не найти, но все носят кожаную, как прежде, ее нигде не достать, но все носят. Приятная

картина, очень приятная, к вящему моему удовольствию.

240 Я сегодня опросила несколько людей, как это произошло, и мне ответили, вполне естественно, сейчас Рождество 1943 года, все понимают, что неизбежно придет тот день, когда войне придет конец, кое-кто, правда, считает, что война продлится сотню лет и чего обращать на нее внимание, но почти все сейчас верят, что когда-нибудь конец наступит, как сказал один селянин, все, что имеет начало, имеет и конец, хотя к войне это, возможно, и не относится, но все, вместо того чтобы хранить кожаную обувь на будущее, носят ее сейчас, и кроме прочего, владельцы обувных магазинов, у которых большие запасы довоенной обуви, а во Франции всегда запасы, большие запасы всего, почему бы и нет, народ запасливый и себе на уме, выставили весь свой ассортимент на продажу по повышенной цене, пока цена не упала до нормы, и те, кто покупает, и те, кто носит то, что у них было, больше не нуждаются в деревянной обуви, не очень к тому же практичной, и отказались от нее, и теперь все носят кожу, как будто мода такая, хотя при нынешнем положении ее быть не должно.

Столько всякого происходит, сейчас жгут торф, судя по газетам, так делают в Ирландии, а здесь много болот и торфяников, и хотя от него запах и дым клубами, топить им неплохо, а поскольку оконные стекла в Гре-

нобле и Аннеси повывлетали от взрывов, окна заклеены газетами, я же говорю, мы будто первооткрыватели, вечно в дороге, все время направляемся то туда, то сюда в поисках пищи, в деревнях, конечно, еды в изобилии и наконец стало столько, что можно отказаться от покупки лишнего, чем все мы необыкновенно гордимся, до сих пор мы покупали все, что нам приносили.

241

Столько забавного, одна наша соседка, приятная пожилая женщина, живет неподалеку в замке вместе с мужем и пятью детьми, тремя дочерьми и двумя сыновьями, но это к делу не относится. Просто как раз теперь я пишу о них «Замки, в которых мы живем»⁸³. Одна из ее дочерей, Клод, рожала в Шамбери, она позвонила и сообщила, что родила, мать собралась немедленно к ней, но муж предупредил, что сегодня в Шамбери поезда нет, а она сказала, что из Руфье идет автобус, Руфье в десяти километрах, и она пошла туда пешком, но вскоре поняла, что и к автобусу не успеет, тогда она остановила проезжавшего велосипедиста, поведала ему о своей дочери, но ведь вы не успеете к автобусу, сказал он, знаю, ответила она, и велосипедист предложил, давайте я отвезу вас на велосипеде, но я сзади не умещусь, сказала она, я посажу вас на руль, сказал он, так и поступил, она успела к автобусу в Шамбери и увидела внучку.

83 Позже этот текст стал пьесой «Три сестры, которые не сёстры» (*Three Sisters Who Are Not Sisters*).

Если люди говорят, будто верят во что-то, они правда верят, а если говорят, что сделают, правда сделают? Так происходит каждый день. Очень скоро не станет никакой войны, и на что это будет похоже?

Очень скоро.

242 Временами меня интересует, почему английская королевская семья допустила, что все возможные наследники трона именуется Георгам, конечно, как сказал Шекспир, что в имени? как розу ни зови, в ней аромат останется все тот же⁸⁴, но так ли? Нет, не так. Взгляните на имя Георг. Каждый раз, когда на троне восседает Георг, случаются неприятности, крупные неприятности. Первые два Георга постепенно утратили славу, которую принесли Англии Анна и Мальборо после Вильгельма и Марии, потом появился Георг III со всеми несчастьями, он же потерял колонии и сошел с ума, следом Георг IV и первая мировая война с Наполеоном, некоторое время Георгов не было, правила Виктория, за ней Эдвард⁸⁵, Эдвард бы не допустил мировой войны, ну а потом Георг V, человек-то приятный, но случились бедствия мировой войны, началась бы мировая война, останься королем Эдвард? но он не остался, нет, пришел Георг, бум! опять разразилась мировая война с неисчислимыми горестями, и хватит ли теперь королевской семье опрометчи-

84 Уильям Шекспир, «Ромео и Джульетта», действие второе, сцена 2, пер. Д. Л. Михаловского.

85 Эдвард VII, отец Георга V, умер в 1910 г.

вости и в следующий раз назвать наследника Георгом? Лучше не надо, честное слово, лучше не надо. Все-таки в имени что-то кроется.

Сегодня, как обычно, я шла свои двенадцать километров за хлебом, не очень черным, и пирогами, очень, очень вкусными, и по дороге встретила женщину с тачкой, которая то толкала ее, то тащила, а временами оставалась, подбирая сучья, я поздоровалась и сказала, да, большой у вас получится огонь. Да, ответила она, в одном мешке у меня уголь, подобрала около железной дороги, а в другом обрывки бумаги на растопку, а сейчас вот сучья собираю. Я не здешняя, сказала она, красивая статная женщина, я не здешняя, приехала с севера, как подумаю о моей прекрасной родине, где цветут розы, но нас с сыном ни с того ни с сего выселили, немцы выселили нас, живут теперь в моем доме с моей мебелью, у меня ничего не осталось, а сейчас я здесь, в этом дрянном краю среди несчастных людей, которые ничего мне не дадут, даже за деньги, я живу только надеждой, что когда-нибудь вскоре на них свалятся бомбы, бомбы, сказала она, и я рассмеялась, а она сказала, моя милая дама, да, именно это я и имела в виду, и мы расстались и разошлись искать провизию на день.

И молодежь странная нынче. Все странное. Я беседовала с главой местного банка, его дочь изучает социологию в Гренобле, банкиры по натуре очень тихи и консервативны, я спросила, в Гренобле сейчас бесконечные взры-

вы, убийства, союзники бомбят, вы, вероятно, оставили дочь дома? Ничего подобного, ответил он, молодежь так войну не воспринимает, они говорят, это их война, мы не понимаем, их профессоров могут убить как заложников, их товарищи замешаны в военных действиях, их окна выбиты и прочее, но, в конце концов, это их война, оставьте нас в покое, это наша война, и отец добавил: ничего не остается, только оставить их в покое, видимо, это их война.

Один день похож на другой, и однако все дни различны. Девушки вырастают выше, выше, чем прежде были, а юноши не растут, думаю, этому есть физические причины, я так думаю, должны быть.

Многих волнует, что молодежь вернется из Германии постаревшей, заметно постаревшей, это беспокоит многих.

И каждый вечер по радио передают пропаганду, и одно можно сказать наверняка, похоже, никто никого не любит. Любите ли вы друг друга? – вопрос больше не правомерен. Никто не в состоянии, необычайно, необычайно трудно сейчас полюбить своего соседа, любого соседа, ни здесь, ни там, нигде, совершенно явно любить друг друга отнюдь не естественно. Нынешнее Рождество и Новый год, 1943–1944-й, наглядно продемонстрировали, что люди не любят друг друга, не любят, не любят совершенно, совершенно никто не любит никого, я имею в виду соседа, почти никто.

Так уж оно теперь сложилось, последняя зима оказалась чересчур, все это понимают, все, прошлой зимой было еще ничего, еще шутили, что война скоро закончится, и когда у одного спросили, с чего он взял, он ответил, я вам точно говорю, потому что моя жена сыта по горло, более чем по горло. Но вот еще одна зима, и никто больше не шутит, еще одна зима уже чересчур.

245

Я вышла погулять сегодня пополудни, в первую неделю нового, 1944 года, на берегу Роны гулял холодный ветер, на мне было два слоя шерстяной одежды, один так себе, другой очень теплый, и еще слой хорошего льна, очень плотного, и тем не менее ветер пронизывал насквозь, особенно руки, ниже нуля даже не опускалось, плюс один градус по Цельсию, каково же было немецким солдатам, их тут немного, молоденькие, охраняют железнодорожные пути, в Белле молодежь тренировали, почти всех отправили предположительно в Россию, а они мерзли и в Белле, где не так холодно, одна молодежь, многие совсем не немцы, их учили ездить на танках, работающих на древесном угле, передвигаться пешком, поскольку у немецкой армии не осталось автомобилей, никаких, кроме тех, что на железнодорожных вагонах-платформах, и все-таки война продолжается, что ж, как говорят деревенские, всякое начало имеет и конец, а мадам Галлэ, та, что понемногу снабжает нас съестными деликатесами, как-то их раздобывает

и очень легко к этому относится, что с ее стороны мило, почти всю жизнь прожила в Париже, ей нравится быть парижанкой, она парижанка и есть, и она говорит, надо учиться всему, даже смерти, молодые так и чувствуют, они чувствуют, что пожилые не понимают и не могут научиться умирать в этой войне, а они, молодые, научились.

246

Гуляя по берегу Роны на холодном ветру, я заметила огромные стаи ворон и диких уток, в наши дни их развелось уйма, и не удивительно, три года никто на них не охотился, но с другой стороны, у них же нет корма, люди тщательнее собирают урожай, птицам ничего не остается, и чем же им питаться, а ведь их многие тысячи, гораздо больше, чем прежде, и они жирнее, чем прежде, этому должно быть объяснение, но есть ли?

Нынче снятся странные сны. Приснилась Натали Барни⁸⁶. Приснилось, будто она всегда оставляла цветы из парижской квартиры в цветочном магазине, чтобы их поливали летом, пока ее нет, а потом возвращалась за ними зимой, а теперь забирает ли она их, остался ли цветочный магазин, и ее квартира, и она сама? Не знаю, поступала ли она так со свои-

86 Натали Клиффорд Барни (Natalie Clifford Barney, 1876–1972) – французская писательница американского происхождения, 60 лет держала салон на улице Жакоб, 20, в Париже, куда приходили писатели, поэты и композиторы разных поколений и творческих направлений.

ми цветами, были ли у нее цветы, но так мне приснилось.

Она сейчас во Флоренции, на дворе январь 1944 года, и все, ну, не совсем все, но многие полагают, что поскольку война не закончилась в 1943 году, она никогда не закончится, и, возможно, они правы, но как бы там ни было, многие ныне думают так.

Каждый, почти каждый нынче волочет, толкает или несет что-нибудь, мне легче нести, чем толкать или волочь, хотя временами я складываю то, что несу, на то, что они толкают, и мы толкаем вместе, но в основном несу, не очень много, три, четыре, пять килограмм, но на расстоянии в двенадцать километров это серьезный вес.

На днях беседовала с булочником, он печет для нас пироги, да, печет, мы любим пироги, и он выпекает для меня белый хлеб и снабжает нас джемом, да, помогает, многие сейчас помогают, помогает и он. Мы разговорились. Он рассказал, что прочел книгу о венгерской кухне. Сказал, что он сравнительно молод, ему лет сорок пять, а в молодые годы он, как и все, начинал с ученичества, был подмастерьем в очень хорошей кондитерской пекарне в Лионе, затем перебрался в Париж, поработал во всех известных ресторанах, во всех самых знаменитых кофейнях и кондитерских городах, уехал на Лазурный берег, и, приобретя большой опыт, купил себе небольшую пекарню в этом уединенном уголке и, возможно,

останется здесь и после войны, в конце концов, сказал он, с таким опытом ему следует помнить многое из того, чему научился от других, но и свой секрет у него должен быть, и поэтому люди все равно будут приходить, хоть пекарня у него и небольшая. Пока, говорит он, я могу печь лишь кое-что всего для пятнадцати клиентов, и вы одна из них, но подождите, добавил он, война закончится, и вы увидите, вы увидите, все будет очень хорошо.

Затем мы переключились на климат и на то, что едят и пьют разные народы. Да, сказал он, я понимаю, здесь, во Франции, мы редко производим вино крепостью выше девяти градусов, его можно пить за едой и даже водой разбавлять, многие так и поступают, мы запиваем еду приятным вином, но у венгров вино крепкое, они запивают еду водой, а крепкое вино пьют после еды. Так же поступают испанцы и португальцы, заметила я, все зависит от климата. А вот русские и американцы, сказала я, у которых климат примерно одинаковый, пьют крепкие спиртные напитки перед едой, водку или коктейли, а во время обеда горячие напитки, чай, кофе, какао, да, сказал он, понимаю, желудок нужно взбодрить, а потом поддерживать в нем тепло, не понимаю я только немецкую пищу и немецкие напитки, то есть пиво, а, тут вот в чем дело, ответила я, оба народа, англичане и немцы, страдают от морских туманов Северного моря, и, возможно, в таком климате пригодны лишь пиво и их диета, воз-

можно, согласился он, еда других народов мне симпатична, кроме этой, и он вздохнул, говорят о Соединенных Штатах Европы, но такого никогда не произойдет, до того разные кухни, что у них Соединенные Штаты никогда не получатся, сказал он. Иногда мне, правда, кажется, что все славяне могут объединиться, и все романские страны, и может выйти неплохо, если правительство у нас будет приличное, но и тогда, сказал он, маловероятно, нет, пока в каждой стране едят и пьют свое, Соединенные Штаты Европы никогда не появятся. Странно, продолжал он, очень странно, что в Европе, на таком маленьком континенте, столько разных климатов и столько разных напитков и еды. Странно, заключил он, а я забрала два своих вкусных пирога, две буханки хлеба, забросила в корзинку на спине и вместе с Баскетом, как обычно в зимнюю вечернюю пору, отправилась домой.

И по-прежнему январь 1944-го.

Кого ни спросишь, все едут в Париж, сменить обстановку. Вроде и поездов нет, но все как-то ухитряются ими путешествовать. Мы живем поездами, гораздо больше ныне, когда поездов нет. В прежние автомобильные дни я и представить себе не могла, что буду клацать калиткой или ходить через пути, как люди, которых я часто видела из автомобиля, а теперь и сама так поступаю то и дело, с корзинкой за плечами, и мне нравится, почему бы и нет.

Существуют вроде махонькие вещи, маленькие, как дюйм на конце носа, я говорю о табаке. Я не курю, но Элис Токлас курит, она не может без курения, ей нужно, а если нет, ну, короче говоря, ей нужно, и все. Когда появились карточки, карточки на табак, их давали только мужчинам, правительство не поддерживало женское курение, и что же делать, я договорилась с табачником, поскольку никто не спрашивал пол, будем просто ставить инициалы на карточках, и кто станет проверять, и так продолжалось целый год, иногда выручали знакомые, и Элис Токлас не так уж и страдала от нехватки табака, но на следующий год ввели обычные именные карточки, инициалы не спасали, что нам оставалось делать, что она могла поделаться, мы пытались так и эдак, но этого было недостаточно. Элис Токлас с огромным трудом переносила отсутствие сигарет, почему восемнадцатилетние мальчишки имели право на шоколад и сигареты, это же несправедливо, они либо слишком юные, чтобы курить, либо чересчур взрослые, чтобы есть шоколад, нелогично, но мы как иностранцы не имели права протестовать, так или иначе, нам удавалось раздобывать время от времени сигареты, друзья привозили из Швейцарии, в те времена можно было съездить туда и вернуться, но этого не хватало, совсем не хватало, а потом один наш приятель познакомился с сержантом французской армии, тот продавал табачный паек,

свой и других солдат, и вскоре у Элис Токлас было достаточно курева, затем мы вторглись в Северную Африку, французскую армию распустили, сержант исчез, был тяжкий период, а потом появилась итальянская армия, откуда у итальянской армии столько сигарет, не имею представления, у немцев нет, что загадочно, но, так или иначе, у итальянцев было невиданное количество очень приятных маленьких сигарет, итальянцы охотно их продавали, все покупали, и курильщики вновь стали счастливы. А затем внезапно бедолагам-итальянцам пришлось нас покинуть, и хотя у всех были какие-то запасы курева, все равно было недостаточно и что-то надо было делать. У нас тут всегда рос табак, климат тому способствовал, хотя трудно поверить, гористая местность, холодная зима и не такое уж жаркое лето, однако климат для табака подходил, и все стали выращивать его у себя в огороде, у некоторых получался очень хороший табак для сигарет, они готовы были продать нам несколько фунтов, а я научилась делать самокрутки маленькой машинкой, какие купили все, и по необъяснимой причине недостатка в папиросной бумаге не было, все загадочно в этой войне, обыкновенной бумаги нет, но хватает папиросной, и Элис Токлас снова счастлива. Так происходит тут, а в других районах Франции, где табак не растет, люди не так счастливы.

Одна женщина только что рассказала мне историю своего внучатого племянника.

Племянника отослали на работы в Германию, он был юн, еще рос, не очень здоров, и его отослали домой выздоравливать, а потом заявили, что он выздоровел и пускай вернется на работу, мать, отец, бабушка и двоюродная бабушка, да и он сам понимали, что так не годится, и он уехал к бабушке, где и жил, до поры до времени, всегда до поры до времени, его не трогали, никто не разыскивал и никто не донес, и хотя он был еще юн, стал курить, карточки, естественно, у него не было, он ведь прятался, поэтому двоюродная бабка, жившая в том регионе, где выращивали табак, пыталась слать его внучатому племяннику, но ей не удавалось, если и посылала, он не получал, так у него и не было табака. Это лишение, сказала его двоюродная бабка, хотя, добавила она, в свете всего остального не такое уж существенное, но все-таки лишение.

Сегодня я беседовала с женой мэра, урожденной швейцаркой, а дед ее чистокровный швейцарец. В войну все только и говорят о Швейцарии, в мирное время это просто страна Швейцария, но в военное время она единственная страна, в которой все уверены, абсолютно все. Швейцарцы хороши во время войны, хороши для своего народа и в мирное время, но в войну Швейцария служит всем, потому что швейцарцы ко всему относятся серьезно и спокойно, всякое событие для них одинаково важно и все необходимое выполняется. Поэтому Швейцария особенно важна, когда в ней

нуждаются, а во время войны в ней нуждается каждый.

Жена мэра, напомним, швейцарка, рассказала мне о своем деде и показала его фотографию, и он на вид истинный швейцарец, ну, как Вильгельм Телль. Еще она говорила о натурализованных гражданах и что они, к сожалению, часто оказываются предателями. Это неизбежно, по ее словам, дед ее считал натурализацию глупостью, к примеру, говорил он, савояр остается савояром, как его ни натурализуй. В его время савояры были как нынешние немцы. Я думаю, он прав и натурализация чистейшей воды глупость. Тот, кто не рожден в стране, кроме тех, кто в силу обстоятельств родился за границей, но от родителей из страны, тот, кто не родился в стране, по-настоящему ее не чувствует. Пусть они получают все привилегии проживания и работы в стране, но не становятся ее гражданами. Гражданство определяется правом рождения и таким должно оставаться. Старый швейцарец прав, несомненно прав. Я прожила во Франции большую и лучшую часть своей жизни, люблю Францию и французов, но я американка, и в конечном счете все сводится к тому, что я там родилась, родина есть родина, от этого никуда не деться, и лишь рожденные в стране сыновья и дочери должны быть ее гражданами, и точка. Старый швейцарец был несомненно прав тогда, прав и в наши дни. Так лучше для страны. Определенно.

Январь 1944 года, никто не верит в скорое окончание войны. Все надеялись в 1943-м, в 1944-м дела пошли лучше, но меньше надежды, что все однажды закончится, гораздо меньше.

Необъяснимые вещи происходят.

254 Если президент Соединенных Штатов должен быть рожден в Америке, абсолютно логично, что и те, кто его выбирает, должны быть рождены в Америке, простая логика.

Владельца местной аптеки считают коллаборационистом, то есть тем, кто сотрудничает с немцами, здесь их было не так уж мало, теперь все меньше, но еще есть, и он один из них. Один немец хорошо о них сказал. Больше года назад, в начале 1942-го, он в Париже разговаривал с группой французов, которые обратились к нему с просьбой об охране французских произведений искусства, и он тогда сказал, французы приятные люди, мне они нравятся, но они не обладают тремя необходимыми качествами, только двумя. Они или честны и умны, или умны и сотрудничают, или честны и сотрудничают, но я никогда не встречал такого, что был бы честным, умным и сотрудничал, все рассмеялись, но это правда, не бывает так, чтобы честный, умный и сотрудничал. Вот и владелец аптеки был человеком честным, коллаборационистом, но не умным. Он уже получил гроб и другие знаки внимания, а на днях к нему домой с обыском заявили немцы. Он, ко-

нечно, ужасно расстроился. По всей видимости, кто-то, чтобы его подразнить, анонимно сообщил германским властям, какую взрывчатку аптекарь хранит у себя дома. Полиция всегда проверяет такие доносы и не знакома с местной политической атмосферой, поэтому пришла с проверкой и к аптекарю. Бедняга отправился с жалобой в местную жандармерию, те, конечно, растрезвонили, и всех обуял смех, все сочли шутку чрезвычайно забавной, разыграли всех.

255

У нас тут какой-то сплошной Робин Гуд. Молодые люди спустились с гор и изъяли две тонны масла с маслобойни, а на днях к всеобщей радости местного населения отобрали свинью весом в сто пятьдесят килограмм, было две маленькие, велели их откормить, тогда они заберут одну, а другую оставят, свинью отобрали у местного обедневшего аристократа, которого раньше поставили во главе местного комитета по распределению продуктов, аристократ этот крайне непопулярен из-за своих политических убеждений и потому что продукты он распределял только среди своих единомышленников, отобрали у него и автомобиль, посоветовали ходить в церковь пешком, как и весь остальной мир, а поскольку у него не осталось продуктов и распределять нечего, автомобиль ему не нужен, забрали и запасы водки, восемьсот литров, и все говорят, что раз они всегда платят за продукты по государственной цене, ни у кого нет причин для жалоб. Все в востор-

ге, люди с гор молоды, веселы, дисциплинированы, у них есть деньги, предположительно, английское и американское золото, население довольно, естественно, помешать молодым людям никто не может, все считают это признаком начала конца, конечно, за исключением коллаборационистов, те твердят, что эти люди бандиты и что же будет после войны? Хотя говорят, что война затянется навечно, на самом деле думают, что конец близок, и он близок в конце января 1944 года.

Все немного странствуют, интересно знать, сколько они путешествовали в прежние времена.

Я разговаривала с двумя молодыми рабочими, они шли за продуктами километров за двадцать, я за двенадцать, они шагали быстро, я за ними попевала, и они рассказали мне свою историю и историю своей семьи, точнее, один рассказал, второй просто шел рядом.

Он жил один, сам себе готовил еду. Сказал, что хороший повар, даже работал в ресторане, служил в армии, в Алжире, и получил отпуск, чтобы навестить семью во Франции, но в тот день, когда ему предстояло вернуться, в Африке высадились американцы, поэтому он здесь один-одинешенек. Его отец, правда, родился в Италии, в Бергамо, и приехал во Францию на заработки, затем перевез и семью, парню в то время было шесть лет, он тоже родился в Италии. Во время военной службы он видел замечательный кафедральный со-

бор Альби⁸⁷, знал, что собор прекрасен, хотя внутри не побывал, а теперь он одинок. У тебя есть сестры, братья? Я не знаю, где мои братья, а сестра замужем и живет в Италии, замужем за итальянцем, спросила я, нет, ответил он, за американцем, из Южной Америки, поинтересовалась я, не знаю, ответил он, ничего не слышал о ней с тех пор, как умерла мать, я один, не женат, спросила я, нет, сказал он, мне только двадцать восемь, а до тридцати не следует жениться, двоюродный брат моего отца разбогател в Америке, где, спросила я, этого я не знаю, ответил он, а потом мы распрощались и расстались.

Рабочий люд всегда мигрирует, как и в Средние века, они бродят по свету, пока не женятся, а кое-кто скитается и после женитьбы. В ту войну у нас служил негр, раненый солдат по имени Ганнибал, так он считал себя большим путешественником, поскольку скитался по всему острову Стэтен-Айленд, здесь же, в Европе, путешествуют по всему континенту и часто, довольно часто заканчивают жизнь в одиночестве. А сейчас, во время войны, все столько скитаются, что как будто на самом деле никуда не движутся, совсем.

Недавно по дороге разговорилась с одной женщиной, у нас обеих были корзины за плечами, надеялись принести домой что-нибудь,

87 Имеется в виду готический кафедральный собор Святой Цецилии в городке Альби, недалеко от Тулузы.

и она рассказала, что у нее два брата и отец, все трое сбежали из тюрьмы, перед отправкой в Германию, она сказала, что одни семьи ужасно страдают, а другие нет, и так угодно судьбе. У нее самой пятеро детей, четыре дочери. Мы сошлись во мнении, что в этой стране так часто бывает. А потом мы коснулись странного обстоятельства, среди относительно немногих французов, убитых в эту войну, большую часть составляют сыновья вдов, чьи мужья убиты в прошлую войну. Почему, поинтересовалась я. Ну, сказала она, вероятно, потому, что они отправились на войну с тяжелым сердцем в отличие от тех, чьи отцы в прошлую войну выжили. Может быть. А может, продолжала она, поскольку их воспитывали вдовы, дети вырастали избалованнее и не такими бойкими, как при отце и матери. Естественно, сказала она, мать не может по-настоящему командовать сыном, мать неизбежно балует детей, она с ними все время и не может постоянно говорить нет, а в результате вообще ни в чем им не отказывает. И кроме того, если мать потеряла мужа на войне, ее слезы производят на маленького сына огромное впечатление, и он нервничает, отправляясь на войну. Действительно, очень большой процент относительно немногих убитых французов составляют сыновья вдов, потерявших мужей на последней войне.

Сегодня вечером к нам заехал Франсис Малербе, которого отправили в Германию на ра-

боты, он вернулся, очень интересно, январь 1944-го. Он возвращался домой через Париж, а там все толкуют, что двадцатого января ожидается высадка. Конечно, все предполагают, что она произойдет во Франции, и в то же самое время до нас дошли слухи от человека, который всегда осведомлен, чего ожидают немцы, что высадка случится между шестнадцатым и двадцатым января сорок четвертого, а он всегда знает, что знают они, поэтому мы изрядно разволновались, и высадка произошла, только не во Франции, а в Италии. Хорошо пущенная дезинформация, не надо забывать, люди ведь знают, что произойдет, но до сих пор американцам неплохо удавалось, из двух источников мы знали, что произойдет, точную дату и все такое, но не место. Мы довольны нашими соотечественниками, хорошая партия в покер. Просто очень хорошо, и мы рады, пусть и дальше хорошо играют в покер. Нам это по душе.

259

Однако это не все, что нам поведал Франсис Малербе. Он рассказал, каково сейчас в Германии и каково французам, высланным туда на принудительные работы. Очень наглядно описал, сказал, что там, конечно, проблемы с питанием, нет жира, овощи всегда варят в воде, немецкие рабочие получают жир, а французские нет, я спросила, там что, нет черного рынка, нельзя что-нибудь раздобыть, есть, сказал он, и полно всего, но только среди иностранцев, не у немцев, где же и как иностранцы добывают продукты, спросила я, крадут, от-

ветил он, кто может сколько-нибудь украсть, потом продает или меняется с другими, вот и весь черный рынок, но, рассмеялся Франсис Малербе, он не мал, мы спросили, каково настроение немцев, все еще убеждены в победе, особенно молодежь, почему бы и нет, мир сотворен для молодых, пятнадцатилетние мальчишки заставляют пожилых уступать им место в трамвае, естественно, они уверены в победе, если занимаешь такую позицию в пятнадцать лет, конечно, выиграешь. В самом деле, спросили мы, в самом деле, ответил он, они вполне могут продержаться полгода, наверняка. Я был у немцев, так сказать, доверенным лицом, разбирал ссоры и улаживал конфликты между рабочими, французами и немцами, и за это мне дали отпуск и разрешили свидание с братом. Мой брат четыре года был военнопленным, и за все это время я его, конечно, не видел, а тут повидался. Его привели двое солдат, наставили на него винтовки с примкнутыми штыками, я расстроился, заплакал, но он сурово сказал мне, держи себя в руках, не выказывай чувств, мы сидели за столом, говорили, сравнивали семейные фотографии, которые были у меня и у него, а надзиратель, который сидел с нами, внезапно сказал моему брату, он передал тебе фотографии, да как вы смеете, сказал мой брат, меня обвинять, извинитесь, я настаиваю, чтобы вы извинились, и надзиратель сказал, ладно, все в порядке, нет, сказал мой брат, посмотри-

те на фотографии, пересчитайте и извинитесь, и ему пришлось извиниться. Я гордился своим братом. Эта история тронула нас, она была такой реальной, такой естественной, как у Дюма, и тем не менее, так произошло, произошло с молодым человеком, которого мы прекрасно знали и любили, затем Малербе продолжил свой рассказ, описал разные народы, с которыми работал, и получилось очень живо, он сказал, что интереснее всех русские, французы, сказал он, уживались с русскими гораздо лучше, чем с прочими, исключая других французов, и они поражают храбростью, стойкостью воли и тем, как они запросто говорили, мы, естественно, надеемся оккупировать эту страну, и когда оккупируем, а так и произойдет, мало им не покажется. Он все говорил и говорил, а затем ему пришлось уехать, ему надлежало вернуться, а вернуться надо было, потому что его два брата, оба офицеры, заключенные, и если он не вернется, с ними могло произойти что угодно, поэтому он вернется. Мы надеемся, он вернется и к нам, он нам очень, очень нравится. Такой приятный сосед.

261

В эти дни все получают весточки от сыновей и племянников, работающих в Германии, один парень был невелик ростом и слаб здоровьем, его нельзя было отправлять на работы, но отправили, отец его служил на корабле, а потом работал электриком в авторемонтной мастерской, мы его любили, а когда французы потерпели поражение, отец не мог

этому поверить и умер от шока, не смог пере-нести, а его единственный сын пишет матери, дорогая мама, я голоден, никогда прежде не голодал, а теперь всегда голоден, так голоден. Племянник другого нашего знакомого, интеллигентного инженера-конструктора, пишет, что живет в столице, над ним тоскливое небо, холодное тоскливое небо, он немножко играет на скрипке и рисует, надеется на лучшее, хоть и не очень, поскольку многие из его соотечественников погибли под бомбежками, и так каждый день, каждый день похож на предыдущий.

Вчера я, как обычно, отправилась в свой двенадцатикилометровый поход за хлебом и пирогами, а по дороге встретила повозку, запряженную мулом, в которой сидели трое или четверо, и они пригласили меня к себе, а выдержит ли мул, спросила я, еще одного человека, почему нет, ответили они, и я села, и мне было очень удобно. Баскет, белый пудель, ужасно огорчился, но в конце концов решил последовать за нами, так и трусил рядом, день выдался приятный, хотя стоял январь, и я сказала, вы, французы, умеете из всего извлекать радость, зато мы не так богаты, как американцы, да, подтвердила я, однако вы делаете то, что делаете, до девяноста лет или до ста и жалуетесь, но каждый день довольно приятен, что случается не во всякой стране, а они ответили, что, возможно, и так, но им бы хотелось быть богатыми, как американцы, мы

забрались на вершину холма, я пошла за хлебом и пирогами, а они поехали за мукой, приятный день вышел.

Молодежь, приезжающая в отпуск из Германии, недоумевают, как любой француз, по поводу одного обстоятельства, почему немцы столь сентиментальны, будучи теми, кто они есть, почему они сентиментальны. Ни один француз не в состоянии понять.

263

Вчера на прогулке встретила случайного знакомого, из местных, вообще говоря, он и его семья родственники наших очень старых друзей, у них тут есть дом, где они отдыхали всего несколько летних недель в году, а в сложившейся обстановке перебрались сюда насовсем. Отец крупный, веселого нрава человек, известный в городе, владеет недвижимостью, успешный бизнесмен, все время проводил здесь, в других местах и на Лазурном берегу. Жена из Вашингтона, отец жены служит во французском посольстве, довольно занятный человек, говорит, конечно, теперь мы живем здесь, зимой в деревне хорошо, я раньше не знал, но тут хорошо, мягкий свет, как на английских пастелях, и любая еда есть, не правда ли, и я согласилась, что действительно всего в достатке, и масло, и яйца, и мясо, и пироги, сыр, мне пришлось согласиться, что у нас всё есть. Но почему именно сейчас, хотя год назад ничего не было, никто не в состоянии объяснить, но у нас всё есть, то ли потому, что численность оккупацион-

ных войск непрерывно сокращается, то ли все знают, что становится лучше и лучше, как бы там ни было, это несомненно верно, и так повсюду во Франции, и никто толком не знает почему. На днях я встретила месье Лябади, он увидел Баскета и подождал нас, сам он был на велосипеде, а я на своих двоих, и мы остановились поболтать. Мне показалось, у него необычная одежда, я подошла ближе и сказала, какая необычная одежда, откуда она. А, сказал он, никогда не догадаетесь, гляньте на пуговицы, я взглянула и увидела большие пуговицы американской армии с орлом и щитом, красивые бронзовые пуговицы на шинели цвета хаки, и я спросила, где, во имя всего святого, вы это раздобыли? А, сказал он, купил после той войны при распродаже американских запасов и хранил здесь, в деревне, а теперь она очень пригодилась, мимо прошел немецкий патруль, но месье Лябади и бровью не повел, знаете, сказал он, все хотят откупить у меня пуговицы, посмотрите, сказал он и их пересчитал, двенадцать штук, целое состояние, вот и сегодня мне предложили сорок франков за одну, но нет, оставлю себе, буду носить. Мы продолжили разговор, и я спросила: вашему парню двадцать один, он уехал, боже упаси, ответил месье Лябади, он у меня путешествует, так и надо, либо спрятаться в каком-нибудь укромном месте и сидеть тихонько, и никто вас не тронет, либо все время перемещаться, парень в разъездах, с моим биз-

несом дел много, я посылаю сына их улаживать, а коли все время путешествуешь по делам, все документы должны быть в порядке, и они, конечно, в порядке, так что его никто не трогает, так и надо, сказал он, и прав, так и надо поступать. Мы продолжали разговор. Поговорили о войне, а как же иначе, раз идет война. Он сказал, что немцы не могут победить, и это вполне естественно, страна у них бедная, они ничего не понимают в еде истряпне, а люди, не разбирающиеся в еде, победить не могут. Кажется, задумчиво прибавил он, что Францию всегда побеждают, но на самом деле страна, которая всегда все видит, может закрыть один глаз, а потом закрыть второй, открыв первый, такая страна наверняка выберется из любой передрыги, видите ли, продолжал размышлять он, каждый должен позаботиться о себе, быть смелым и энергичным и одновременно не упускать из виду свой бизнес, не обеднеть. Война, сказал он, неизбежно связана с деньгами, и когда двое хотят заполучить одни и те же деньги или больше денег, приходится сражаться, а в наше время, когда все хотят потратить много денег, все хотят автомобиль, и электричество в доме, и многое другое, ну, естественно, чем больше денег люди хотят потратить, тем больше людей будет убито на войне. Тот, кто тратит мало денег, тот на войне и убивает меньше, а кто хочет тратить больше, должен больше убивать, отправляясь на войну. И второй момент, если больше истра-

тишь денег, твоих людей будет убито меньше, чем у противника, который и хотел бы истратить больше денег, да их нет. Поэтому Америка потеряла меньше людей, чем Германия, и это, сказал он, вполне естественно. Тут мы заметили прохожего, которого знали оба, вот, сказал месье Лябади, он, бедняга, несчастный человек, женат, но не видит жены, она вечно отсутствует, брошенный человек, он пожал плечами, и оба мы отправились своим путем.

Сегодня очередной день, как обычно во Франции ощущения все запутанней, те, кто прячется в горах, налетают и захватывают продукты прямо с поездов, не выработает ли это у них привычку к воровству и должно ли, все переживают, а еще нашлась одна женщина, гостья, которая перессорилась со всеми в Кюлозе, а уезжая, сказала, что немцев на них нет, пусть бы пришли и плеткой их обуздали, и кто-то прокомментировал, мол, бездельница с деньгами, она вообще понимает, что с ней произойдет? Одно ясно, с каждым днем война все ближе и ближе к концу, но кто-нибудь здесь верит этому, определенно нет, все так мало верят, что, даже зная, мы толком и сами не верим. Как выразилась одна женщина, что ж, раз мы приготовились постоянно жить в условиях войны, надо думать, война продолжится. Мы все так полагаем, и она продолжается 1 февраля 1944 года.

Только что рассказали, как двое парней с гор захватили двоих немцев и увели в горы

заложниками, теперь немцы даже покупать хлеб в лавку приходят вооруженными и всегда по меньшей мере вшестером, а один стоит снаружи на часах. Всех это смешит. Каждый круглый день рождения вселяет в мужчину страх, и в женщину тоже, и даже в детей⁸⁸. Берегитесь все.

Сегодня все слегка повеселели, несмотря даже на тусклый мрачный день.

267

Где тот мертвец из мертвецов, чей разум глух для нежных слов: «Вот милый край, страна родная!»⁸⁹

Ну да, вчера по швейцарскому радио передали, что американцы высадились на Маршалльских островах, которые до войны принадлежали Японии, и я была так счастлива. Была полночь, я была счастлива. Счастлива как американка и калифорнийка. Я пошла наверх, разбудила Элис Токлас и сказала, мы высадились, американцы высадились на Маршалльских островах, которые до войны принадлежали японцам, а Элис Токлас приоткрыла один глаз и ответила, что ж, значит, они вторглись, и тихо уснула. Разумеется, этого желает каждый, каждый хочет, чтобы американцы вторглись на острова, и когда это произойдет, все обрадуются, да, все кроме японцев, они не хотят, но их чувства не важны, их не берут

88 3 февраля 1944 г. Гертруде Стайн исполнилось 70 лет.

89 Цитата из поэмы Вальтера Скотта «Песнь последнего менестреля» (*The Lay of the Last Minstrel*, 1805), песнь 6-я, пер. Т. Гнедич.

в расчет, не берут. Это событие украсило день. В остальном не очень приятный день, немцы пытаются забирать на принудительные работы совсем молодых ребят, всё моложе, но те в основном не едут, несомненно.

268

Сегодня объявили, дикторы объявили по радио, что Маршалльские острова лишь промежуточный пункт на пути к Филиппинам, сообщение наваяло воспоминания юности, дни, когда американские солдаты готовились плыть туда из Сан-Франциско. В ту пору они еще не сформировались, характер у них теперь потверже, в ту мировую войну он был тверже, чем в Испано-американскую, ныне мы их еще не видели, но слышали, они уже не такие неподготовленные, как раньше, национальная безопасность, несомненно, прочнее, мы надеемся скоро их увидеть, да, надеемся. Сегодня, в мой день рождения, третьего февраля, мы были в Белле, и все ужасно расстроены, потому что готовится операция по захвату парней, укрывающихся в горах, а ведь там почти у всех сыновья, ужасно. Одна женщина в Билиньине плача говорила мне, что мне делать, мой мальчик так любит вас, что я могу сделать, и что она может сделать с девятнадцатилетним парнем, отправляться в Германию или нет, оставаться или нет, бежать или нет, кто может сказать? Кто? Единственное, что я смогла посоветовать, ничего не делать, сейчас лучше всего ничего не делать, и в большинстве случаев такое решение ока-

зывается удачным, ничего не делать, но он не ест, встает в четыре утра, работает, говорит, если мне придется уехать, хочу успеть сделать для тебя как можно больше, о боже. У нашего бакалейщика, швейцарца, приятного человека, три сына, он говорит, что ему перед войной не дали документы о натурализации, сейчас они все подданные Швейцарии и в относительной безопасности, и все равно он сказал мне, американцы должны прийти, должны прийти поскорее и спасти ребят, спасти ребят, да, спасти. Все несчастны и стыдятся, потому что французы арестовывают французов, таксист на днях рассказал мне, трое жандармов из патрульной службы, направляясь в горы, опоздали на поезд и попросили таксиста их отвезти. Тот спросил, это лично для вас или по приказу, они ответили, нет никакого приказа, что ж, сказал таксист, если я отвезу вас, тех, кто собирается стрелять в наших ребят, вам придется заплатить, они спросили сколько, я потребовал двойную плату, и они заплатили, эти свиньи, которые собираются стрелять в наших ребят. Всем стыдно, все плачут, все слушают, что можно услышать, а поезда все идут, с немцами, которые не немцы, с французами, которые не французы, о боже, тут нет никакого XIX века и вряд ли есть XX-й, скорее ужасное Средневековье, и тут появляется Элис Токлас с шестью лимонами, казалось бы, что тут удивительного, но несколько лет лимонов не было, при итальян-

цах их еще можно было достать, но с тех пор, как они ушли, лимоны исчезли. Где, спросила я, ты их раздобыла, у бакалейщика, ответила она, а откуда они у него, он сказал, что завез их, поскольку в Тунисе была свадьба.

270 Что все это значит, не знает никто, разумеется, никакой связи с Тунисом нет с тех пор, как там высадились американцы, и что бакалейщик имел в виду? Никто, конечно, никого не спрашивает, что тот имеет в виду.

Мы все сильнее волнуемся из-за американцев на Маршалльских островах и на пути к Филиппинам, не устаем удивляться, как американский радиоведущий может спокойно об этом говорить, ясно, что он не калифорниец, для нас же это страсть как интересно, Элис Токлас помнит второго по рангу офицера в штабе Лейхи⁹⁰, который, возвращаясь из Манилы, захватил Гуам⁹¹. Американцам понравился остров, и они решили его захватить, а поскольку до этого ничего не захватывали, не знали, как поступать, Лейхи решил, чтобы правильно вступить во владение островом, следует публично зачитать конституцию, и во время декламации преамбулы две местные девицы,

90 Адмирал флота Уильям Дениэл Лейхи (William Daniel Leahy, 1875–1959) – американский офицер, в начале своей карьеры принимавший участие в Испано-американской войне 1898 г.

91 Во время Испано-американской войны 21 июня 1898 г. Соединенные Штаты без всякого сопротивления захватили остров Гуам.

влюбленные в Лейхи, затеяли драку прямо в первом ряду, и когда Лейхи дочитал, его подчиненный Спир стукнул его по плечу, указал на девушек и сказал: это из-за тебя. Для нас в маленьком французском городке, где идет война, все это очень живо. На ту войну пошел добровольцем юноша, Нед Хэнфорд, Элис Токлас была с ним знакома, он стал денщиком генерала Кинга, который впоследствии писал романы о той войне, и в одном есть фраза «я бросил поводья ординарцу Неду Хэнфорду», что ж, в те времена каждый был героем и теперь каждый герой, но тогда не было и намека на печаль, а сейчас и здесь все довольно печально, вот здесь, вот здесь и сейчас. Печально, когда девятнадцати- и двадцатилетние ребята должны принимать решение, отправляться ли в горы, оставаться ли дома и рисковать, ехать ли в Германию, ненавидеть ее и попасть под бомбежку, работая на врага своей страны, решать, решать, что следует делать, что можно сделать, как ты поступишь, трудно самому принимать такие жизненные решения в восемнадцать или девятнадцать лет, каждый решает за себя, на войне проще, тебя призывают, ты идешь, ты со всеми вместе, вокруг более или менее сверстники, и даже если ранят, не так страшно, но нынче французские мальчишки должны решать сами за себя, хватит ли у них сил, есть ли знакомые, к которым можно направиться, доберутся ли до места, найдут ли приют, пропитание и все остальное, вдобавок,

зима, горы, найдет ли он там кого, и что случится, если он никуда не уйдет, трудно в девятнадцать и двадцать принимать такие решения самому. Очень трудно.

272 Мы теперь в самой гуще, слухи, слухи, порой они оказываются верны, запрещено использование телефонов во всем районе, нельзя выехать без специального разрешения, сегодня мы узнали, что увезли нашего очень хорошего друга, капитана жандармерии, у него очаровательная маленькая девочка с чудной кудряшкой на лбу и приятная красивая жена, его увезли, то ли ребята с гор, то ли немцы, никто толком не знает, мы ужасно расстроены, все в страхе, как бы кого не взяли заложником, а если возьмут, о боже, если возьмут. То ли чтобы расправиться с горными парнями, то ли мстят за убитого немецкого полковника, то ли боятся высадки союзных войск, то ли ожидают вывода своих войск из Италии и размещения в нашем районе, то ли не знают, что делать, то ли дело движется к концу и конец должен быть как в театре, когда в финале пьесы наступает путаница и все вот-вот должно разрешиться, какова бы ни была причина, нашего доброго и милого друга забрали, и мы опечалены.

В XIX веке мы привыкли к постоянству. Постоянство было естественным, необходимым и непрерывным. Постоянство и прогресс были синонимами, кажется странным, но на самом деле вполне естественно. Если все постоянно,

веришь в прогресс, если нет, прогресс невозможен, и XIX век верил в прогресс и постоянство, постоянство и прогресс. А что теперь? Теперь ни того, ни другого. Англия и Германия, которые, как ни удивительно, принадлежат XIX веку больше, чем любой другой уголок земного шара, все еще надеются поверить в постоянство и прогресс, прогресс и постоянство, но больше никто, и никто не интересуется, верят ли обе страны в прогресс и постоянство, никто.

В эти январские дни 1944-го здесь, в окрестностях, словно вернулся январь 1940-го, нас терроризируют немцы, нет телефонов, мы слышим разные истории и не знаем, правдивы ли они, не знаем, что происходит с нашими друзьями в Белле, мы отрезаны от остального мира, за исключением событий в Кюлозе, с нами собака, еды хватает, есть радио и электричество, все в порядке, но нас полностью изолировали, слухи обгоняют друг друга, впервые за два года на дорогах появились автомашины с немецкими офицерами, быстро-быстро мчатся мотоциклы с немцами, на станциях длинные составы с надписями «Италия» и «Мюнхен» и «Бреслау», и мы сбиты с толку, почему, почему так треплют наш маленький и такой мирный уголок Франции. В газетах пишут, что плохо в Савойе, но на самом деле нет, у них есть телефон, их оставили в покое, а наш маленький городок и еще один соседний окружены, важных людей увезли, и никто не знает почему, никто не догадывается о причине, а те,

кто это сделал, естественно, не говорят, потому никто и не знает. Почему? Никто не знает. Молодежь не находит себе места, собирается в стайки, смеется, их матери и отцы нервничают, но молодые люди болтаются без дела, наблюдают за передвижением немцев, смеются, смеются над ними, и вроде бы действительно ищут не их, а других, постарше, но почему? Никто не знает почему. Никто не может выйти из Белле и войти, такой мирный городок, здесь так долго стоял немецкий гарнизон, солдат обучали, никто их не трогал и они никого не трогали, а теперь город окружили, арестовали пятьдесят человек, и никто не знает почему, никто.

Как я уже говорила, все живут как в начале вторжения в 1940 году, но тогда было начало, длинное начало, очень длинная середина, сейчас все чувствуют, что конец, а французам давно известно, что раненый зверь всех опаснее, особенно когда его загнали в угол, зима была приятная и долгая, а сейчас идет снег, сумрачно, так и на душе у людей, за исключением молодых, эти гоняют туда-сюда на велосипедах, весь день на ногах, стоят и смеются, глядя на прохожих. У всех на душе кошки скребут, а им все равно, таково сегодня.

Таково сегодня. Вчера я навестила мэра нашего городка и его жену, и мы обо всем поговорили. Она, естественно, нервничает. Никто не знает, почему немцы окружают город, арестовывают мэра, иногда отпускают, ино-

гда держат у себя. Понятно, жена нашего мэра беспокоится, мэр и сам немного волнуется, хотя виду не подает. Жена не скрывает тревоги. И немцы творят это в каждом близлежащем городке, поступят ли так же здесь?

А вот и они. Наша соседка живет одиноко в маленьком домике, приятная женщина, старая дева, у нее много земли, много всего, временами она лицемерит, наша повариха зовет ее змеей, но в целом очень добрая и приятная. Она зашла предупредить, что приходили немцы. Они постучали в дверь, она была еще не одета, поэтому спросила, в чем дело, и они ответили, немецкая армия, она, трясаясь и дрожа от страха, открыла дверь, они спросили, есть ли в доме мужчины, и она ответила нет, они спросили, честно, она ответила, да, честно, никаких мужчин, а там, и они указали на наш дом, есть мужчины, нет, только две дамы и две служанки, честно, да, честно, только четыре женщины, и они ушли. В тот день мы, естественно, никуда не выходили, но позднее я видела, как она выглядывала всякий раз, когда солдаты поднимались по крутой дороге вверх в горы или спускались, и я спросила, какие новости, а она ответила, я так боюсь, чего же, спросила Элис Токлас, вы выходите посмотреть, если так боитесь, а она ответила, потому и выхожу, что боюсь.

Позже пришел парень, который трижды в неделю заносит нам наверх дрова. Он очень печалился, его отца, итальянца, отправляют

в Германию, но, сказала я, он ведь старше сорока пяти, да, знаю, печально ответил он, отец долго жил во Франции, но все равно он итальянец, его забирают. Немцы все еще здесь, Баскет где-то гуляет весь вечер, мы беспокоимся, но надеемся, что он вернется. С солдатами никогда не знаешь, но они любят собак, а он очень красивый. Никто не знает, почему немцы здесь и долго ли пробудут, в город нельзя войти и нельзя выйти, даже священнику, и никто не знает, почему, здесь ведь так спокойно. Конечно, много молодых парней, кого призывали и кто не уехал в Германию, но и всё, бабушки, больше-то ничего. Конечно, те, кто ушел в горы, ведут себя как Робин Гуд, увезли врача, его жену и все их имущество, чтобы врач заботился о них, жена о нем, а имущество – чтоб в отместку никто не захватил. Они постарались выбрать врача, у которого нет детей. Все говорят, что обстановка напоминает Средние века, мы зажаты между двумя воюющими сторонами, те, что в горах, стреляют, если их не послушаться, немцы тоже стреляют, если их не послушаться, каждая сторона обвиняет нас, если мы послушались другую, но что нам остается? И, если вдуматься, что остается им? Так происходит и так продолжается. И, боже мой, скольких поймали здесь и в Белле, мы не знаем, все что-то говорят, но никто не знает.

Смешно, почему немцы ходят в камуфляжных плащах, но не в камуфляжной форме, за-

чем так? Впервые я заметила несколько дней назад, они ехали на велосипедах и напомнили мне хор в оперном театре «Тиволи» в Сан-Франциско, представление стоило двадцать пять центов, люди в средневековых одеяниях, как вот эти плащи, с металлическими бляхами и крестами контрастных цветов. Боже мой. Было бы забавно, если бы не было так страшно и так печально, сейчас январь 1944-го.

277

*Ma foi*⁹², чересчур затянулось, вот что говорят в народе. Все во Франции говорят *ta foi*, приятное средневековое выражение, что ни скажешь, в ответ услышишь *ta foi*, это может означать да, или о черт, или нет, или ничего. Нынче любой может сказать «чересчур затянулось», и ответ будет *ta foi*, что означает «это уж точно». В этой части света есть еще одно выражение, *taisez-vous*, или «и не говорите», они вставляют его в разговор, беседуют о чем-то и вдруг и не говорите, это относится не к ним, не к вам, а к событиям, о которых речь, иногда говорят *taisez-vous*, *taisez-vous*, и фраза продолжается, просто замечательно, уж не знаю, почему так, скажут, например, война затянулась, немцы опять могут прийти, и не говорите, и не говорите, вы и вправду думаете, что они могут прийти опять? Вот такие предложения создаются этим выражением, и это замечательно. *Ma foi*.

92 Сказать по чести, букв. «моя вера» (фр.).

А сейчас снова заработал телефон, можно видаться с людьми, дороги открыты и свободны, немцы убрались из деревни, все вздохнули чуть свободнее, не совсем, но свободнее, хотя некоторые неприятности имели место, о боже. Каждый обзирает своих соседей и говорит о боже или *ta foi*, но всем полегчало. Никто не знает, в чем дело, разве что пытаются выяснить, кто поставляет провиант парням в горы. Много странного, комендантский час с семи вечера вместо десяти, забрали двух мальчишек, стрелявших из рогаток, один пытался бежать, в него стреляли, какой-то старик напился, вышел в десять вечера, и его убили, стояла очень плохая погода, снег с дождем, ветер, остальные сидели по домам, очень трудно убедить французов, что опасно делать то, что им не велят, они любят делать то, что любят, и делают. Как сказал мне один француз, во Франции гражданин всегда важнее полицейского, если только гражданин не преступник, любой гражданский важнее любого полицейского. Это у каждого француза в крови, и потому почти невозможно заставить их делать то, что им говорят. Странные вещи происходят, у одного малоприятного малого, уличенного в коллаборационизме и даже получившего гробик, какой посылали всем, немцы всё забрали, похоже, в давние времена его отец укрывал ворованный товар, что вполне объяснимо, поскольку город всегда был важным железнодорожным узлом, маленький город,

но важный железнодорожный узел, его сын, возможно, и не укрывал ворованное, но тут и там хранил запрещенные товары, и среди всего добра старинные ружья времен то ли Революции, то ли Наполеона, собранные его отцом, кто-то донес, пришли немцы, сделали обыск, нашли ружья и, естественно, заодно реквизировали запасы мыла, металлическую посуду, вино и спирт, а хозяин этого добра отсутствовал, ему дали три дня для добровольной сдачи, но где он, знает ли, как он об этом узнает и как вообще он сам или кто иной может знать, почему к нему заявили немцы? Нам рассказали о пожилой паре, живущей в наших краях, брате и сестре, их отец, бывший железнодорожный рабочий, когда-то украл драгоценные камни, пытался их продать в Женеве и получил пять лет тюрьмы, его сын и дочь, теперь довольно пожилые люди, так и остались одинокими и жили вместе, сын, несмотря на все это, устроился работать на железной дороге и продолжает работать ночным сторожем, а сестра после многих лет домашней работы по найму заработала себе язву желудка, эти и другие истории отвлекли нас от тревог и горестей одного из наших соседей, чей сын был убит при побеге. Сегодня все кончено, все пришли на похороны убитых, сегодня воскресенье, светило солнце, снег покрыл землю, народ катался на лыжах и санках, мэр и его жена устали и не без оснований, в наши дни мало радости быть мэром. Мэру наконец удалось

убедить немцев, что в горах, которые за нами, горные парни не скрываются, поскольку, как он объяснил, там нет воды. В прежние годы, отправляясь туда на охоту, он всегда брал с собой флягу с водой, чтобы напоить собак, сами собаки воду найти не могли, как там жить людям? Нет, невозможно, и наконец немцев убедили, и они ушли. Они ушли. И снова заработал телефон, по улицам снова ходят люди, а я могу выпустить Баскета, можно снова гулять, снег начинает таять, сегодня понедельник, февраль 1944 года.

Устали от зимы, устали от войны, люди надеются и молятся, чтоб она когда-нибудь закончилась.

Я беседовала с мадам Галлэ, у нее небольшая лавка, сама она родилась здесь, но большую часть жизни провела в Париже, она парижанка, и это одно удовольствие. Пейзажи – это прекрасно, но хочется увидеть улицу, любую улицу. Однажды в Белле я навестила мадам Шабу, ее дома не было, я устала и прилегла на диван, ее дом окнами выходит прямо на улицу, и напротив меня оказалась стена, просто стена с окнами, что за отдохновение от деревьев и полей, помню, моя подруга, еще до войны 1914 года, Дженет Сейн, говорила, что не понимает, почему деревья, такие красивые в городе, в сельской местности выглядят безобразно, и в каком-то смысле она определенно была права, в каком-то смысле. Мадам Галлэ незаметно ухитряется добыть все, чего вы захотите, все

друг к другу заходят, приносят одно, взамен получают другое, нам дают что-нибудь, и мы что-нибудь даем, и всем достается по чуть-чуть необходимого, и жизнь продолжается. Мы страдаем от недостатка зубной нити, вроде бы мелкая деталь, что тут страдать, но мы страдаем и решили, как только американцы по дороге из Италии пройдут мимо нашего дома, мы выйдем, остановим первую же зубную скорую помощь и попросим зубную нить, Элис Токлас говорит, что у них не будет и вообще, придут ли они, а я отвечаю, да, у них найдется, и они придут. И это довольно приятно в холодный февральский день.

281

Итак, я беседовала с месье Галлэ, он участвовал в войне 1914 года, конечно, все его сверстники во Франции воевали, и мы, как ветераны, делились друг с другом воспоминаниями о том, какими все тогда были добросердечными, о да, сказал он, французы в те дни были единым народом, и он рассказал, как все делились с товарищами, чем могли, а один бедный парень, получавший мало посылок из дома, уезжая в увольнительную, сказал товарищам, что, вернувшись, всех удивит, никто не обратил внимания на его слова, но он действительно вернулся с громадной индюшкой, которую его жена специально для них откармливала, ели все, и, сказал месье Галлэ, так обстояли дела в то время, французы были едины. А его жена добавила, вообще-то молодежь и ныне дружна, посмотри на ребят в горах, посмот-

ри на тех, кого отправили на принудительные работы в Германию, они помогают друг другу, да, согласился месье Галлэ, но вспомни о тех, кто сидит дома и их осуждает. Конечно, разобщенность налицо, перепуганный средний класс опасается коммунизма, военные недовольны тем, что у них отняли и ликвидировали армию, религиозные старые девы и вдовы боятся, что в будущем ликвидируют религию, но мадам Галлэ утверждает, что молодое поколение так же едино, как *poilus*⁹³ in 1914–1918, и она права, они едины. Сегодня я встретила женщину, которая добиралась поездом в Лион, а в двух санитарных вагонах лежали раненые полицейские, которые сражались в Верхней Савойе с горными парнями. Об этом говорили, и мы уже знали и сами, потому что с гор возвращалась только половина полицейских специального назначения, они сказали, что добрая половина присоединилась к горным парням, а остальных горные парни осторожно ранили в ноги, чтобы те не смогли участвовать в боевых действиях, но продолжали получать жалованье, раны были таковы, что не мешали в будущем зарабатывать на жизнь, только одному по ошибке прострелили руку, стреляли аккуратно, чтобы повредить только ногу. Понятно, к милиции⁹⁴ они

93 Пехотинцы в годы Первой мировой войны (*фр.*).

94 Французская милиция как действующая военная сила существовала в 1943–1944 гг., после оккупации всей территории Франции немецкими войсками в

относились строже, ненавидели и готовы были убить любого из них, ну, не совсем любого, и не все пострадали, все нормально, говорили они и смеялись. Все-таки французы народ сплоченный, конечно, есть немцы, но это совсем другой разговор.

Я уже упоминала, что здесь все время стояли немцы, в Кюлозе убили двоих молодых людей при попытке к бегству и старика, который пьяным вышел на улицу после комендантского часа, особенно всех задело то, что немцы оставили его лежать на улице до утра, на похороны пришли все, и еще люди взбудоражились, когда неподалеку отсюда, на небольшом островке на Роне, нашли труп женщины, а когда ее привезли, у нее обнаружили пулю в голове. Выяснилось, что она учительствовала в городке Сейсель, там немцы особенно часто стреляли, поскольку в городке всегда подкармливали горных парней, и когда в городок пришли немцы, эта женщина перепугалась и хотела уехать, но директор школы ее не отпустил, сказав, что учитель тот же солдат, как врач, медсестра или мэр, учитель обязан оставаться на посту, что бы ни происходило, но она сказала, что ей надо к родным, и попыталась сесть на поезд, на станции ей не продали билет, она еще больше перепугалась, переделась в лыжный костюм и пешком пошла в соседний городок, чтобы сесть на по-

1943 г. и усиления в связи с этим движения Сопротивления.

езд там, а потом ее нашли мертвой на островке в Роне, где часто находят утопленников, с пулей в голове.

Сейчас конец февраля, мы все притихли, погода зимняя, все спокойно, и придут ли американцы, и откуда, и когда, и если придут, скоро ли придут.

284 Сейчас, конечно, никак не раздобыть новых книг, приходится перечитывать старые, у меня, к счастью, скопилось много детективов и приключений, и каждая книга ныне приобретает другой смысл, вот одна из реальных и важнейших черт войны, оживает география, и многие места, упоминаемые в книгах, становятся реальными, и это замечательно. Конечно, снова и снова пугаться не всегда приятно, совсем нет, вчера вечером я узнала, что примаса Польши забрали прямо из Откомбского аббатства, боязно, всегда немного боишься, чуточку, сегодня вечером служанка сообщила что на кухне появились незнакомые люди и не спустится ли Элис Токлас с ними поговорить, кто такие, спросили мы, она ответила, незнакомцы забрели, а они оказались гражданами Америки, братом и сестрой, некоторое время жили в деревне, оба родились в Америке от родителей-французов, которые вернулись в Марсель, один раз юношу уже спас швейцарский консул, теперь его опять грозятся забрать, мы посоветовали сестре завтра же отправиться поездом в Лион к швейцарскому консулу, так она и поступит, и, как я уже говорила, все не-

много настораживает, как и всякие истории, многие люди вызывают подозрения, достаточно сказано, вызывают подозрения, особенно если собака на них не лает, да, немного побаиваешься. Швейцарцы умеют успокаивать, по-настоящему, они только что вручили нам охранную грамоту⁹⁵, жена мэра, швейцарка, успокаивает нас, мы часто сидим вместе и беседуем, судьба высшего духовенства ее не беспокоит, она полагает, что оно больше интересуется дворцами, чем судьбами человеческими, а низшее духовенство более всего заботится о вине и пище, бедняки, по ее мнению, бедны, потому что много отдают церкви, так или иначе, таково ее мнение, она тоже немного боится, но успокаивает других. Вчера вечером местный булочник принес нам бобов и муки, пришел поздно, забарабанил в дверь кухни, та была заперта, кухарка перепугалась, прибежала с известием, что пришли немцы, нет, сказала я, это, наверное, Боназ, булочник, я была храброй, поскольку, конечно, знала, что он собирался прийти, служанки пошли открывать дверь вдвоем, и горничная Жанна сказала, что обе трусили, их охватила дрожь в коленках, а булочник смеялся, он любит шутки и знал, что напугает девушек. Сегодня, в конце февраля дела, кажется, пошли побыстрее, и прилетают птицы, все говорят, что никогда

95 *Passeport de Protection* – документ на временное проживание во Франции, добытый друзьями Стайн в феврале 1944 г.

не видели по весне столько птиц, включая перепелок, видимо, бои спугнули птиц из Италии и Германии и поэтому их столько.

Кролик не в счет, без привычек живет, поэтому мы предпочитаем кур. Вдобавок, куры кладут яйца, а это хорошая привычка.

286 Сегодня один человек сказал мне, охотничьи собаки бесятся, потому что не охотятся, мы не можем охотиться, придет время, сказала я, да, согласился он, этой осенью.

Приходит весна, 1 марта 1944 года, весна здесь, она еще не совсем пришла, но вот-вот, и в каждом поселяется надежда, все желают, чтобы все закончилось без вторжения во Францию, полагаю, все так чувствуют, освобождение – это хорошо, но приятней, если бы обошлось без бомб и боев на территории Франции. Мадам Галлэ утверждает, что мы все эгоисты, ничего не можем с собой поделаться, но в конечном итоге решать не нам, так что волноваться не стоит, нужно только закупить побольше, и когда час наступит, у каждого хватит запасов в кухонном шкафу, и даже бродячей собаке достанется косточка. Все возвращаются из Парижа, то есть те, кто жил здесь прежде, вернулись и рассказывают, что жизнь в Париже нормализуется, а еще говорят, что там можно купить любые овощи, много чего можно купить и недорого. В деревне есть мясо, рыба, яйца, масло, но нет овощей, они не появляются раньше июня, так или иначе французы противостоят трудностям, то есть ведут

обычную жизнь. Помню, Вирджил Томсон говорил, французы по-настоящему ценят только долговечность, силу воли продолжать начатое, и в самом деле, человеку, в котором французы признают талант, они могут сделать лишь одно замечание, продолжай, как в истории с одним негром, в школах, как правило, учитель вечно твердит продолжайте, не останавливайтесь, и в военной школе преподаватель, войдя в класс, увидел среди студентов негра и удивленно сказал, да ты негр, да, ответил негр, ну, сказал учитель, продолжай, иными словами, продолжай им быть. Так и французы продолжают свою обычную жизнь. Супруги Топс рассказали на днях, что немецкие власти жалуются на Париж, по нему не скажешь, что идет война, и это расхолаживает немецких солдат, приезжающих туда в увольнительную. Префект Сены ответил, а что я могу сделать, что бы ни происходило, французы живут как обычно, так они и поступают, что ж мне делать, и что ни делай, они будут жить как обычно, они таковы, и вот почему французы всегда возрождаются из пепла, им так нравится, от этого их обычная жизнь становится интереснее.

287

Любопытно, как люди относятся к событиям. К примеру, ребята с гор, их ли я встретила, возвращаясь с прогулки в горы сегодня полудни, оба усталые, мы поздоровались, минув друг друга, нынче у каждого за плечами тяжелый мешок, это ни о чем не говорит, од-

ни утверждают, что горные парни вернулись в наш район, другие говорят нет, одни утверждают, что вернулись немцы, другие говорят нет, сейчас поздний вечер, близко к полуночи, перед сном опять послушаю последние новости. Любопытно, как разные страны начинают радиовещание, жалко, что я не знаю больше иностранных языков, тогда узнала бы, кто как вещает по радио. Англичане всегда начинают с фразы говорит Лондон или радиостанция Би-би-си, или заморская радиостанция, и это всегда привет из приятной домашней жизни, исключительно важный для любого англичанина и англичанки. Американцы произносят поэтично и с огоньком, говорит «Голос Америки», затем сдержанно и по-добрососедски добавляют, одной из стран Объединенных Наций. «Голос Америки» обращается к вам через Атлантический океан. Радио Франции: французы обращаются к французам, они всегда так начинают, бельгийцы объявляют просто и прямо, радио Бельгии и следом национальный гимн, французы еще говорят Честь и Страна, а Швейцария объявляет очень ненавязчиво: студия Женевы, через мгновение радиовещательная станция в Берне передаст последние известия, Италия начинает так, да здравствует Муссолини, да здравствует Италия, затем раздается птичий гомон, и начинается передача, а Германия так, говорит Германия, говорит Германия, в последней войне, как я уже писала, у каждой страны был свой камуф-

ляж, каждая страна отпечатывалась на своем камуфляже, но в этой войне жизнь нации дополняет и определяет заголовок новостей по радио. Нация сильнее любой из ее личностей, абсолютно, и потому нации должны продолжать свой путь, обязательно должны продолжать.

Весна, похоже, никак не может к нам пробиться, мы грустим, уже середина марта, не видно ни весны, ни конца войны, но проступающие на лугах валуны всегда романтичны и становятся похоже на парк, пусть и на склоне горы, романтичность ландшафта утешительна, не знаю почему она утешает, но утешает, валуны большие, увитые плющом или заросшие карликовыми деревцами разбросаны по всему лугу и всегда утешительны. Дует ветер, ледяной ветер, холодно, весна не приходит, в народе говорят, что сезоны не сменяют друг друга как положено, потому что пушечная пальба меняет поведение облаков, сначала изменилось поведение птиц, теперь облаков, вне сомнения, бомбардировки многое меняют. День проходит за днем, время летит быстро, не успеешь привыкнуть к одному дню, а уже следующий, затем пятница, и мы слушаем швейцарского комментатора, подводящего итоги за неделю, не успеешь оглянуться, как неделя закончилась. Китайцы изобрели порох, никто, кажется, в этом не сомневается, а французы и американцы создали автомобили и научились летать, итальянцы изобрели

радио, никто не сомневается в этом. Сейчас никто не думает, какой век на дворе, просто любопытствуют, когда все кончится, просто любопытствуют. Несомненно.

290 Я только что прослушала отчет одного американского генерала, он перечислял простые вещи, ради которых американцы сражаются, и первым делом он сказал, что если вы дома, никто не имеет права вторгаться к вам, запугивать вас и делать, что заблагорассудится, по-моему, это поразительно, что американский генерал так просто понимает ужас оккупированной страны, тревогу в глазах молодежи, тревогу в глазах матерей, отцов, сестер, братьев, жен, тревогу потому, что в любой момент их могут забрать, документы могут быть в полном порядке, и все равно, или могут быть не в порядке, и тогда тоже, соседи рассказали нам об одном молодом человеке, мы его хорошо знали в Белле, а затем и здесь, он ходил в ближайший городок за хлебом, мать увещевала его не ходить, а он отвечал, что его документы в порядке, однажды ушел и не вернулся, его выслали, мать даже не знает куда, и ведь его документы были в порядке, а вот поди ж ты, замечательно, что американский генерал понимает, за что сражается любой американец, повсюду в мире люди, если не совершают преступлений, должны спокойно жить в своих домах, спокойно заниматься своими делами, не бояться, не должно быть тревоги в глазах, нет. Я думаю, замечательно, что аме-

риканский генерал так просто это понимает. Середина марта, пришла весна, а с ней и чуточка смелости, люди думают, что так продолжаться не будет, война не будет длиться годами, они еще не надеются, трудно быть оптимистом после тяжелых пяти лет, очень трудно, они еще не вполне надеются, живут своей жизнью, но думают, что, может быть, однажды война закончится. Сегодня воскресенье, и наша служанка Жанна, вообще-то не оптимистка, только что принесла новость, в Кюлозе говорят, что немцы отступают, где, спросили мы, ну так в России же, сказала она, так говорят в Кюлозе, ну, конечно, сказали мы, ну да, в Кюлозе говорят, сказала она. Значит, в Кюлозе больше не полагают, что война будет длиться вечно, и на прогулке я заметила, что все заговорили о посеве зерновых, картофеля и прочего, конечно, когда французам настает пора вскапывать землю и сажать овощи, они всегда взбадриваются, и сегодня как раз подходящий день, так что даже если бы в Кюлозе решили, что немцы из России не отступают, все равно был бы повод повеселеть, это для них естественно, поскольку пора огородничать, это их обязанность.

291

Середина марта, и чудится, что почти наверняка однажды наступит конец зиме и войне, войне и зиме. Нам нравятся поездки в Шамбери, всегда увидишь что-то или кого-то, все путешествуют, французы любят путешествовать в поездах туда-сюда, ждать на станциях,

у них так распространено. Позавчера мы ждали поезда в Кюлозе и в толпе увидели человека, и он, ну, наверняка он был американец, носить так шляпу может только американец, только у американца бывает такая пластика, и приплюснутый нос, как у некоторых американских мальчишек, лет двадцати пяти, вещмешок за плечами, он никого не замечал, стоял на краю платформы, с той стороны, откуда появляется поезд, и я сказала Элис Токлас, не обращай на него внимания, естественно, мы не хотели, чтобы кто-то обратил внимание на то, что заметили мы, но если кто из французов и заметил, что парень не француз, то виду не подал, он, вероятно, направлялся в Верхнюю Савойю, возможно, но мы постарались не замечать, куда он ехал, но он несомненно был американец, и случилось это 10 марта 1944 года на станции Кюлоз.

Нам было странно, и однако это так естественно, абсолютно естественно. Похоже на 1918 год, когда на юге Франции мы встречали американских солдат в самоволке, и они обычно интересовались у нас, нет ли вблизи военного патруля, а мы отвечали, что здесь нет, поищите лучше в соседнем городке, но то было смешно по сравнению с тем, что нынче, мы надеемся, он благополучно добрался до места назначения.

Каждый день встречаешь массу людей из самых отдаленных уголков, а иногда не встречаешь никого, но железнодорожные станции

и поезда для того и созданы, чтобы люди встречались, так и происходит.

Весенний снег красивее зимнего. Первый настоящий день весны, говорю с уверенностью. Весенний снег красивее зимнего. И да и нет. В эту весну определено, зимнего снега и не было, снег лежит весенний, и все, ну, не все, но многие обретают надежду, весенний снег красивее зимнего.

293

В Кюлозе мне рассказали, что тут есть два начальника железнодорожной станции, один из них немец, потому что город хоть и маленький, но очень важный перевалочный пункт, здесь пересаживаются на поезда в Италию и Швейцарию и Савойю и на юг, через город движутся и немецкие войска в большом количестве, и поэтому нужен немецкий начальник станции. Сегодня, в середине марта 1944 года, он заявил железнодорожникам-французам, через три месяца Германия будет раздавлена, капут, и я в Германию не вернусь, останусь здесь и буду праздновать с французами, там праздновать нечего, да они и не умеют, а вы, французы, умеете праздновать, останусь и буду праздновать вместе с вами, естественно, никто на эти слова не откликнулся, но было приятно, не что он останется праздновать, а что он считает, будто через три месяца у французов будет повод для праздника. Когда я пересказываю эту историю, каждый многозначительно комментирует, будем надеяться. Надежда надеждой, мы так часто были уверены, но рус-

ский паровой каток, который так и не пришел в движение в прошлую войну и вначале не походил на каток, и впрямь набирает силу. Мне приходится неустанно объяснять, что у американцев, хоть они и не захватили Рим, есть авиабазы, с которых они бомбят, а без этих бомбардировок русские не смогли бы развернуться в полную мощь, я теряю терпение, говорю, у вас, французов, старомодные представления о войне, в вашем представлении война – только наземные сражения и захват территории, но мы, американцы, верим в уничтожение вражеского производственного потенциала. Да, да, верно, говорят они, однако им хочется, чтобы американцы захватили кое-что и продвигались быстрее, но я их убеждаю, что американцы предпочитают длительную подготовку, а когда действительно готовы, что-нибудь совершают, возьмите, к примеру, Тунис, говорю я, вы тогда хныкали точно так же, они согласны, но не верят, и мне понятно, пять лет огромный срок и для заключенных, и для тех, кто на свободе, одна женщина выразилась даже так, если союзники победят, не станут ли наши пленники заложниками в Германии, чьи-ми заложниками, возмутилась я, не знаю, ответила она, просто интересно, станут ли они заложниками, нет, Америка будет настаивать на их немедленном освобождении, ну, это если Америка так поступит, сказала она. Процесс понимания всегда труден, но в конце долгих пяти лет понимать становится все труднее,

это несомненно, и да и нет, весенний снег красивее зимнего, особенно в этом году, мы все так считаем.

А тут еще наша коза. Еды сейчас в достатке, даже больше, чем нам нужно, всего предостаточно, масло, сыр, яйца, мясо, сахар, кроме молока, для этого мы купили козу, и она у нас до сих пор, но козе нужны дети, чтобы и дальше давать молоко, мы ее как-то отвели к козлу, и через неделю у нее появятся козлята, и, разумеется, мы опросили всех, что нам делать, нам посоветовали сделать козе инъекцию раствора из липы, или мяты, или вербеновой настойки, или еще чего, такое лекарство употребляют сами французы, когда им нехорошо, еще рекомендовали давать теплое вино, либо козе, либо козлятам, а козу кормить хлебом с подсолнечным маслом и некой травой, кажется, и ей, и козленку, ужасная путаница, одни говорили, что надо оставить козу в покое, сама родит, другие советовали присутствовать при родах, но как мы можем присутствовать, если не знаем, когда будут роды, а хлев от дома далеко, одни говорят, что можно брать молоко сразу после родов, другие говорят, нет, нельзя, сегодня я вывела козу погулять, она несколько потяжелела, но бодра, так что мы надеемся на хороший исход. А между тем позавчера мне впервые попала на глаза желтая бабочка, а сегодня первая белая, а завтра, уверяют меня, день Святого Иосифа, птицы начинают искать партнера для спаривания,

им надо решить про мужей и жен всего за два дня, после чего они не откладывая принимаются строить гнездо, стоял хороший солнечный день, наверное, они исправно устроили свои дела, но если нет, ну, мне никто не говорит, что будет, если нет, во французской деревенской жизни не бывает никаких если нет, просто нет такого понятия.

296

Все слегка повеселели, кроме молодых парней и девушек, которых вновь забирают на оружейные заводы, а куда, никто не знает, говорят, во Франции, но так ли это, и все должны что-то решать, говорят, ой, много чего говорят, волнуются о многом, в этой войне отсутствует логика, в том числе и логика войны, оставят ли пленных заложниками, когда и если война закончится победой? Чьими заложниками, не выдерживаю я, так говорят, отвечают мне, так говорят. Вот что поразительно, все слушают радио, слушают целыми днями, потому что у каждого оно есть, а если нет, тогда есть у соседа, слушают передачи из разных стран, однако верят не тому, что слышат по радио, а городским слухам, слухи всегда убедительней, люди не верят газетам, не верят радио, но верят тому, что говорят друг другу, это вполне естественно, официальные источники врут, почему бы не верить слухам, вполне логично, поэтому люди верят, верят всем слухам, даже зная, что слухи эти не верны, у слухов, во всяком случае, есть шанс оказаться верными, в отличие от официальных со-

общений, у тех нет никаких шансов оказаться верными, никаких.

По пятницам после обеда мы с друзьями читаем Шекспира, уже прочли «Юлия Цезаря» и «Макбета», сейчас читаем «Ричарда Третьего», и ужасает, что сейчас происходит то же самое, что описано Шекспиром, Макбет видит привидения, разве люди не видят их сейчас, разве Муссолини не видит привидение своего зятя⁹⁶, конечно, видит, легко убедиться, что он видит привидение своего зятя, его последняя речь это доказывает, или возьмите, к примеру, королей у Шекспира, у них нет причин беспрестанно друг друга убивать, это не организованная война, когда люди встречаются в схватке, а сплошное насилие, нет никакой цели, нет славы победы, прямо как в «Генрихе VI», и «Ричарде III» и «Макбете», ужасно, совершенно, совершенно ужасно, именно так.

Долгая война, подобная нынешней, заставляет понять, какое окружение ты на самом деле предпочитаешь, дом, козы, куры, собаки и случайные знакомые. Я обнаружила, что совсем не люблю цветочные сады или овощи, котов, коров и кроликов, от виноградников и холмов

96 Зять Муссолини, бывший министр иностранных дел Галеаццо Чиано был казнен 11 января 1944 г., якобы за измену родине, а в действительности за то, что был одним из тех членов Большого фашистского совета, кто в июле 1943 г. голосовал за отстранение Муссолини от власти и возвращение полномочий королю.

устаешь, но дома, козы, куры, собаки и случайные знакомые никогда не утомляют.

Дети играют в необычные игры, вчера я видела, как семилетняя девочка поставила двух малышей двух и трех лет под кусок листового железа и сказала, теперь вы в безопасности, и я с вами прощаюсь. Во что вы играете, спросила я, мы играем в *abris*, укрытия, ответила она, и все.

298

Я разговаривала с Клод Малербе, она только что вернулась от вдовы, чей муж внезапно умер, так случается, подтвердила она, в ту войну они были очень молоды, участвовали и в этой войне, но их убивает то, что Франция побеждена, это ест их поедом, я иногда говорю мужу, но ведь Франция побеждена, а он просит, не говори так, неправда, я не могу этого слышать, но, продолжала Клод, это правда, однако женщины не страдают так, как мужчины, мужчины ведь солдаты, а женщины нет, и они любят Францию, как и мы, женщины, а мы любим Францию, как мужчины, но, в конце концов, мы ведь не солдаты и не так воспринимаем поражение, как они, кроме того, после каждого поражения женщинам прибавляется работы больше, чем мужчинам, женщины больше заняты после поражения, что естественно, и у них меньше времени на страдания, да, сказала Клод, я все понимаю.

Временами все это не очень-то реально, а реально то, что делал раньше и делаешь сейчас, к примеру, я обычно не сидела в по-

ле и не следила, как ест моя коза, а сейчас сижу и слежу, и это реальность, реально лишь то, что делаешь сейчас или что делал прежде.

Забавно, что мужчины, якобы склонные к наукам, не в состоянии понять один из основных принципов физики, действие и противодействие равны по величине и противоположны по направлению, если людей третировать, они становятся все сильнее, как говорят французы, сахар притягивает пчел куда быстрее, чем укус, или басня о ветре и солнце, которые заставляли путника снять пальто⁹⁷, странно, что это продолжается и по сию пору, людей преследуют, чтобы ослабить, но делают их сильнее, если людей не преследовать, они слабеют, размягчаются, естественно, если действие и противодействие равны и противоположны, что остается делать, когда затягивается мир, люди хотят войны, а когда они натерпелись войны, хотят мира, а что еще делать, вот сейчас никто не знает толком, чего хочет, мир кажется почти таким же опасным, как и война, так случилось после прошлой войны, а война больше не опасна, она бесконечна и полна несчастий, полна несчастий и бесконечна, а мир, будет ли и мир бесконечен и полон несчастий или просто полон несчастий, но не бесконечен, и все-таки люди, да, все-таки хотят мира, по крайней мере хотят, чтобы все было не так, как сейчас. Я недавно разговаривала с кем-то о еде, люди, естественно, часто

97 Стайн ссылается на басню Эзопа «Ветер и Солнце».

говорят том, что едят, а что нет, и мы говорили о том, до чего трудно понять, как обстоит дело с едой в тех или иных местах, одни приезжают оттуда и говорят, что всего достаточно, другие говорят, что ничего нет, поди разберись. Да, с жаром сказали мне, например, одна женщина, наша соседка постоянно твердила, что без труда добывает все, чего хочется, я, говорила она, могу достать даже цукаты, о боже, отвечали ей, но постепенно выяснилось, что у женщины этой совсем мало еды, а говорила она так не потому, что хотела обмануть других, а потому, что хотела убедить себя, и она верила в то, что говорила. В целом во Франции больше людей сытых, чем голодающих, но французы есть умеют и будут, если один способ добыть продукты исчезнет, они попробуют иной, но так или иначе раздобудут еду, таков их стиль жизни, им нужно есть, и для того, чтобы есть, нужно найти еду, и они ее находят, потерпят неудачу, попытаются вновь, иногда добиваются успеха и с первого раза, но в итоге определенно достигают цели, добыть как можно больше, определенно, таков их стиль, который во время прежней войны они именовали системой *D, débrouillez-vous*⁹⁸, изыщи возможность.

Наша коза умерла, не успев родить. Домашние животные часто погибают при родах, обескураживающий факт, случается часто, теперь вот случилось и с нашей козой, наш сосед

98 Выкрутись (*фр.*).

был около нее всю ночь, а другой сосед три часа пытался извлечь мертвый плод, но оба потерпели неудачу, и вот что характерно, даже сейчас, когда оба работают на заводе и вдобавок обязаны охранять железнодорожные пути, у французов это в крови, сделать все возможное, чтобы спасти жизнь домашнего животного, и не важно, чье оно, французы таковы.

301

Теряешься, пытаешься разобраться в настроениях людей, теряешься все больше. Было ли в истории, могло ли быть что-нибудь опаснее войны, которая подходит к концу, да ничего, я имею в виду последнюю войну, а не войну 1914–1918 годов, которая была войной XIX века, война с 1939-го до какого-то неизвестного года, несомненно, принадлежит веку XX, несомненно.

Мне нравится, как в деревнях французы говорят о деревьях, весной деревья плачут, льют слезы, не говорят сок пошел, говорят деревья плачут, так оно и есть, они плачут, источая капли, свежесобранная виноградная лоза тоже плачет, роняет каплю за каплей, я все твержу французам, что они не понимают военную тактику двадцатого столетия, злюсь, говорю, в конце концов, если бы англо-американцы не взрывали всю инфраструктуру Германии и стран, которые на нее работают, русские по-прежнему были бы в излучине Днепра, а вас, французов, интересует только захват территорий, больше или меньше захватили,

нет, следует разрушить вражеские системы снабжения, враг должен умереть от истощения, можете вы это понять, и они отвечают да, но на самом деле не понимают, хотят благочинных сражений XVIII века, вот чего они хотят, даже не сражений XIX века, им подавай сражения XVIII столетия, эти французам нравятся больше всех. Временами я думаю, был ли Канзас перед Гражданской войной таким, как сегодня Франция, и в период революции, как его описал Фенимор Купер в романе «Шпион», все обвиняли друзей и врагов, все прятались в горах, патриоты и ложные патриоты, бандиты, представлявшие то реальными, то фальшивыми патриотами, взорванные поезда, а сейчас французы говорят, что это все сами немцы творят, дабы перессорить разозленных французов, сегодня на станции стоял целый эшелон жандармов, национальной полиции, со всевозможным вооружением, новыми автомобилями, что они будут делать, поезда ходят туда-сюда, никто не знает, что они будут делать, куда направляются, да знают ли они сами, очень вероятно, что никто не может это утверждать. Французы облюбовали поезда, все время ездят, даже если нет весьма серьезных причин, просто надо двигаться, они любят ездить, любят оживленную атмосферу в поездах и на станциях, им нравится регулярность и нерегулярность, приезжать и уезжать, атмосфера дружелюбнее и поездка предсказуемее, чем в автомобилях, мало кто сожалеет

об отсутствии автомобилей, очень немногие, их это не волнует.

Спасибо, не надо, и так печально, маленькая девочка болела туберкулезом, родители ее любили, врач сказал, что больше ничего сделать не в силах, родители купили место на кладбище, а она стала поправляться и двигаться, счастливые родители купили большое радио, чтобы ей было веселее, маленькое у нее уже было, а теперь они купили большое. Такие вещи случаются, когда все заняты возможным окончанием войны. Такое может случиться, потому что случается.

303

Сегодня на прогулке видела, как пятеро немцев чинили автомобиль, никто не обращал внимания, все шли мимо, и ничего, такое возможно, когда война как будто начинает заканчиваться, такое может случиться, потому что случается. Весна, на дворе уже апрель, поют птицы, на траву перед домом сел ястреб, но нашел не цыпленка, а кость, оставленную собакой. Кажется, ястреб слегка расстроился, но, может, и нет. Апрель 1944 года, пасхальная неделя.

Известность, мы постоянно слышим, известность, разве не известность истинная причина преследования, не так сложно понять, как кажется. В мире всегда жила страсть к известности, величайшая страсть к известности, и те, кто преуспел в этом больше других, кто лучше умеет ее добиваться, очень часто подвергаются преследованиям, что вполне

естественно, в этом, по-моему, и кроется подлинный корень преследования избранного народа, и особенно сейчас, поскольку известность есть процесс все более осознанный, тем, кто лучше всех умеют ее добиваться, завидуют те, кто хотел бы сам обладать известностью, во всяком случае, так я думаю, возможно, так оно и есть.

304

Очень интересно, но конец XIX века, как и XX век, осознали значимость известности как самооценности, известности ради известности, очень интересно.

11 апреля, вторник, после пасхального понедельника, все надеялись, что-нибудь произойдет, и в каком-то смысле да, происходит, бомбардировки продолжаются, русские продвигаются, и все ждут, когда все случится, и мы все разговариваем, бродя в поисках яиц и шпината и выпечки и всего остального, найти можно все, а я встретила соседа с сыном на велосипеде, спросила соседа, куда вы его везете, а он ответил, в горы, пусть там скот пасет, сколько ему, спросила я, девять, ответил он, у него есть еще два брата, они в бегах, там он будет сыт, я спросила, и он не против расстаться с семьей, он смирился, ответил сосед, мальчик был круглолицый, белобрысый, маленький такой эльзасец, с чемоданчиком, и ему предстояло девять миль идти вверх по горной дороге. Сегодня был пасхальный понедельник, то есть, вчера, у нас было полно гостей, все спрашивали про американцев, поскольку Эйзенхауэру

предстоит некоторое время управлять Францией, естественно, они хотят знать об американцах как можно больше, я рассказывала о солдатах в последнюю войну, и один гость сказал, да, я помню, мне тогда было девять лет, мой отец был врачом, мы жили напротив госпиталя в Виши, там были американцы, и один брал меня с собой на рыбалку, звал меня через день, и мы рыбачили, он не знал ни слова по-французски, а я не знал американский, мы ни слова друг другу не сказали, но два месяца он через день заходил за мной и брал на рыбалку, ловил рыбу необычно, у него всегда с собой была бутылочка сливок, он вынимал кусочек ваты, обертывал им крючок, смачивал сливками из бутылочки и бросал в воду, и, добавил наш гость, рыба клевала, а спустя два месяца он уехал, мы так и не сказали друг другу ни слова, потому что он не знал французский, а я не знал американский. Этот гость пришел с дочерью, семилетней рыжей девочкой, и когда ей подали десерт на тарелке с нарисованными фруктами, она воскликнула, ой, банан, я помню бананы, а мои младшие братья и сестра не помнят, никогда их не видели, но я помню, я ела банан и запомнила очень хорошо.

Пасхальная неделя окончилась, и скоро что-нибудь произойдет, почти все забыли о немцах, люди имеют привычку забывать, но никто не забывает быстрее французов, и хотя немцы еще здесь, о них почти забыли, и все разговоры только об американцах, о да, ска-

зала наша кухарка, я буду им стряпать, американцам, разве не так, мадам, говорит она мне, а я отвечаю, да, я надеюсь, я определенно очень надеюсь, да, продолжает она, когда придут, мы повсюду развесим флаги, даже на земле расстелем, и я приготовлю им ужин, мы все надеемся, мы очень искренне надеемся.

306

С каждым днем этот час чуть ближе, и мы все безусловно и очень искренне надеемся, все мы надеемся совершенно определенно.

Помню, всегда интересовалась жизнью эмигрантов, переселившихся в Англию из Франции после Французской революции, несмотря на трудности, они безмерно радовались полной перемене образа жизни, любая перемена лучше, чем ничего, лучше, чем одно и то же, только никто об этом не подозревает, отсюда и первопроходцы, впрочем, эти люди и так искали приключений и в любом случае что-то делали бы, но та война, которая кладет конец веку, превращает его в другой век, из-за такого рода войн немалая часть населения всегда мигрирует, и в каком-то смысле людям это нравится, русским после революции нравилось, но сейчас масштабы гораздо крупнее, все перемещаются, на дорогах масса людей, они повсюду, и все не такое, как прежде, за исключением Америки, Англии и нескольких нейтральных стран все куда-то перемещаются и перемещаются. Сейчас добавилось население Румынии и Венгрии, и миграция все гуще, вот что свидетельствует

о конце века, все меняется радикально, абсолютно все, и это означает конец века. Сегодня пополудни я отправились в Сезерьё, довольно долгая прогулка, четырнадцать километров туда и назад, а на обратном пути устала, дает о себе знать небольшой ревматизм в одном колене, где-то посреди всемирного катаклизма ревматизм неизбежен, но я не о том, мы купили очень хороший пирог, а хороший пирог всегда удовольствие, без сомнения удовольствие. По дороге я обычно с кем-нибудь разговариваю, люди иногда слезают с велосипеда и идут со мной, так поступила и одна пожилая женщина, мы поделились друг с другом историями наших семей, она замужем, детей нет, но с ней живет внучатый племянник, она хотела узнать все обо мне, поведала все о себе, рассказала, что у нее гостила племянница из Бурга, мать этого самого внучатого племянника, что живет с ней, племянница только что родила и привезла с собой младенца, так вот эта племянница рассказала, что у них в Бурге в родильное отделение поступила женщина, которая родила шестерых щенят, не может быть, сказала я, может, сказала она, нечасто, но и нередко, видите ли, продолжала она, в такое время женщины утешаются с собаками, конечно, щенки не выживают, их выставляют в музеях, но так случается, да нет, не может быть, сказала я, да, подтвердила она, в Бурге однажды такое произошло с монахиней, а когда к ней пришел врач, собака его не подпускала. И что, это

в самом деле произошло, да, сказала она, такое случается, вот и случилось.

Ну что ж, жизнь продолжается, мы недавно прочли «Ричарда III», и то, что там говорится, созвучно нашему времени, почему бы и нет, всё так же, коли страна поступает так же, и век поступает так же, и все становится так же, вот так запросто.

308

Нас предупреждают в который уж раз, что будет авианалет на железнодорожные станции, а мы живем около очень важного железнодорожного узла, следует нам опасаться или нет, мы пока не решили, нынче под вечер была воздушная тревога, но никто не обратил особого внимания, что легко объяснимо, поскольку ничего не произошло, но разговоры продолжались.

Наша кухарка поделилась с нами секретом, как лечить дизентерию, взбить белок яйца в чашке с водой, останавливает понос мгновенно, ее сестра, у которой и впрямь бывали тяжелые колики, мигом спасалась, по словам Клотильды, именно таким образом. Она вычитала этот метод в старинной медицинской книге, написанной Распаем⁹⁹, в честь которого в Париже назван бульвар, я сказала, что хотелось бы взглянуть на эту книгу, невозможно, ответила она, книга в сундуке, сундуки старые, их много, пылятся в домике

99 Франсуа Венсан Распай (François-Vincent Raspail, 1794–1878) – французский деятель республиканского и демократического движения, химик и медик.

в моем родном городе, еще с 1918 года, история моей жизни, она рассказала бы еще, но ее сестра Олимпия наверняка рассердилась бы, мы не знаем, почему, но знаем, что рассердилась бы, поэтому и не уговаривали Клотильду продолжать. Булочник на три месяца закрыл пекарню, поскольку его старшая дочь начала продавать хлебные талоны, вместо того чтобы отдать их мельнику, и сегодня, чтобы отвлечься, булочник отправился искать сморчки, лучшие весенние грибы, но принес только шесть, мы спросили, что случилось с остальными, ваша жена потушила их в сметане, нет, он пошел в лес, и внезапно собака отчаянно завывала, залаяла и вообще повела себя странно, Боназ решил, что там наверняка труп горного парня, в тех местах встречаются замерзшие в снегу или убитые, он осторожно двинулся вперед, стараясь не всматриваться, но собака так взъярилась, что пришлось взглянуть, в чем дело, и он увидел дикого кабана, застрявшего в капкане, еще совсем недавно живого, конечно, он бросил искать грибы, привел мясника, они вместе принесли кабана в мясницкую, то есть зарезали на месте, где нашли, и не хотим ли мы мяса. Нам нравится мясо дикого кабана, но тут я не уверена, лучше не брать, и мы отказались, но нам хотелось грибов, может, он снова за ними пойдет, и он сказал, что да, но до сих пор не пошел.

309

Все волнуются по любому поводу, хотя никто не уверен, что есть повод волноваться. Се-

годня, 19 апреля 1944 года, мы были в Белле, там много немецких солдат, и, кажется, люди внезапно возненавидели их гораздо сильнее прежнего, все вдруг возненавидели их гораздо сильнее, чем прежде. Так обстоит дело. Это происходит внезапно, просто так.

310 Слабого и жестокого ненавидят куда сильнее, чем сильного и жестокого, вполне естественно, сейчас так и происходит, никто теперь не говорит о немцах, они всё еще сильны, и хотя я не уверена, что они более жестоки, чем были, поскольку они стали слабее, их ненавидят больше прежнего.

Мы слушаем сообщения о бомбежках не каждый день, не каждый, что естественно, если ты сам объект бомбежки, это не так интересно, чем когда бомбят не тебя, всегда вспоминаю занятную историю про землетрясение в Сан-Франциско, одному молодому человеку из группы подрывников поручили динамитом взорвать несколько домов, чтобы остановить распространение пожара встречным огнем, парень был очень энергичный, вдохновлен заданием, и что же, внезапно он сообразил, что подрывать предстоит его собственный дом, и был потрясен. Вот примерно в таком состоянии и мы сейчас, в конце апреля, когда на нас насылают тысячи бомбардировщиков. Мы были бодры, пока бомбили Германию, но сейчас нет, должна отметить, мы не особо радовались и бомбежкам Италии, но что поделаешь.

Столько историй, столько историй и такая неразбериха. Я недавно перечитывала «Шпиона» Фенимора Купера, и там, как позднее и в Канзасе, всякий может оказаться врагом, а может и не оказаться. Много ли парней в горах, никто толком не знает, вот что произошло с нашим другом, капитаном жандармерии, который всегда был к нам доброжелателем, он говорит, что, несмотря на происшедшее с ним, не знает точно, много ли в горах парней. Стояла еще зима, много снега, горные парни поехали куда-то на грузовике и повстречали немецких солдат на автомобилях, завязалась перестрелка, у обеих сторон были убитые и раненые, в деревне так перепугались, что в поисках убежища попрятались в погребах и не осмеливались выходить, и, услышав об этом, капитан приехал на автомобиле, чтобы успокоить людей, вызвал из укрытий мэра и священника, те приступили к своим обязанностям, занялись живыми и мертвыми, а сам он направился на почту звонить начальству в Бург, и тут в дверях возникли четверо горных парней с «томпсонами», у них у всех «томпсоны», и они увели капитана с собой в горы, в снег, и первая ночь была ничего, но во вторую еще похолодало, они взбирались выше и выше, и в какой-то момент перестали обращать внимания на пленника, и тот бежал, бежал, спотыкаясь, по снегу, много часов, пока не добрался до знакомой деревни, а оттуда домой в Белле, подхватил воспаление легких, лежал в посте-

ли, пришли немцы забрать его в Германию, но он был так болен, что отправился в больницу, а сейчас о нем, кажется, позабыли, но, как бы там ни было, он получил повышение, пока не очень здоров, но особо не тревожится. Он говорит, что парни в горах не знают, что делать, если бы они могли держаться подальше от немцев, но как жить, зимой в горах холодно, очень холодно. А сейчас конец апреля, и сегодня днем я услышала первый щебет соловья, они сначала щебечут днем, а потом начинают петь ночью. И, конечно, бомбардировки, недавний наш знакомый, молодой человек рассказал, что фабрику его отца в Лилле только что разрушили, он сказал, я только что узнал, мать и отец спаслись, и добавил, чуть не стал сиротой. Никто не понимает, на что надеяться, от чего расстраиваться, люди в замешательстве, и знать-то не стоит, что они думают, потому что они думают столько всего, столько всего и притом одновременно, достоверно одно, у французов ум не односторонний, это абсолютно ясно. Какое же у французов разнообразие эмоций и убеждений, одновременно и к тому же абсолютно противоположных, просто удивительно, но в одном противоречии французы едины, с одной стороны, они хотят, чтобы пришли американцы и выгнали немцев, с другой стороны, не хотят, чтобы американцы пришли, потому что, уничтожая немцев, они разрушат и Францию. Вполне логично. Кто-то только что зашел и рассказал,

что был в городе, где немцы казнили людей и вывесили плакат, подписанный немецким комендантом, там говорилось, что комендант сожалеет об этих ужасах, но казнь была необходима, поскольку гражданское население завело привычку высмеивать немецких солдат, а так, разумеется, дело не пойдет, французы и сами отлично это понимают, и что оставалось делать оккупационным властям, помимо того, что они сделали.

313

Поезда ходят реже и реже, и все равно люди ездят, конечно, все говорят, что пешком куда безопасней, и так поступают многие, французы привычные ходоки, им некуда деваться, когда случаются войны, надо ходить, да, говорили они, когда Гитлер со всей его моторизованной армией не смог добраться до Москвы, а вот французы при Наполеоне туда добрались, притом пешком, и всякий раз повторяли, притом пешком. Так куда вернее, говорят они, и правы, пешком наверняка попадешь, куда хочешь, а иные способы, полагают французы, не так надежны. Они больше доверяют своим ногам, чем другим средствам передвижения, в самом деле.

О боже, время от времени нам приходится садиться в поезд, просто поменять обстановку, то есть между делом и к дантисту надо, и прикупить книг на английском языке, уезжаем в Шамбери на целый день или в Эккле-Бен, как вчера, например, но когда возвращаешься, что-то увидев, это некая смена

обстановки, и от нее отчасти грустно. На станции мы заметили где-то тридцать юношей и девушек с чемоданами и плащами, нечасто доводится видеть такую картину, итальянцы и французы, угоняемые на работу в Германию, обычно их отправляют в пассажирских поездах, а на сей раз посадили в товарные вагоны, обычно так перевозят только солдат, любых солдат, и немецких тоже, как в последнюю войну перевозили французские и американские войска, печальная картина, они, парни и девушки, рассказали нам, что попали в облаву в Аннеси, и их отправляют неведомо куда, была ли причина их забирать, возможно, куда их отправят, никто не имеет понятия, каждый день – просто другой день, ведь Поуп сказал, что надежда в нашем сердце, как звезда¹⁰⁰, и сейчас ей самое время появиться, самое время. В Эксе было тысяч десять немецких солдат в госпиталях, все очень унылые, они ненастоящие, сказала одна женщина, просто привидения, и она права, они, маршируя с песнями, были как привидения, унылые привидения, механические привидения, чудное зрелище, но не будь они привидениями, получилось бы жутко, и надежде в сердце нелегко было бы засиять звездой, од-

100 Строчка из поэмы Александра Поупа «Опыт о человеке» (*An Essay on Man*, 1734): «Надежда в нашем сердце, как звезда; / Благословенье в будущем всегда, / На родину в томлении спеша, / Иную жизнь предчувствует душа» (пер. В. Микушевича).

нако они привидения, и обычная жизнь продолжается, как ей и надлежит.

Сегодня к вечеру я надолго отправилась гулять в горы, стоял ясный день, и когда я уже спускалась с горы далеко за деревней, Баскет залаял на прохожего, я окликнула его, а когда подошла ближе, увидела, что он не из местных, костюм серого сукна, твердая шляпа с полями, плащ через руку, очень загорелый, светло-голубые глаза, крупный нос, я заметила обручальное кольцо, на груди Орден почетного легиона и еще одна награда, которую не знаю, Баскет лаял, он не лает на местных, поскольку их знает, я сказала по-французски, он не кусается, только лает, и незнакомец спросил, он каниш¹⁰¹, да, ответила я, хороший пёсик, сказал он по-английски, а я сказала по-французски, нет, он не опасный, мне показалось, незнакомец подчеркнуто произнес *ик*, как это его характеризует? Всегда нервничаешь при встрече с незнакомцами, никогда не знаешь, мы с Баскетом пошли дальше вниз, а незнакомец вверх, через некоторое время я обернулась и посмотрела вверх, он же смотрел вниз, и, вернувшись домой, я спросила Элис Токлас, что она думает по этому поводу, но, естественно, думать было не о чем, не стоит думать ни о чем, нет, не стоит.

Как возникает ветер, в долине Роны всегда дует ветер, мы живем в долине Роны,

101 Пудель (фр.).

всё еще в период красного месяца, где, хотя и очень тепло, может подморозить и попортить кое-что, в этом лунном месяце дни трех святых¹⁰², или их только двое, святых снега и льда, и пока эти дни не пройдут, нельзя быть уверенным, и однако соловьи поют, ласточки прилетели, первоцвет зацвел, появились даже летучие мыши, уж они-то должны знать, но знают ли, и вдобавок все говорят, что в этом месяце произойдет высадка американских войск, и тому, кажется, есть некая причина, связанная с морем, но высадятся или нет, ни вы, ни я, никто не знает, вот единственно верное утверждение.

Сегодня почти конец апреля, на Париж падают бомбы, Петен отважился поднять французский флаг на куполе мэрии Парижа и с триумфом въехал в Париж, видите, женщина из Экса была права, оккупанты на самом деле привидения, иначе как такое могло произойти? Немцы правы, обзывая Петена хитрым дедом, он определенно таков, страна о нем позабыла, столько событий куда важнее, и когда молодежь забирали, он казался таким пугающе беспомощным и как будто не интересовался, что тут можно сделать, но теперь интерес мало-помалу возвращается, ведь он просто так вошел в Париж, где поднят флаг, встретился с прохожими на улице и заявил,

102 В христианской религии во вторую неделю мая отмечают день Ледяных Святых – св. Мамерта, св. Панкратия и св. Серватия.

я возвращаюсь, конечно, он настоящий, а другие привидения. Вирджил Томсон говорил, что Франция может принять все, в чем заложен витальный принцип долголетия, иными словами, они не любят, когда у них на руках кто-нибудь умирает, смерть должна быть прочной, как и все остальное, все их великие люди, Жюль Ферри¹⁰³, Клемансо и теперь Петен, все отличаются долголетием, они отчасти как китайцы, никуда не торопятся, других время убивает, а их нет, они упорствуют, в этом отношении они как китайцы, они упорно продолжают жить, восстают из пепла и продолжают жить, появление Петена в Париже так чудесно, так просто, так естественно, абсолютно и необыкновенно, все это вместе. Мы иногда сетуем на французов, и это вполне естественно, нынче случается много странностей, но когда они поступают вот так, это похоже на второй Верден, сокрушительно и несравненно.

Сегодня собрали первые ландыши, что за прелесть, комната наполнена ароматом, несмотря на то, что ветер иногда ураганный, и мы в ожидании всего на свете.

Следующий день принес разочарование, Петену пришлось выступить про партизан и тому подобное, но, видимо, ему необходимо было успокоить немцев после того, что он со-

¹⁰³ Жюль Ферри (Jules Ferry, 1832–1893) – известный французский политический деятель, проповедовал секуляризм и ратовал за расширение колониальных владений.

творил, независимо от его намерений, для всех это знак того, что немцы слабеют. Кюлоз стал центром сбора всех немцев из прилежащих городков, они огородили станцию колючей проволокой и заминировали подходы, заигрывают или пытаются заигрывать с населением, уверяют, что ничего плохого в Кюлозе не делали, всегда были любезны, на что народ говорит возможно, но посмотрите, что творили другие немцы, а эти сваливают все на Гитлера, мол, это не мы, это все Гитлер, повесьте его, а не нас, но на сей раз, на сей раз всё по-другому, как однажды объяснил мне один крестьянин, таковы уж немцы, не их лидеров надо винить, люди сами выбирают тех, кто поведет их туда, куда они не хотят, у них суицидальный инстинкт, сумерки богов, всегда движутся к саморазрушению, а когда оно случается, им не хватает ни гордости, ни смелости, и потому, как тот же крестьянин объяснил мне когда-то, он предпочитает, чтобы победили немцы, а не англичане, видите ли, говорил он мне, если победят немцы, мы всегда их перехитрим, а вот если выиграют англичане, я не уверен, французы предпочитают, чтобы выиграли американцы или русские, потому что у этих полно своих забот и они не будут долго их беспокоить, так рассуждают французы, и их позиция не лишена смысла.

Перед восходом всего темнее, по крайней мере, мы на это рассчитываем, нынче все в ужасной тревоге, сирены, самолеты, инте-

ресно, как там дела в Лионе и Париже, не голодают ли люди, интерес не праздный, движение поездов туда прекращено, всякое же может случится. Мы в деревне лучше обеспечены едой, у нас ее предостаточно, и она разнообразна, ешь сколько душе угодно, транспорта нет, избытки продуктов питания остаются там, где их произвели, а поля Франции, которые возделывают немногие старики, женщины и дети, дают совершенно необычайный урожай. Это чудо, которое не перестает меня изумлять, не очень-то здоровые отец и мать с очень старыми родителями и одним-двумя детьми, и сколько продуктов питания они производят: зерновые, вино, бренди, картофель, овощи, коровы и козы, масло и молоко, свиньи и куры, утки и гуси, быки, а корм для всех животных и еда для себя, объем продуктов, производимый одной семьей из пяти-шести человек, работающих не так уж тяжело, правда, непрерывно, но физически не ужасно тяжело, количество производимой ими пищи – бесконечное чудо, и у нас даже после четырех лет вражеской оккупации, отбирающей большую часть провизии, все еще есть, что есть, поразительно и продолжает поражать. Конечно, у каждого есть огород, который в достатке обеспечивает овощами и фруктами семью, а я еще забыла кроликов, каждый держит кроликов для мяса, тоже поразительно. Мы заинтригованы и ждем, мы говорим друг другу, конечно, не сегодня и не завтра, и когда я ска-

зала так одному старику, он ответил, то есть война затянется еще на два года, ну нет, сказала я, и он рассмеялся, в общем, сейчас 1 мая 1944 года, и война определенно не затянется еще на два года, определенно нет, нет. Интересно, когда все произойдет, но лучше не интересоваться, а ждать, и мы ждем.

320 У нас две курицы, замечательно, каждый день то одна, то другая откладывает яйца, а иногда и обе, месяцами они вместе приносили по десять яиц в неделю, теперь одна высиживает цыплят, а я с детства с таким не сталкивалась, поначалу пришлось призвать на помощь соседа, он снимал курицу с яиц, чтобы она подкормилась, а сейчас я расхрабрилась и сама снимаю курицу и сажаю обратно на яйца, похоже, курица должна всегда высаживать тринадцать яиц, это удачнее всего, но у нас только одиннадцать яиц, нужно нечетное количество, осталось десять, потому что одно курица раздавила, когда садилась, но никто не посоветовал забрать еще одно, чтобы получилось девять, мы надеемся, курица не заметит, что яиц десять, а не одиннадцать, и все вылупятся, и позднее мы их съедим, а пока мы нашли, где прикупить яйца, я же говорю, транспорт не ходит, все продукты остаются у сельчан, мы едим омлеты и беспокоимся о наших друзьях в Париже, у которых омлетов нет. С курами забавно, они так естественно остаются собой перед нами и друг перед другом, даже больше собак. Со-

баки общительнее, не такие индивидуалисты, и примечательнее всего разница их отношения к тем, с кем они познакомились в гостях, и к тем, с кем близко общаются на дороге, все совершенно иначе, с собакой, встреченной дома, они здороваются совсем не так, как даже с собакой, с которой постоянно сталкиваются на улице. В поведении собаки социальный характер превалирует, меньше индивидуализма, но куры не таковы. Боже, благослови кур, яйца такие замечательные, я съела сегодня свежее яйцо, конечно, вдобавок к мясу, картошке, моркови и яблокам, так что мы не страдаем от отсутствия еды, но несчастные люди в больших городах, даже богатые, страдают, это плохо. Все в хорошем настроении, потому что весна, 1 мая, все вышли на улицу, дети, даже малыши, Новая Франция, как называют их родители, с самодельными флажками из тряпок, и впереди, конечно, красная тряпка, забавно, все довольны, ну еще бы, птицы поют, каждую ночь и каждый день над головами проносятся самолеты, но ко всему привыкаешь. А вот к тому, что уводят столько молодых людей, не привыкнешь, и каждый раз, когда узнаешь, становится не по себе, одна женщина сегодня рассказала мне, что забрали ее брата, говорят, будто он был в грузовике с горными парнями, на самом деле нет, но кому-то понадобилось выдумать, что его там видели, парня забрали и упекли в тюрьму, в свое время в Билиньине, когда женщи-

ны жаловались на невзгоды, я их утешала, зато сыновья и мужа с вами, а теперь их нет, взаправду нет, и это очень печально. Ничего нет горестнее для страны, чем когда забирают всех ее мужчин, не так страшно, когда забирают в армию, они там солдаты, уходят и приходят, то в отпуск, то по ранению или еще по чему, но когда их забирают вот так, конечно, большинство вернется домой, но, боже мой, это ужасно.

Все еще первое мая, и мы мало-помалу ждем событий каждый день.

В горной местности зима совершенно внезапно переходит в лето, все этому радуются, такое удовольствие, лето есть лето, даже в мае, и тем не менее вздыхают, если б мы только могли им насладиться, трудно поверить, что лето есть лето, когда везде и кругом боши. Должна отметить, что в целом бомбардировки ведутся весьма аккуратно, даже та, в Руане, где по ошибке разрушили кафедральный собор и префектуру в центре города, там нет заводов и железнодорожных станций, случайно едва не убили любимую племянницу нашей бывшей женщины-мэра, и даже она, рассказывая об этом, воздержалась от осуждения, кое-кто злится, но большинство повторяют, что не сделаешь омлет, не разбив яиц, и признают, что хорошо приготовленный омлет – еда весьма желательная, и действительно, омлет хорош, особенно хорош омлет-сюрприз с целым желтком внутри, как готовит наша

кухарка, ладно, сегодня я прошла свои четырнадцать километров, чтобы забрать торт, который печет для нас славный сельский пекарь, торты слоеные, божественно вкусные, он печет нам по тарту на дни рождения¹⁰⁴, а поверх пишет поздравление сахаром, он тепло пожал мне руку и сказал, очень скоро все закончится, что закончится, спросила я, война, сказал он, а-а, сказала я, да, 15 мая высадутся во Франции, и все закончится к 14 июля, будет всенародный праздник, будет и международный, сколько звезд на вашем флаге, не знаю точно, сказала я, сколько их там сейчас, но наверняка много, а что, ну, сказал он, испеку вам чудный торт, вроде свадебного, по случаю счастливого дня, хочу украсить его флагами Америки и Франции, очень приятно, что он так уверен и уже беспокоится о количестве звезд на нашем флаге, я пришла домой, рассказала Элис Токлас, и та тоже порадовалась. По дороге домой я встретила одного человека, беженца из Лотарингии, у него там был свой магазин, и он процветал, а здесь он поденщик, братья ему помогли, и он смог отправить двух дочерей в хорошие школы, потому что, в конце концов, в конце концов, один его брат проектировщик на железнодорожном заводе в Нуази-ле-Сек, их только что бомбили, все разрушено, второй брат бригадир на фабрике в Нанси, и фабрика тоже в руинах, а еще один

104 Элис Бабетт Токлас родилась 30 апреля 1877 г.

брат где-то в Алжире, но от него нет вестей, мы распрощались, и каждый пошел своей дорогой. Пока у нас на железнодорожной станции хозяйничают немцы, и один, который надеется, что после поражения Германии с ним обойдутся хорошо, поскольку он сам со всеми обходился любезно, теперь завел привычку приходить в наш парк отдыхать, ерунда какая-то, мы не знаем, как от него избавиться, он пытается быть дружелюбным, а мы нет, конечно, мы не хотим, не хотим и все тут. В результате мы не забываем помнить, что немцы тут, их немного, но они всегда есть.

У нас очень приятные соседи, и у одного родилась девочка, пришлось назвать Мадлен, потому что на единственной, конечно, золотой брошке в семье было имя Мадлен, в наши дни не купить брошку с именем ребенка, имя дают по той брошке, что есть. Мы очень рады.

Через станцию проходит множество товарных поездов, идут целыми днями, и на вагонах названия городов, видимо, откуда они приехали, на днях я видела целый состав с надписью «Бреслау», и «Кенигсберг», и «Люксембург», и много польских и восточно-прусских городков, которые ныне мелькают в последних известиях, так странно, что эти вагоны здесь, далеко-далеко, как они сюда попали и почему, ни я, ни кто другой не знает, но они здесь, странная война, они почему-то здесь. Война странная.

Сейчас до нас доносятся ужасные истории о преступлениях немцев против гражданского населения, особенно против крестьян в горных районах, немцы что, стали хуже, чем были, потому что заперты, как крысы в клетке, или они не хуже, да только люди предполагают в них худшее, поскольку теперь надеются от них избавиться, трудно сказать, а может, это потому, что раньше их боялись и не обсуждали, что происходило, ментальность в такие времена проста и естественна, совершенно удивительна, не поймешь, кто и как чувствует, никак не узнать, разве что по чистой случайности, кто и во что верит, теперь все очень спокойно и все смешалось, каждый день приносит что-то новое, мелкие события, но они заполняют весь день. Каждый, кто хочет помочь, помогает. Такие вот дела.

Скоро 15 мая, мы отчасти подавлены, русские не делают победоносных объявлений под артиллерийский салют, и мы удручены тем, что американцы не высадились, хотя давно обещано, как раз сегодня сестра нашей кухарки, проводившая здесь отпуск, беспокоилась, как же ей путешествовать, раз предстоит высадка, и мы вдруг вспомнили, что год назад было то же самое, она боялась дальнего путешествия из-за неминуемой высадки войск, и приуныли, ведь год назад мы тоже полагали, что высадка неминуема, тоскливо, но сегодня вечером русские опять бодро объявили, что прорвали линию фронта в районе

Севастополя, так что, возможно, после стольких угроз волк и в самом деле объявился, возможно, ну да, возможно.

У нас в деревне теперь постояльцы, немцы, мне об этом подробно рассказал мэр, он говорит, что их присутствие отнимает у него последние силы, он несомненно устает, изнурен и утомлен, то и дело сложности, а тут еще беженцы, и надо их где-то разместить, иногда выходит комично, правда, иногда и нет, он поведал мне длинную историю об одной семье, для которой нужно было найти квартиру, квартиру нашли, семья предложила заплатить хозяйке вдвое больше того, что платят местные, и вдобавок, хотя это не принято, уплатила аванс, хозяйка встревожилась, обрадовалась, деньги взяла, но растерялась, однако сказала, что никогда не следует вмешиваться в чужие привычки, и все остались довольны. О боже, так оно и есть, боже мой.

Мы много говорим о послевоенном времени, о будущей организации мира. У нас есть приятель, у него много разных идей, он крупный промышленник в Лионе, электричество, по его мнению, должно стать новым золотом, то-се, и вдруг прошлой ночью я внезапно и бесповоротно поняла, что вообще-то золото обладает почти сакральными свойствами, поэтому оно и денежный стандарт, наверняка так. А причина в том, что золото – единственный бесполезный металл, оно годится лишь для украшений, его нельзя использовать в про-

мышленности, в зубном протезировании использовали, но перестали, потому что на деле оно не очень-то подходит, и даже немцы, которые способны из чего угодно извлечь пользу для войны, не могут найти применение золоту в военной промышленности. Удивительно, что золото – единственный совершенно бесполезный металл на свете, а значит, он обладает мистическим свойством индифферентности, это и сделало его денежным стандартом, и так будет всегда. Еще одно необычайное совпадение, как только его становится недостаточно, тут же обнаруживаются новые запасы в нужном количестве, дабы поддержать его стоимость. Как же золоту не быть стандартом. Именно оно и должно быть. Единственный металл, которому невозможно найти применение, должен стать мерой всех вещей, короче говоря, мистика – не полезность его, а полная бесполезность. Это необычайно и чрезвычайно утешительно, абсолютно утешительно и абсолютно необычайно.

327

У одной нашей курицы вот-вот вылупятся цыплята, одно яйцо оказалось с двойной скорлупой, никто прежде не видал яйца с двойной скорлупой, но верхняя разбилась, а внутренняя осталась, и слышно, как шевелится цыпленок, приятно, когда есть курица с выводком цыплят, очень приятно в военное время, когда мы все в ожидании высадки. Те немцы, что расквартированы у нас, рекомендуют не ходить в горы, поскольку, если объявят тре-

вогу, возможен парашютный десант, и стрелять будут без разговоров каждого, кто окажется вне дома, немцы очень нервничают из-за парашютистов и сейчас с нами очень вежливы, ну, они всегда были вежливы, здоровались, но теперь, здороваясь, еще и снимают шляпы, кругом рассказывают разные случаи, полно слухов и циркулируют разные даты высадки, разные даты окончания войны, и, к отвращению и удивлению местного населения, немцы обзавелись двумя коровами, а также козами и поросятами, выводят их пастись, сидят с ружьями за спиной, французы никак не могут усвоить, что немцы, кажется, боятся, уж так боятся местного населения, хотя население безоружно и настроено миролюбиво, но так уж сложилось, и так оно всегда. Одна женщина пасла козу не только у дороги, как все, но привела ее на луг, слышали, как она говорила, ешь, моя козочка, ешь хорошо, моя козочка, ешь без талонов, просто ешь, козочка, владельцы поля богатые, поэтому ешь хорошо, козочка. Женщина эта очень религиозная и делает много хорошего.

Многие напуганы, кое-кто постоянно плачет, но в основном французы живут по-прежнему, катаются на поездах, путешествуют туда-сюда и толком ни о чем не задумываются, кроме того, где бы раздобыть еще еды. Мы все так живем, делаем, что делали, и никто даже внимания не обращает. По-настоящему сейчас большая нужда в дожде, хорошо бы дож-

дя побольше, земля сухая, дует сухой ветер, и сейчас это вместе с бомбардировками и высадкой войск только и занимает умы людей. Курьезная история происходит с датами, в прошлый раз нам говорили, и информация, надо думать, обычно исходит от немцев, что ожидается высадка войск во Франции, так полагали немцы, так полагали и мы, а оказалось, не совсем, высадка случилась в Неттуно, в Италии, но в обещанный день, вот и сейчас нам всем говорили, что высадка точно произойдет 10-11 мая, но произошло генеральное наступление на итальянском фронте, странно, что дата точна, а событие нет. Это очень странно, что все знают всё, решительно все, но в каждом таком слухе есть подвох, так было с самого начала, так, полагаю, и продолжится.

329

Сегодня, переходя железнодорожные пути, я заметила длинный состав, полностью заполненный солдатами, и на каждом товарном вагоне флаг, который издали походил на французский триколор, естественно, мне это показалось странным, но вблизи вместо красного, белого и голубого я увидела черный, белый и красный, непонятно, немцы обычно не вывешивали флагов, как ни удивительно, я только сейчас сообразила, что немецкие солдаты, которых мы видели, а повидали мы их, боже праведный, целую кучу, пеших, в автомобилях, а в последние годы на железной дороге, но никогда, никогда, ни на мгновение ни один из них не выставлял флага, стран-

но, странно и то, что я не замечала до сих пор, до 15 мая 1944 года, когда увидела немецкий флаг на каждом товарном вагоне с солдатами, поезд стоял на станции, и я спросила женщину на перекрестке, чей флаг, а, ответила она, это итальянцы, это флаг солдат, которые сражаются за Гитлера, то есть флаг новой фашистской республики. У них хотя бы есть флаг, пусть даже у немцев нет.

Наверное, итальянцев везут во Францию сражаться, но итальянцы, ни один из них, из тех, кого мы видели, а повидали мы их немало, никогда не рвались в бой, даже если война складывалась в их пользу, а уж теперь точно не горят желанием. Мы нетерпеливы, но полны надежд, и трое святых льда и снега вернули холод в наши горы, говорят, что за польза от войны, когда она закончена, почему люди не могут себе уяснить, что война закончена, когда она закончена, она закончена.

Прямо сейчас люди забыли о войне из-за красной луны¹⁰⁵. Апрельская луна, та, что после Пасхи, опасна для сельскохозяйственных работ, потому что на нее приходится трое святых льда и снега, и тогда же Успение, тоже опасное для урожая, потому что оно посреди святых льда и снега, а если на Успение идет дождь, жди дождливой погоды в период сенокоса и уборки зерновых. Мы впервые узнали об этой ужасной луне, *rouge*, красной луне,

105 Красная луна, лунное затмение – признак ненастной погоды.

от Милдред Олдрич, она в последнюю войну жила в деревне, и мысли ее были заняты сельским хозяйством, вот и мы живем в войну и тоже интересуемся сельским хозяйством, и, увы, сегодня второй день святых льда и снега, все замерзло, Пасха запоздала, и потому красная луна появилась поздно, сейчас середина мая, виноград успел зазеленеть, картофель пустил ростки, но все, как говорят французы, «выжжено», у них про замерзшее говорят «спеклось», и в самом деле, виноградники и картофель издалика смотрятся так, будто по ним огонь прошелся. И, конечно, как они все говорят, в обычное время это было бы серьезно, но не так серьезно, как сейчас, когда едят то, что вырастили, на склонах холмов мороз не так опасен, но в плодородной долине, боже мой. Необычно, впрочем, как философски люди это воспринимают, они опечалены, ведь они так тяжело работали, но французы все *terrien*¹⁰⁶, как они себя называют, люди, которые думают о земле, работают на ней, заботятся о земле и поэтому успешно противостоят невзгодам войны, они привыкли рассуждать в терминах фермерства, урожай постоянно под угрозой, пока не убран, так и война, постоянная опасность, всё в такой опасности, пока не окончится, как и урожай, и все это вполне естественно, и французы воспринимают неприятности по мере их поступления, оправляются от них и живут до следующего урожая.

¹⁰⁶ Земледельцы, жители села (фр.).

Сегодня мне повстречалась женщина из Модана, беженка, чей дом разбомбили, она рассказала, что он еще стоит, хотя без крыши и без окон, возвращаться туда бессмысленно, поскольку стоит он около железнодорожного тоннеля, ведущего к итальянской границе, и неизбежно еще не раз подвергнется бомбардировке. У нее две козы и три черномордые овцы, отец ее государственный служащий, и она, как все беженцы, уверяет, что ой, это бесплодный край, ничего не растет, не то что у нас. Все беженцы твердо убеждены, что именно их родной дом расположен в самом благоприятном районе Франции, где замечательное сельское хозяйство, а там, куда они сбежали, почва бедна, люди невежественны, а домашние животные голодают. Такое явление было совершенно справедливо для той войны, верно и сейчас, как верно и убеждение, что место, где живешь, единственно правильное, без такого убеждения нет воли к жизни, без него всякий откажется от борьбы, но если каждый убежден, что живет в земле обетованной, воля к жизни есть. Чуть позже две малышки-козочки гонялись за моим Баскетом, и стоило больших хлопот от них избавиться, потому что мать-коза умерла, их воспитывала овца, они и приняли Баскета за овечку и свою мать. Баскету это не польстило, он был очень раздражен.

Забавно, что все это время французскому населению удавалось игнорировать немцев вокруг, молодое поколение даже взяло

за принцип не замечать немцев ни вообще в стране, ни у себя дома, теперь же, по мере того как немцы терпят поражение, да притом от французских войск, каждый готов осознать их присутствие. Одна женщина сказала мне, германские солдаты уверяют, что они не немцы, а поляки, сербы или чехи, например, какая-то ерунда, все понятно, они надеются, что их пощадят, но должны же в германской армии быть немцы. Это верно, они смотрят заискивающе, когда другие говорят между собой. Мы с Баскетом стояли у окна и разговаривали с мальчиком и его тетей, мы смеялись, а мимо проходили трое немецких солдат, они хотели, чтобы их заметили, хотели показаться дружелюбными, но никто не обратил внимания, конечно, никто их не заметил, хотя мы ощущали их присутствие и знали, что они хотели казаться дружелюбными, в прежние времена мы бы их и не видели, да и они не пожелали бы выражать дружелюбие. Все меняется, даже немцы, и все не меняется, даже немцы. Мы немного нервничаем, немного обескуражены, кончится ли когда-нибудь война, немного обрадованы очень приятными известиями из Италии, немного обеспокоены, потому что наши друзья в Париже едва выживают, время от времени мы отсылаем им большой круг сыра, но лишь от случая к случаю, у них нет газа, нет электричества, дров и угля. Здесь, в деревне, еды у нас вдосталь, даже больше, чем надо, случаются и курьезы, на днях кто-то про-

дал нам фунт риса. Вы не представляете, какое это удовольствие, когда в супе есть рис, раньше я была равнодушна к рису, но он стал редкостью и превратился в ангельскую манну, в пищу богов, чудесный рис. У итальянских солдат всегда был рис в супе, мы им завидовали, а вот сейчас у нас в супе рис. У нас всего в избытке, масло и сыр, хлеб, белый хлеб, рыба, мясо, овощи, и пироги, и мед, много всего, но, как я уже не раз говорила, из-за нехватки транспорта все, что производится в деревнях, там и остается, и у нас тут так. Совсем нежелательно во время войны жить в городе, деревня самое подходящее место, но в остальном мы думаем о двух вещах, о рисе и апельсиновом варенье. Что ж, такова жизнь, и таковы вкусы.

Можете ли вы поверить, что после войны два превратится в три, я имею в виду, народы и пищу.

Безусловно, никто, ни единая душа не думает, будто эта война покончит со всеми войнами. Нет, никто, нет, никто так не думает, думают только об окончании войны, никто не думает о будущем, нет, конечно, во всяком случае, о будущем без войн. Вначале надо покончить с этой.

Сегодня вечером слушала по радиоприемнику передачу из Америки, на английском языке передавали сведения о дорогах и местах высадки, о лесах, где можно укрыться, о глубине рек, все равно как в театре на романтической драме, прямо как в молодости,

«Секретная служба», и «Алабама», и «Девушка, которую я оставил», и «Сегодня колокол не должен прозвонить», и «Шенандоа»¹⁰⁷, это были истинные американские голоса, говорившие по-американски из штаб-квартиры, а мы в сердце Франции, по соседству с сотней немцев прямо в нашей деревне, с заграждениями из проволоки, с блокпостами вокруг железнодорожной станции, точно как в романе или театре, скорее в театре, чем в романе, все волнительно, придут ли они когда-нибудь, ну, так или иначе, я всегда была уверена, что высадки не случится до тех пор, пока не возьмут Рим, я была уверена еще год с лишним тому назад и все больше и больше уверяюсь, потому что это разумно, и к тому же есть ведь святая Одилия, а святая, которой было видение, наверняка разумна, и разумно ожидать высадки в Северной Европе после падения Рима, а к тому же, святая Одилия предсказала, что взятие Рима не станет концом войны, а всего лишь началом конца, и это тоже разумно.

335

107 «Секретная служба» (Secret Service, 1895) – пьеса американского писателя Уильяма Жиллетта (William Hooker Gillette, 1853–1937). «Девушка, которую я оставил» (The Girl I Left Behind Me Before, 1910) – роман американского писателя Веймара Миллса (Weymer Jay Mills, 1880–1938). «Сегодня колокол не должен прозвонить» (Curfew Must Not Ring Tonight, 1867) – поэма американской поэтессы Роуз Хартвик Торп (Rose Hartwick Thorpe, 1850–1939). «Шенандоа» (Oh Shenandoah, к. XVIII–н. XIX вв.) – американская народная песня неизвестного происхождения; Шенандоа – индейское название реки в штате Виргиния.

Разумно быть пророком, если видишь картину целиком и разумно, а разница в пятьсот лет не мешает быть разумным и последовательным, пережить всеобъемлющее видение нормально и естественно, каждый более-менее пророк, более-менее, более или менее, но святая Одилия абсолютный пророк, и Рим будет взят, а затем, спустя неделю-две случится высадка, и мы слушаем передачи на американском английском с инструкциями, чего ожидать и как поступать.

Все устали штопать, то есть, конечно, Элис Токлас, которая все штопает, штопает штопаное и перештопывает заштопанную штопку, все устали от штопки, все и каждый.

Близится 1 июня, стоит полная луна, но бомбардировки, особенно самые массивные, происходят днем. Ужасно, когда слышишь о бомбардировках в других местах, мало тебе известных, особых чувств не испытываешь, но в Шамбери ужасно, мы знаем Шамбери очень хорошо, часто там бываем, там все такие приятные, доброжелательные и услужливые, недавно у нас обедал Рене Рёло, и тут прозвучал сигнал тревоги, мы, как обычно, не обратили внимания, никто не обращает внимания, затем отправились на такси в Белле, а Рене назад в Шамбери, и добравшись до Белле, мы узнали, что Шамбери не только бомбили, но там разнесло в щепки и сожгло лавки, куда мы всегда заходили, и красивую статую слона, и аркады, мы думали, как Рене туда едет, а его мать там од-

на с мужем-инвалидом, какой ужас, конечно, бомбардировки нужны, потому что, ну, потому что нужны, но, боже мой, так близко и дорого, я имею в виду те места, которые часто и с удовольствием посещаешь. Люди там отважные, конечно, жалуются, да и кто бы не жаловался, железнодорожник, с которым я беседовала сегодня, был в Амберье, когда станцию бомбили, наверное, опасно, сказала я, нет, ответил он, бомбы всегда проникают в землю, а мы не в ее чреве, мы снаружи, чего ж бояться? У нас в парке есть бомбоубежище, дети и женщины должны там укрываться, но они, конечно, им пренебрегают, собирают маргаритки в поле, а женщины стоят рядом, сирена длится долго, один малыш сказал, а чего ж они кнопку не нажмут. Он, разумеется, уже научен. Вчера к нам пришел немецкий солдат и поинтересовался, нельзя ли германским солдатам укрываться в нашем погребе или в убежище, но Элис Токлас сказала, нет, это только для женщин и детей, обратитесь к мэру, тогда солдаты решили выкопать себе траншеи, но когда начали копать, под верхним слоем почвы обнаружили гранит, сегодня они сказали, что при воздушной тревоге будут просто приходить и сидеть в парке, а Элис Токлас предупредила, если так, ведите себя тихо, и они согласились.

Позавчера на прогулке я услышала, как позади меня кто-то насвистывает «Мадлон»¹⁰⁸,

108 «Мадлон» (La Madelon или Quand Madelon, 1914) – популярная французская песня времен Первой

которую пели марширующие молодые рекруты в Первую мировую, и я сказала этому человеку, я признала в нем железнодорожника из Лиона, с которым часто беседовала в прошлом году, когда он появлялся в своем огороде, и я ему сказала, вы поете «Мадлон», да, ответил он, скоро, через месяц, мы все ее запоем, через месяц она будет звучать повсюду, вы, спросила я, так думаете, я не думаю, ответил он, я уверен. В общем, он рассказал, как в ту войну, как раз после Вердена, его, семнадцатилетнего, призвали в армию, и когда он и его малолетние товарищи по оружию отправились на фронт, арабские солдаты издевались, мол, взгляните на семнадцатилеток, это ж не мужчины, еще детки, как пушки загрохочут, они запросятся к папе и маме. Удовольствия мало, сказал он, меня сделали санитаром, потом взяли в плен, но испанский посол заступился, и меня отправили домой, а когда вернулся в армию, служил с американцами в Сен-Миеле, отличные ребята, отправлялись на марш с дымящейся трубкой во рту и с ружьями за плечами, а не наперевес, немцы стреляли, а американцы не отвечали, пока не забирались наверх, отличные ребята, продолжал он, а как мы напились, когда объявили перемирие, да и не только, болтали по-французски, по-немецки и по-английски, но всегда друг друга понимали. Я сейчас представляю, как они

мировой войны, слова Луи Буке, музыка Камилля Робера.

в Италии. А как немцы на станции, спросила я, прошлой осенью он рассказывал о них забавные истории, как они теперь, как они теперь, переспросил он, теперь, если наступишь им на ногу, они извиняются.

Сегодня в который раз нам сообщили новую дату окончания войны. Одна женщина лежала в больнице и как-то сказала врачу, без толку лечить мою соседку, она умрет нынче ночью, ерунда, ответил врач, она прекрасно себя чувствует, а я вам говорю, настаивала женщина, и действительно, больная соседка умерла, и так эта женщина не раз предсказывала подобное, и в конце концов врач сказал: коль скоро вы ясновидящая, то есть обладаете дополнительным видением, скажите, когда кончится война. А, сказала она, это я могу предсказать только за день до своей смерти, и вот однажды она позвала врача и сказала, завтра я умру, так что сегодня могу сказать, когда кончится война, в пятницу, 13-го, это будет в июле, в пятницу, 13 июля, война закончится, и на следующий день она умерла. Что ж, посмотрим. Впрочем, святая Одилия предсказала, что взятие Рима не будет концом войны, а началом конца, она определенно была права, определенно была права и есть.

Один наш друг, промышленник в Лионе, раньше выпускал шелк, а ныне переключился на целлюлозу и стекловолокно для текстильной промышленности, и он говорит, что после войны королем тканей станет хлопок, все, заявил

он, мечтают о натуральном, никаких заменителей, все хотят настоящий хлопок, настоящий кофе, настоящий шоколад. Хотят настоящую горчицу, настоящее подсолнечное масло, настоящее сливочное, настоящий сахар, хотят натуральные продукты, а не эрзац, и они эти продукты получают, обязательно получают.

340 Одна из примечательных черт нынешней молодежи – они никогда не говорят о своем будущем, у нынешнего поколения нет будущего, ни у одного из них, и потому, естественно, они о нем и не думают. Поразительно, они не живут в настоящем, они просто живут, как могут, и ничего не планируют. Это необычайно, у целого поколения нет планов на будущее, ни у кого. Безусловно необычайно, но безусловно верно.

От войны к войне. Я выучилась водить машину в последнюю войну, и водила, и на машине въехала в эту войну, но не водила вот уже два года, а сегодня продала машину, и, глядя на машину, готовя ее к продаже, я как будто совершенно позабыла, для чего в ней некоторые устройства и кнопки, так и происходит от войны к войне, начнешь что-нибудь в одну войну, потеряешь в следующую. От войны к войне.

Вот так, остается поблагодарить машину за то, что не доставляла беспокойства до, во время и после войны.

Воздушная сирена больше не работает, может, износилась, здесь говорят, что ее выве-

ли из строя, но кто, неведомо, немцы будут трубить и нас предупреждать, но если спишь, трубой разбудить невозможно, поэтому все и предпочитают такой способ, только и разговоров, что о бомбежках, никому они не нравятся, и хорошо ли целятся – тема жарких споров, говорят, что зря они летают так высоко, хотя нельзя не признать высокую точность попаданий, и однако, говорят, если б самолеты летели низко, в округе случалось бы меньше разрушений, противовоздушной обороны практически нет, почему бы не летать низко, некоторые утверждают, что бомбежки вообще не нужны, местное население будет недовольно, а они любят американцев, но я сказала, вы, французы, знаете себя: забыть прошлое и радоваться настоящему, да, отвечают они, но наши города разрушены и жители пострадали, о боже, говорят они мне, вы что, не можете их остановить, увы, отвечаю я, мне так жаль, когда уничтожают любимые места и убивают французов, но что я могу поделать, ну что ж, говорят они, все это тянется долго, очень долго, и даже мы, заядлые оптимисты, постепенно превращаемся в пессимистов, ведь так долго тянется. Одна женщина рассказала мне, что ее зять, государственный служащий на пенсии, даже теперь не тратит всех денег на еду, говорит, что всегда хранит деньги на крайний случай, на черный день, и что, спросила его свояченица возмущенно, ты чего, думаешь, может стать еще хуже, и он не ответил.

Сегодня в нашем городке состоялась конфирмация ста шестидесяти детей, но епископ у нас не задержался, все-таки бомбят, вообще не стоит нигде задерживаться. У нас достаточно еды, кроме хлеба, что объясняется отсутствием транспорта, о боже, говорят французы, о боже, лучше б они высадились и сражались на земле, нам бы лучше так. Я уверена, говорю я, что через неделю после взятия Рима они высадятся. О боже, вздыхают они, но ведь святая Одилия сказала, взятие Рима еще не означает конец войны, а только начало конца, а нынче вечером войска союзников подошли к Риму. Я продала свой автомобиль другу, чей автомобиль разбило в Лионе на той неделе при бомбардировке, а друг работает в Красном Кресте, ему автомобиль необходим, жаль было расставаться с автомобилем, но в будущем появятся много других, стоит жара, мы в ожидании, да, в ожидании.

Сегодня взят Рим, сбывается предсказание святой Одилии, такая радость, такая радость, еще не конец, но начало конца, и это немного отвлекает людей от бомбежек во Франции, от гибели гражданского населения, гражданское население – это странно, ну, не совсем странно, это осталось с тех времен, когда в армии были не только профессиональные бойцы, но зачастую и наемники, поэтому разница между солдатами и местным населением была существенна, но только в Гражданской войне в Америке впервые перестали замечать

эту разницу, армия была народной, и когда Шерман совершил свой поход через всю Джорджию, он заявил, что война это ад, надобно разрушить закрома, благодаря которым держится враг, и это кратчайший путь к победе, в Европе армии гражданские по составу, включают все население, все мужское население, и нет разницы между гражданскими и военными. Наша девочка-служанка в Билиньине, едва заходила речь о бомбежках в Германии, под которыми погибали женщины и дети, говорила, но ведь каждая немка – это в итоге семь немецких солдат, другими словами, обезвредь змею в зачатке, но на самом деле, здесь очень мало кто так считает, им по-прежнему кажется, что гражданское население отдельно от военных, и поскольку люди крайне недовольны развитием событий, я не объясняю, что ситуация такая же, как в Гражданскую войну, что мы – те же закрома, то же вооружение, мы обеспечиваем врага материально, обеспечиваем ему железнодорожные коммуникации, а американцы их разрушают, как во времена марша генерала Шермана к морю, когда повсюду разбирали рельсы, только теперь рельсы бомбят, и в то же время, конечно, над немцами насмеваются, при бомбежках они первыми в поисках укрытия разбегаются по полям и холмам, храбрыми их не назовешь, о нет, эти птицы, наши гости, как их тут зовут, они бесштаные младенцы, совсем не храбрые. Забавно, но верно, они не храбрые, как другие муж-

чины, это правда. Однако ночью пал Рим, все забыли о бомбежках, французам очень легко забыть и простить, простить и забыть, вот так запросто. Рим взят, а святая Одилия упреждает, что это еще не конец, но начало конца.

344 Сегодня, гуляя с одной женщиной, мы повстречали немецких солдат, те заискивающе поздоровались, а мы, само собой, не ответили, позднее я разговаривала с женой мэра около ее дома, по дороге прошел немецкий солдат, вежливо нам поклонился и поздоровался, в чем дело, спросила я жену мэра, такого раньше не замечалось, как думаете, им отдали приказ так себя вести, да нет, ответила она, нет, причина тому Рим.

Она рассказала мне случай. Ее муж, понятное дело, вынужден был снабжать немцев всем, чего бы ни попросили, и нередко они просили то, в чем впоследствии не нуждались. Однажды им что-то потребовалось, и они попросили мэра вместе с ними поехать на поиски, и он ответил, да, конечно, как всегда вежливо, они заехали за ним в крытой машине, а жена мэра стояла у калитки, провожая, и офицер, сопровождавший мэра, обратился к ней, мадам, плачьте, мы забираем вашего мужа. Нет, сказала она, храбро сверкая глазами, я не буду плакать, но, сказал офицер, вы должны плакать, мы ведь уводим вашего мужа. Нет, сказала она, нет, не буду. И автомобиль умчался, а если бы я и заревела, сказала она, то не перед ними, но, сказала я, вы заплакали? Нет,

сказала она, потому что я им не поверила, мужа не было три часа, последний час оказался невыносим, но наконец я от калитки увидела, как муж появился из-за угла. Вздохнула с облегчением. Он ни словом не упомянул об этом разговоре, видимо, не слышал, что говорил мне офицер, а сама я, конечно, ничего не сказала. Но, спросила я, зачем же офицер так поступил, чтобы заставить меня плакать. Садизм, сказала я, да, сказала она, только бы почувствовать себя хозяевами.

Это было вчера. А сегодня произошла высадка американских войск, о чем объявил Эйзенхауэр, он здесь, американцы здесь, только вчера некто продал нам десять пачек сигарет «Кэмел», о счастье, мы все поем «Слава, слава, аллилуйя!»¹⁰⁹, ощущение прекрасное, все звонят, поздравляют меня с днем рождения, хотя сегодня и не мой день рождения, но мы все понимаем, что это значит. Я отвечаю, надеюсь, им всыпали по первое число, мы все надеемся, сегодня и есть тот самый день.

Пока сегодня гуляла, побеседовала с девочкой, на вид лет девяти, но на самом деле четырнадцать, ее родители перебрались из Рима, прожили во Франции некоторое время, дети родились во Франции, девочка сказала, что они все небольшого роста, она так точно невысокая, мы говорили о еде, и она сказала,

109 Имеется в виду «Боевой гимн Республики» (The Battle Hymn of the Republic, 1862), американская патриотическая песня.

что ей хочется апельсин, я спросила, а банан, ты знаешь, что такое банан, да, сказала она, я ела бананы, но мои младшие братья и сестры никогда их не видели, а кое-кто не помнит и апельсин, и она вздохнула, ну, рано или поздно, конечно, придет время, само собой, человеку нужен хлеб, но апельсины, лимоны и бананы тоже нужны.

346

Сегодня лишь третий день после высадки, но какие перемены. Все в открытую насмеются над немцами, девушки, высунувшись из окна, распевают «Марсельезу», все в деревне так счастливы, говорят, наш департамент, департамент Эн, освободят первым, за ним Савойю и Верхнюю Савойю, и в самом деле, горные парни оживились, совершенно отрезали Бург, крупнейший город в департаменте, от других городов, прекращено движение на железной дороге, партизаны охраняют железнодорожные пути, прервано телефонное сообщение, оккупировали несколько важных соседних городков, и немногим оставшимся немцам крайне неуютно, у нас их около пятидесяти, им приказано сражаться с горными парнями, но солдаты отказались, командир произнес пламенную речь, и им пришлось подчиниться, но поезда не ходили, пришлось реквизировать грузовики и автомобили у французов, и немцы отправились сражаться, а я сидела у жены мэра, мы наблюдали, как они уходят, никакого сравнения с германской армией 1940 года, боже милостивый, да.

Нам только что рассказали, что когда немцы атаковали горных парней, те просто поднялись повыше в горы, временами они даже не ввязываются в открытый бой, просто сбрасывают сверху камни и дразнят, ку-ку, ку-ку, а французы кукушками зовут тех, кто присвоил чужое гнездо. Немцам не нравится, когда их обзывают кукушками, но что они могут сделать? Молодежь веселится, взрослые, естественно, тревожатся, но молодым весело.

347

На плечи мэров легла полная ответственность за их городки, все коммуникации нарушены, никакой связи с властями, мэры – единственная и высшая власть, а французские мэры, даже в самых малых городках, – люди способные. Наш мэр прекрасно о нас заботится, ухитрился раздобыть муку, и это очень важно, французы не любят жить хлебом единым, но жить без хлеба они попросту не могут, картошка, говорят они, заполняет желудок, но через час ты опять голоден, а хлеб по-настоящему сытен, поэтому хлеб у них должен быть, и пока наш мэр ухитряется его добывать. Было бы замечательно, если бы наш департамент освободили от немцев первым, это возможно, местные горные парни довольно активны, было бы отлично.

Канюк утащил одного за другим трех цыплят, история вполне естественная, обычно охотники каждый год отстреливали немало канюков, чтоб не воровали цыплят, теперь же, после трехлетнего запрета на охоту, канюков

развелось видимо-невидимо, так и носятся в воздухе.

348 Много чего носится в воздухе, но больше всего слухов. Бывают довольно занятные правдивые истории, горные парни на днях появились в Амберье, один пришел на почту и включил воздушную тревогу, население, включая немцев, в ожидании бомбежки разбежалось, а горные парни ворвались в железнодорожное депо, взорвали немало паровозов и скрылись до возвращения немцев. Последний слух – Белле в руках горных бойцов, одно очевидно, поезда через станцию не ходят, я сегодня там была, никогда не видела настолько пустынных станций, только в молодости, когда пересекла континент во время Пульмановской забастовки, но что тут поделать, вот уже в третий раз мы лишены телефонной связи, спасибо, что нам оставили электричество и радио, это хорошо. Сколько это продлится, нам неизвестно, но, так или иначе, высадка войск продолжается, и когда официальное французское радио сообщает, что немецкое руководство совершенно спокойно, мы знаем, что все наоборот, мы, однако, боимся, что в дом ворвутся немецкие дезертиры, сегодня один явился, сказал, что разыскивает немецкую женщину, но мы расположены в предгорье, а не в городе, поэтому объяснение, похоже, липовое. Баскет лает и лает, будто свирепый пес, а не агнец, да оно и к лучшему. Что-то происходит, то есть ничего не происходит, нет поездов, нет

почты, телефона, никто никуда не ходит, кроме нескольких несчастливцев, одного я сегодня видела, немного чудной, в деревне целый день полуденное затишье, немцы лихорадочно реквизируют огромные бревна для баррикад против горных парней, все ухмыляются, мол, сильно им это поможет, по общим оценкам, немцев во всем департаменте тысячи три, а поскольку горные парни при каждой стычке убивают лишь нескольких, времени потребуются изрядно, но с другой стороны, немцы зажаты, передвигаться могут только вдоль дороги на отрезке километров в пятьдесят и вынуждены возвращаться, молодежь собирается вместе, полиция тоже, вчера, в воскресенье, нас навестил друг из Белле, все спокойно, разве что повсюду горные парни охраняют дороги, но парни очень вежливы, помогают толкать машину, если застряла, сейчас все очень вежливы, мэр разъезжает на велосипеде по окрестным деревням, собирая избыток продуктов для своих жителей, до сих пор ему прекрасно удается, серьезная проблема одна, если нужно доставить больного к хирургу на операцию, трудно найти транспорт, все таксисты вывели свои автомобили из строя, чтобы не обслуживать немцев, и боятся их ремонтировать, даже чтобы перевозить французов, сейчас первое воскресенье после высадки, и все ожидают, что к концу недели немцы уберутся. И они уберутся, о да. Бог мой, люди счастливы, не немцы, а местные, даже коллабора-

ционисты, как люди их именуют, почему бы и нет, они ведь сотрудничали, потому что боялись, боялись коммунизма и немцев, вдобавок некоторым французам казалось, что немцы чересчур сильны, но сейчас немцы слабы, и никто не говорит эту фразу, которая так нас раздражала, мол, они все еще сильны, и больше нет коллаборационистов, англо-американцы доказали, что сильны, коллаборационисты меньше боятся коммунизма и совсем не боятся немцев, совсем, веселье практически всеобщее, немножко настороженное, но полное. Кто-то рассказал мне, что в Бельгарде горные парни захватили немцев в плен и заставили работать, очищать картофельные кусты от колорадских жуков, это единственная сельскохозяйственная работа, которую одинаково ненавидят все французские мужчины, женщины и дети, и горные парни надеются совершенно очистить посевы от вредителей руками пленных немцев. Все в восторге, говорят, что картофель пришел из Америки, в последние годы оттуда же, похоже, пришел и картофельный вредитель, а теперь благодаря Америке здесь, вдали от Америки, удалось захватить в плен немцев, и пусть пленники целыми днями очищают картофель от картофельных вредителей.

Взбуждены ли мы, да, еще как, вокруг нас идут сражения, разговоры в деревне звучат точь-в-точь как военные коммунике югославов в первые дни их партизанской войны, только у нас есть, мы надеемся, одно огром-

ное преимущество, немцы не могут получить подкрепление, потому что все железные дороги перерезаны, все прочие дороги контролируются горными парнями, к тому же нынче у немцев другие заботы, даже если б они и могли прислать подкрепление, чего они не могут. Весь день немцы носятся взад-вперед по городу, реквизируя грузовики, увы, с французскими водителями, они едут сначала в одну сторону, вскоре возвращаются, щетинятся ружьями, а недавно установили в деревне пушки, такие же, как и везде, мы в легком страхе пошли взглянуть, а потом в тот же день они убрали пушки, боя так и не случилось, немцев предупредили, что пока они где-то, у нас орудут горные парни, но парней не было, разумеется, нет, это-то и изводит немцев, они постоянно ищут горных парней там, где их нет, а когда не ожидают, внезапно на дороге взрывается грузовик с германским грузом, мы живем на высокогорье, и такие вещи легко осуществимы, все ведь настроены против немцев и помогают их противникам, ужасно, должно быть, когда ты окружен, полностью окружен ненавистью, ужасно, по-настоящему ужасно. Один немец сказал нашему булочнику, который в Первую мировую был в плену и немного выучил немецкий, что деревенским лучше быть поосторожнее, сам-то он особо не обращает внимания, когда дети обзывают его свиньей, но другие обращают, и могут выйти неприятности. Иногда в деревне мало немцев,

иногда много, но много или мало, все они изнурены, горные парни многих убивают или ранят, из Экса примчались пять машин скорой помощи, немецкие, конечно, большие, забрали раненых после вчерашнего сражения, а немецкого капитана, который был здесь, только что поймали в Амберье. Горные парни в городах не остаются, прячутся в предгорье, спускаются в город, только чтобы забаррикадировать все дороги, и возвращаются, беспрерывно мотаются вверх-вниз, перерезали все телефонные и телеграфные линии, немцы не могут координировать свои действия, а им ведь надо ездить по дорогам, на днях неподалеку от нас итальянец, спрятавшись в канаве на обочине, застрелил двух проезжавших мотоциклистов, выбрался из канавы и пошел себе дальше, как немцам отличить, кто есть кто, да никак, все это очень волнующе, никто не работает, разве что в огороде, потому что железнодорожная станция и несколько местных фабрик остановились из-за отсутствия сырья, отсюда ничего нельзя отправить, здесь ничего нельзя получить, блокада весьма эффективна, немцы, которых постепенно отстреливают, толком ничего не могут, разве что по чуть-чуть ездить взад-вперед, зря они не убрались, как только прервалась связь с Италией, после этого уже не было причин оставаться, но они народ медлительный, ухитряются всё делать с опозданием, спасибо небесам за это. Я-то думаю, они все-таки люди, но выглядят ужасно, и даже

в дни своего наивысшего успеха были чудовищно мертвы и живы, скорее мертвы, чем живы, хоть и живы. Это не предубеждение, а факт.

Мы взбудоражены.

Возможно, департамент Эн первым полностью освободят от бошей. Было бы замечательно.

Вокруг идут бои, сегодня после обеда мы с соседом сгребали сено и неподалеку слышались пушечные выстрелы, никто, кажется, толком не понимает, что происходит, у мэра, обычно хорошо информированного, нет времени об этом думать, у него забота, как найти мяснику телят, чтобы тот наготовил мяса для сельчан, мы-то сами хорошо обеспечены, нам приносят рыбу, замечательную рыбу, хорошую озерную рыбу, хлебный вопрос не так важен для меня и Элис Токлас, хлеба мы едим немного, но хлеб исключительно важен для французов, сколько бы ни употребляли картофеля, через час-два они уже голодны, дороги к мукомольной мельнице завалены деревьями, забаррикадированы либо немцами, либо горными парнями, и даже если бы мэр и достал пшеницы, как ее превратить муку, однако остается Савойя, где необъяснимым образом есть всё, нам недавно человек из Савойи дал килограмм замечательного свежего масла, и мэр надеется достать в Савойе муку, Савойя всегда богата продуктами, что бы ни происходило, там всегда можно раздобыть мясо, рыбу, домашнюю птицу, масло, сыр, мед, и да, мясо,

не знаю, откуда все берется, и однако же, а мы ведь через Рону от Савойи и потому неплохо обеспечены, даже если целиком отрезаны от остального мира, как оно и есть на самом деле. Сегодня впервые с высадки получили письма из Лиона от швейцарского консула, который здесь представляет интересы Америки, нас официально попросили заполнить документы, желаем ли мы репатрироваться или нет. Мысль приятная, не прошло и десяти дней после высадки во Франции, а американские власти уже уверены, что вскорости смогут репатриировать всех американцев, находящихся в стране. Мы хихикали, ну и оптимисты. Естественно, американские власти и не представляют себе, что такое жить в оккупированной стране, они просят указать религию, собственность и ее стоимость, можно подумать, кто-нибудь осмелится заполнять такие бумаги, пока в стране немцы, которые при желании в состоянии их прочесть. Американские власти утверждают, что сообщить все это нужно срочно, но, думаю, все здешние американцы решат так же, как и мы, лучше держаться в тени, пока немцы не уйдут естественным порядком, подольше прикидываться баранами. Вот так.

Мы живем в подвешенном состоянии, без новостей, только по радио, газет нет, поездов нет, нет почты, телефона, даже добратся до Белле невозможно, тут на семнадцать километров, которые нас разделяют, двадцать

три баррикады. Мы живем замкнуто в своей деревне, немцы снуют туда-сюда, слышна канонада, некоторые деревни сожжены, и это все, что известно. Немцы угрожали ввести комендантский час с шести вечера и запретить гражданский транспорт на дорогах, включая велосипеды, но мэр объяснил немцам, что это невозможно, из-за жары нельзя выгонять скот на пастбище до половины шестого, невозможно работать в поле до четырех, во Франции поля довольно далеко от дома, а сейчас время сенокоса, нужны телеги, так что немцы согласились и установили комендантский час с девяти вечера.

Реальна ли жизнь, всерьез ли жизнь, нет, я так не думаю, явно нет.

Нынешняя война странная, она ужасна, но превращает все вокруг в нереальное, в реальную нереальность.

Наверное, одиноко было людям в Средние века, и вполне понятно, они, конечно, были заняты, добывая пропитание, но абсолютно отрезаны от внешнего мира, и в нынешнюю войну с ее заблокированными дорогами отчасти одиноко, но наши друзья все-таки ухитрились пробраться к нам из Белле на повозке, запряженной пони, мы радовались встрече, и кроме того, они привезли нам денег, что тоже очень пригодилось, разъездной банковский служащий обычно появлялся раз в неделю, но на сей раз не появился, а деньги в наше время настоятельно необходимы.

Сегодня американцы одержали очередную победу и собираются войти в Шербур, новость приятная. Конечно, в Средние века не было радио, у нас угрожали отнять радиоприемники, но не отняли, а теперь уже поздно, я люблю слушать американские голоса. Сейчас у нас тихо, никто не понимает, что происходит, но все спокойно, мы даже получили сегодня письма из Лиона.

Хлеб и пирог, пирог и хлеб, что лучше, я думаю, когда есть хорошее масло, хлеб лучше пирога, но когда нет хлеба и масла, есть пирог, тут Мария-Антуанетта была совершенно права¹¹⁰.

Появились беженцы из Нормандии, друзья жены мэра, ушли из Нормандии семь дней назад, пешком, и на велосипеде, и на поезде, семь дней добирались, их семеро, включая троих детей, да мать вот-вот должна родить, по ночам останавливались, рыли окопы, чтобы укрыться от бомбежек, и рассказали, что железные дороги на севере все перекрыты, повсюду разбросана немецкая техника, немцы передвигаются проселками, поскольку крупные дороги непрерывно бомбят, похоже на, да ни на что не похоже, хотя это в некотором роде описал Уэллс¹¹¹, никто ничего не говорит, разве что это надол-

¹¹⁰ По версии Жан-Жака Руссо, в ответ на жалобы крестьян на нехватку хлеба Мария-Антуанетта, жена короля Людовика XVI, якобы ответила: «Пусть тогда едят пироги».

¹¹¹ Очевидно, имеется в виду роман Герберта Уэллса «Война миров» (The War of the Worlds, 1898).

го, *c'est longue*, неизбежный, пожалуй, человеческий вопль, а тем временем орлы уносят наших цыплят и утят, поскольку ружей нет и люди не могут стрелять в орлов, у нас было семь цыплят, осталось двое, несчастная курица кудахчет, аж поблекла, но что поделаешь, без толку кричать или блекнуть, раз никому не позволено отстреливать орлов. С другой стороны, пшеница, вино и картофель уродились, будет в достатке еды, если найдется кому есть, когда все закончится, беженцы из Нормандии рассказали, что у них там можно было купить килограмм масла за десять франков, но никто не покупает, кто-то вроде бы продает, но нет покупателей, и при этих словах мы, естественно, вздыхали, хотя сами не хотим оказаться там и его купить.

Сегодня комендантский час установили с шести вечера, все окна, выходящие на улицу, надлежит затемнять с этого часа и до семи утра, жители недовольны, поскольку животных нельзя кормить в жару, а работа в полях продолжается с рассвета до заката, естественно, народ волнуется, никто не знает, почему такие ограничения, но я думаю, немцы боятся горных парней или парашютистов, однако в самом деле, если светлое время суток длится до десяти вечера, зачем вводить комендантский час в шесть? Французы воспринимают ограничение просто, это все для того, чтобы досадить им. Они так воспринимают все немецкие ограничения, дескать, это чтобы доса-

дять, немцы думают, что они так издеваются над населением. О боже, французы постоянно твердят, если бы только союзники поторопились. Их единственный вопль: торопитесь. Немцы верят в эффективность новых бомб, а французы нет, один немец рассказывал о них какому-то французу, и тот ответил, да вы дураки, если верите, солдат-то мог бы и лучше раскумекать, но немец не обиделся, продолжил себе верить, или нет? В конце концов, умирающий хватается за соломинку. Французское население лишь одно твердит о союзниках, только бы они поторопились, хотя все признают, что за две недели после высадки достигнуто многое. По деревням распространяются слухи. В Белле полагают, что вокруг сосредоточено много пушек, здесь нам твердят, мол, в Белле происходит бог знает что, но до сих пор это все только слухи, и последний слух гласит, что маки, горные парни, захватили полковника, капитана и двух дам, с которыми военные прогуливались, и поэтому комендантский час теперь с шести вечера. Эта засада может дорого обойтись, говорит наша кухарка, почему бы не отправить их обратно, пользы от них все равно никакой, а мы пойдем очищать картофель от вредителей. Что ж, такова жизнь в оккупации.

Я очищаю террасу от сорняков, когда появятся американские солдаты, им будет на террасе удобно, Элис Токлас думает, что терраса успеет зарости снова, но я надеюсь, что нет,

во всяком случае, я привожу ее в порядок, а поскольку она выходит во двор, а не на дорогу, можно работать и после комендантского часа, не выходя на улицу.

Все прошедшие годы у меня не было наручных часов, часы на руке меня особо не интересовали, я люблю настольные, настенные, всегда их покупала, и еще авторучки, но наручные часы какие-то скучные, я хотела знать время в доме, а на улице совсем неинтересно следить, как течет время, в городах, особенно во Франции, на улицах полно часов, они, конечно, не показывают одно и то же время, но это не так важно, некое время они показывает, и если у тебя встреча, торопишься, потому что по одним часам опаздываешь, а потом замедляешься, потому что по другим часам приходишь раньше времени, сейчас комендантский час в шесть, я наверняка могу оказаться где-нибудь в дороге, а они же чуть что стреляют, и я решила, если ты не дома, удобно иметь наручные часы, и отправилась в деревню, спросила у местной женщины-ювелира, есть ли в продаже наручные часы, она ответила, да, швейцарские, абсолютно новые, спортивные, для мужчин и женщин, я решила, что они просто замечательные, гордо вернулась домой и теперь ношу их с необычайной гордостью и удовольствием, вроде бы они показывают правильное время, и я прихожу домой вовремя и не попадаю под немецкие пули.

Маки вновь начинают боевые действия, одно время было затишье, а сейчас опять, немцы забрали все автомобили, работающие на бензине, угрожают кое у кого изъять радио, но не для того, чтобы люди не слушали, немцам, кажется, до этого особого дела нет, а, видимо, для того, чтобы получать приказы по радио, когда перережут телефонную и телеграфную связь, что вот-вот произойдет. По всем признакам что-то произойдет, так говорят все. А мэр тем временем успешно добывает мясо и хлеб и вино и кукурузу и масло, все радуются, приходится часами стоять в очереди, зато потом что-нибудь достанется, это хорошо. Как они радуются куску хлеба. Еще как радуются. А я все очищаю террасу от травы, готовлюсь к приходу американской армии, мальчишка, который принес нам сегодня рыбу, сообщил, что своими глазами видел английского солдата, никто ему, конечно, не поверил, но было приятно слышать, мальчишка же стоял на своем.

У немцев брожение в умах, сегодня они решили сдвинуть комендантский час на десять вечера вместо шести, повесили объявление в мэрии, все были довольны, затем в половине шестого они послали полицейского по городу с сообщением, что передумали и вернули комендантский час на шесть, не прошло и получаса, как полицейского прислали вновь, комендантский час опять стал в десять, и так он и есть, во всяком случае, мы на это надеемся.

Но теперь у них так всё, передумывают, боятся собственной тени, трудно поверить, однако это правда, и теперь это уже знает каждый, партизанская война действует им на нервы, клятые маки всякий раз придумывают что-то новое, а нового немцы не любят, точнее говоря, не умеют.

Всколыхнуло меня упоминание по радио озера Тразимено, мы с братом еще студентами колледжа однажды летом провели несколько недель в пансионате в Перудже, полно было молодежи, как-то раз мы отправились на озеро Тразимено, считалось, что на дне озера покоится целая армия, армия древнейших времен, естественно, с золотыми колесницами, нам захотелось поплавать, парни наняли лодку с лодчиком и отправились к одному концу островка посреди озера, а мы, девушки, ушли на другой берег и купались нагишом на озере Тразимено на закате, я плавала во многих озерах и океанах, но это озеро было особенное, а теперь его упоминают каждый день. Как и Шербур, когда мой старший брат собирался в Париж, мы с братом [Лео] уже прожили там несколько лет, а старший брат нервничал в связи с переездом и не очень-то верил, что мы способны вовремя встретить его поезд из Шербура, и несколько месяцев мой старший брат в конце каждого письма делал приписку: от Шербура до Парижа шесть с половиной часов езды, шесть с половиной часов. Это стало семейной шуткой, и впоследствии

мы часто над этим смеялись, шесть с половиной часов от Шербурра до Парижа. Кажется, американцы в Шербуре, так и есть.

362 Все возбуждены, возбуждены до предела, вокруг взрывы, мы не знаем, что это, пушки ли, мосты ли взрывают, самолеты или просто гром, но шума много, каждый слышит и рассказывает разные истории, немцы в местных французских грузовиках, своих-то нет, мечутся туда-сюда, и никто, похоже, не знает, куда и зачем. Вчера я выходила из дома и видела пятерых вооруженных немцев на велосипедах, за ними грузовик из Гренобля, в грузовике солдаты целились из *mitraillettes*, а за грузовиком местное такси с двумя офицерами высокого ранга, коих мы не привыкли здесь видеть, куда направлялись, никто не знал, а они сами? Затем видела частный автомобиль, ехал в Экс, в нем сидел офицер, который здесь квартировал и не пользовался популярностью, в машине вместе с ним сидели два вооруженных солдата, за рулем был сам офицер, и когда автомобиль занесло, один солдат выронил оружие, оно выстрелило и убило офицера. Потом офицера хоронили в присутствии всего офицерского состава. Видела, как немецкий солдат в поздний час работал в местной столярной мастерской, спросила столяра, что солдат тут делает, столяр объяснил, что дома у немца была столярная мастерская, у него работало шесть человек, немец сказал, что ему нечего делать и он хотел бы повозиться с инструмен-

тами, а поскольку у меня не хватает людей, продолжил хозяин, я его и пустил, немец сказал, что война его пообломала, и когда и если он вернется домой, ему там ничего не светит.

Да, жизнь странная, до сих пор лично мы не видели ни одного маки, вчера я долго гуляла и по дороге обошла баррикаду, деревья срублены, телеграфные и телефонные провода валялись на земле, боя там не было, но походило на поле битвы, трудно сказать, кто маки, а кто нет, они все носят нарукавные повязки, но приходя навещать родных, а они все навещают, прячут, естественно, повязки в карманы, и кроме того, есть убежденные реакционеры, они убеждены, что все маки террористы, у нас есть такие очаровательные соседи, и это меня беспокоит, если маки разозлятся, нашим соседям не поздоровится, а мы их очень любим, похоже на описание мародерских банд в «Шпионе» Купера, но тем-то, разумеется, и необычайна эта война, у нее исторические корни не в современной истории, а в довольно давней, не в той, где армии действительно сражались, а как у нас сейчас. Наш мэр продолжает нас кормить, талонов больше нет, потому что нет контактов с властями, есть только мэр, нет полиции, но мы люди миролюбивые, нас очень хорошо снабжают, есть всё, кроме сахара. У нас был даже лимон и апельсин, предназначались они для Швейцарии, но не дошли, мосты взрывают, никто не рискует их ремонтировать, чрезвычайно опасно, немцы пыта-

лись на днях провести бронепоезд, но добрался ли он до цели, никто не знает.

364 Только что взорвали линию электропередачи от нас к Шамбери, и теперь все ходят пешком, ходят в Гренобль, ходят в Лион, даже дети лет трех или пяти шагают вместе со старшими, иногда им одалживают велосипеды, но дети временами с них падают, хотя и редко, чаще всего отчаянно цепляются за то, что впереди, и так люди передвигаются, ведь всем куда-то надо, а французы всегда ищут способ передвижения, проявляя при этом чудеса изобретательности. Смерть Анрио¹¹² от рук милиции или кого-то в них переодетого вызвала ажиотаж, тому, кто не жил среди французов, не понять, как мучительно противоречиво в своем мнении население страны, а Анрио как никто настраивал французов против французов, он был очень способным пропагандистом, использовал манеру и риторику не политика, а церковника, у него соответствующее образование, он умел взывать к слушателям, как на ривайвалистской проповеди, и делал это мастерски, он заморозил средние классы, им некуда было от него деться, что, спросила я одного нашего приятеля, чья мать всегда слушала Анрио, как же твоя мать теперь будет, ой, ответил он, она скорбит, с недельку ее займут прощальные процедуры, но вот по-

112 Филипп Анрио (Philippe Henriot, 1889–1944) – французский поэт, журналист, депутат-католик, министр пропаганды в правительстве Виши.

сле этого, боже милосердный, как же она будет потом? И так со многими из среднего класса, хотя, конечно, подавляющее большинство французов рады его уходу, они задышали свободнее, в правительстве никто не мог сравниться с ним влиянием и авторитетом, никто. Вряд ли это понимали за пределами Франции, не думаю, что понимали.

Сейчас он мертв, и, помимо небольшой горстки его упертых сторонников, все довольны и вздохнули с облегчением, теперь можно спокойно готовиться к окончанию войны, то есть к выводу немецких войск из Франции.

365

Одна наша приятельница хочет, чтобы ее научили, как сказать парашютисту, перед которым она захлопнет дверь, она хочет сказать ему по-английски через замочную скважину, мол, пожалуйста, взломайте дверь, ворвитесь силой, берите что хотите, вы тогда получите, что нужно, а немцы и правительство не смогут винить меня, как мне сказать это парашютисту через замочную скважину? Остальное население хочет выучить простую фразу мы рады видеть вас, некоторые учатся произносить слова правильно, все убеждены, что где-то в нашем районе высадился большой отряд канадских парашютистов, они просто со дня на день ожидают прибытия английского генерала, сегодня 1 июля, пора продвигаться. Кстати говоря, сорок с чем-то немцев, которые стоят у нас и уже не получают жалование, становятся все миролюбивее, просят работу, шата-

ются без оружия, раньше и шагу не ступали без автомата за спиной и всегда по меньшей мере втроем, а сейчас бродят поодиночке и безоружные. Армия оккупантов, некогда победоносная, безусловно переменялась, бесцельно шатается в надежде, что кто-нибудь с ними заговорит и даст работу. И в самом деле похоже на истинное начало конца. Удушливость ситуации действует всем на нервы, но самая эгоистичная из женщин сегодня выпалила, пусть не будет ни хлеба, ни денег, ничего, тогда немцы уберутся, так и должно произойти. Поезда не ходят, и это здесь, в Кюлозе, где мы живем, на важнейшем железнодорожном узле, где расходятся дороги в Италию, Швейцарию, Савойю и Лион, но ни единого поезда, даже пустого, ни одного. Не удивительно, что немцы кротки, они здесь и вынуждены оставаться, пока за ними не придут маки.

Немцы постепенно убираются отсюда, последняя группа эвакуируется из Артемара, пытаются продать фургоны, которые запрягали лошадьми, все немцы, что остались в нашей области, находятся здесь, в Кюлозе, человек сорок с небольшим, а когда они уедут, мы надеемся, что скоро, неприятностей не доставляют, но, боже мой, какое наступит облегчение, когда они исчезнут, как здесь говорят, даже когда они ничего не делают, их присутствие — гнетущее бремя, так оно и есть.

Немцы все еще едят сосиски, как в старых анекдотах, гитлеровский режим не изменил

эту их привычку, они одалживают сосисочную машинку у пожилой женщины, которую все зовут старуха Мария, делятся с ней невзгодами, говорят, что скоро отправятся домой, а солдат, который случайно застрелил адъютанта, с тех пор непрерывно плачет, заперся и хотел покончить жизнь самоубийством, но офицеры заменили расстрел отправкой на русский фронт, и мы все смеялись, потому что пока он туда доберется, никакого русского фронта уже не будет.

Пришла наша кухарка сказать, что маки на пути в Кюлоз, и их следует ожидать даже не со дня на день, а с минуты на минуту. Интересно. Сегодня 4 июля, и события бурно развиваются.

4 июля, и на всех лицах широкая улыбка. Черные французские войска¹¹³ под командованием армейских французских офицеров в восьми километрах от нас, они высадились на парашютах, немцы, до смерти перепуганные, спешно пакуются и выезжают, а все смотрят, смеются и не без причины. Счастливый день.

Сегодня я долго гуляла, и везде люди собираются группками, обмениваются всевозможными новостями, один видел канадцев, другой англичан, третий слышал по радио, что департамент Эн к 14 июля полностью освободят от немцев, четвертый видел черных солдат, и тем не менее, еще доносится пушечная

¹¹³ Солдаты африканских колоний, служившие во французской армии.

стрельба, кто-то слышал, будто один немецкий солдат говорил, что единственный путь покончить с войной – убить командиров, и если призадуматься, за три недели были убиты или взяты в плен двадцать четыре немецких генерала, они что, так и поступают, правда?

368 Одно совершенно определено, упоминать маки или горных парней дурной тон, о французской армии надо говорить уважительно, за два дня слово «маки» перестало существовать, исключительно Французская армия, с великой гордостью. Непонятные вещи происходят, новый префект полиции рассказывал, что маки приговорили его к смерти, жена мэра сказала, что так он и напишет в своих мемуарах, а затем добавила задумчиво, приговорен к смерти, да мы все приговорены к смерти.

Приятно иметь новую армию со старым именем или старую армию с новым именем, очень приятно.

Вчера были в Белле, население там возбуждено до крайности, прошлой ночью в городе появились маки и увели субпрефекта вместе с начальником полиции, прихватив тонну сахара из одной кондитерской, много других продуктов, все возбуждены и расстроены, мы приехали на такси вшестером, включая нашего мэра, тоже взволнованные, вернулись домой, и в тот же вечер маки объявились вблизи Кюлоза, немцы установили пушку и стали по ним стрелять, выстрелы раздавались в горах весь день, мы собрались толпой, обмени-

вались мнениями, и все говорили, что если маки придут, они принесут еду, но если маки придут и не одолеют немцев, тогда немцы возьмут заложников, подожгут фермы, о боже, так они хотят маки или не хотят маки, в городе суматоха, сейчас там сто шестьдесят немцев, и уходить они не собираются, мы надеялись, они уйдут, все бы вздохнули с облегчением, они и сами не возражают уехать, но Гитлер предпочитает, чтобы все оставались на месте, пока их не убьют, ему так нравится, и потому даже эти немногочисленные солдаты будут здесь, пока их не убьют, ведь железные дороги выведены из строя, смысла оставаться нет, но им приказано. Многих убивают, когда их много, мало убивают, когда мало, но смысл в том, чтобы оставаться, пока не убьют. Так создается последний батальон, который затем уничтожат, и мы все будем счастливы, да, очень счастливы.

369

Многое повидала я в эту войну, очень много, но никогда не видела бронепоезд, а сегодня, переходя пути, увидела, с паровозом, на котором как бы металлическая чайная баба, за паровозом вагоны, заполненные мешками с песком и немцами, удивительно, по железной дороге добираться невозможно, все пути изуродованы, кроме участка до Шамбери, около девяти я вернулась домой обо всем рассказать, стояла летняя ночь, Баскет залаял, я выглянула и увидела немецкого офицера и солдата, они объяснили по-французски, что им нуж-

но помещение для сна, я поинтересовалась, есть ли у них документ от мэра, они обязаны его иметь, он, как офицер старой закалки, объявил, что ему надо осмотреть дом, конечно, сказала я, войдите с заднего хода, вам откроют, я позвала служанок и велела им заняться немцами, подумала, что с этим немцем американский акцент лучше скрывать, офицер тут же приступил к делу, сказал, что ему требуются две комнаты для офицеров и матрасы для шести человек, его не интересовал мой ответ, его не интересовало, что он доставляет дамам неудобства, служанки ответили, хорошо, господин, и офицер ушел, а с его уходом солдаты стали приветливей, принесли матрасы, с ними были три собаки, мы всё заперли, как смогли, Баскета забрали на второй этаж и легли спать, в итоге в ту ночь у нас ночевало пятнадцать человек на шести матрасах и еще две собаки, третья осталась снаружи, а наутро, когда они ушли, мы не обнаружили моего зонтика, оказалось, его взял бедолага-итальянец, которого оставили на улице под дождем сторожить лошадей, они забрали новую пару тапочек служанки, сломали замок и украли все персики, забрали с собой, неизвестно почему, может, по скверности характера, ключи от передней и задней двери, ушли, а третья собака с ними идти не пожелала и осталась, ныне в деревне около шестисот немцев, им вменяется сражаться с маки, а сами они думали, что едут домой, шестнадцати- и семнадцатилетние парниш-

ки, и то и дело кто-нибудь из них, оставаясь наедине со служанками, жаловался на тяготы жизни и как несчастна страна, где есть маки, а один сказал, русские подбираются к нашей стране, нам нужно вернуться к себе, в свою страну, защищать Берлин, придется оставить вас, французов, защищаться как сможете от англичан. Служанки просто слушали, но когда вошел другой немец, лицо рассказчика, который все время всхлипывал, ожесточилось, как и у остальных, ох, вздыхали служанки, несчастные убийцы. Весь остаток дня мы слышали пальбу, и прошел слух, что маки заминировали дорогу, спустились и захватили немцев, как бы там ни было, больше мы их не видели, и произошло это только вчера. Все равно, сказал наш мэр, они совсем не те, что были, угрожали застрелить мэра соседней деревни за то, что не предупредил их о приходе в деревню маки, но как я мог предупредить, спросил несчастный мэр, если они заключили меня в тюрьму, четыре месяца назад они бы его не послушали, а сейчас выслушали и отпустили. Сегодня ходит слух, что они покидают эти места, и пусть летят, проклятые птицы, говорят сельчане. До сих пор никто из нас не видел ни маки, ни канадцев, которые предположительно с ними, но увидим, все говорят, что увидим. Люди волнуются, слегка растеряны, но в отношении немцев едины, немцы уйдут, просто уйдут, никого не интересует куда.

А сейчас малоприятное описание того, как себя чувствует очень маленький процент французского населения, только что у меня произошла бурная ссора с нашими ближайшими соседями, и я попробую рассказать, что они думают.

372 Забыла упомянуть, что эти немцы приехали к нам на грузовиках, больших грузовиках, запряженных лошадьми, бензина у немцев не было.

Об американской Гражданской войне Уинстон Черчилль написал роман «Кризис»¹¹⁴, про Сент-Луис, два старых друга, северянин и южанин, надвигалась Гражданская война, и они договорились при встрече не обсуждать этот вопрос и, конечно же, у них не получалось. Таковы сейчас и французы, они резко расходятся во мнениях и не могут не обсуждать войну. В прошлую войну был интересный случай. Наша приятельница Луиза Хейден так или иначе прошла всю войну, а потом, когда вернулась домой в Сиэтл, одна женщина сказала ей, моя дорогая Луиза, ты ничего не знаешь о подлинных невзгодах войны, ты в ней участвовала, ты была занята, ежеминутно в гуще событий, а мы здесь по-настоящему боялись и нервничали, мы не участвовали в вой-

114 «Кризис» (*The Crisis*, 1901) – исторический роман американского писателя Уинстона Черчилля (Winston Churchill, 1871–1947), описывающий события первого периода Гражданской войны в штате Миссури.

не, нам оставалось лишь страдать из-за нее. На сей раз в такой ситуации оказались французы, им оставалось лишь бояться и нервничать из-за войны, но они в ней не участвовали, конечно, теперь-то участвуют, но с 1940-го по 1943-й, даже в начале 1944 года не участвовали, прошли через нервные потрясения, тревоги, страдания и лишения войны, но не воевали, когда я услышала эту историю впервые, я подумала, смешно, и только, но теперь, когда я вместе с нацией, которая вот так страдает, я понимаю точку зрения женщины из Сиэтла.

373

Поскольку французы не воевали, у них было полно времени и беспокоиться, и болтать, и внимать пропаганде, они уже не понимают, во что верят, зато очень хорошо знают, во что не верят, меня на днях повеселил доктор Ленорман, превзошедший всех французов, он против русских, против англо-американцев, против Германии, против Де Голля, против правительства Виши, против Петена, против маки, против преследований, против коллаборационистов, против бомбежек, против милиции, против монархии, против коммунистов, против всего. Все довольно сложно, большинство среднего класса против русских, то есть против коммунистов, а значит, и против англо-американцев, поскольку те союзники России, ненавидят немцев, но восхищаются ими, поскольку немцы дисциплинированы, а французы нет, во Франции никто не хочет подчиняться дисциплине, но все поневоле вос-

хищаются теми, кто дисциплинирован, а немцы несомненно таковы, кроме того, всегда присутствует твердая уверенность, что от немцев, несмотря на их дисциплинированность и силу, всегда можно избавиться, а вот удастся ли избавиться от русских и англо-американцев? В небольших городках, таких, как наш, взаимная ненависть гораздо сильнее, чем в крупных городах, где люди не встречаются друг с другом каждый день, и все, то есть антигерманцы, так злятся, что могут сказать прогермански настроенному человеку, ну и пусть твой сын, или муж, или брат пропадет пропадом в этой твоей Германии, которую ты так любишь, но я ненавижу немцев, отвечает другой, и ненавижу тебя, и они оба ненавидят маки, потому что после их появления приходят немцы, стреляют, жгут, крушат, и каждый ненавидит каждого, и каждый поносит каждого, и затем появляются маки, уносят с собой имущество, а временами уводят и людей, тех, кто служил в милиции, и тогда всех охватывает страшное волнение, временами доходит до фанатизма, но теперь, когда мертв Анрио, который вечно подогревал их взаимную ненависть, а союзники несомненно побеждают, многие меняют мнение, немало тех, кто хранит молчание, кое-кто изготавливает американские, английские и французские флаги ко дню победы, и сегодня 14 июля, крестьяне готовятся вступить во французскую армию, вскоре французы предадутся чревоуго-

дию, винопитию и обсуждению политических проблем и вновь станут единой французской нацией. Но бывали разные случаи, вне всякого сомнения.

Сегодня 14 июля, в Белле выложили цветами красивую букву V в честь победы, вывесили американский, английский и французский флаги, флаги висели весь день, и даже в Сезерье, что в шести километрах отсюда, проделали то же самое, здесь же, в Кюлозе, ничего подобного, у нас до сих пор сотня немецких солдат, но мы ходили друг к другу в гости, делились надеждами на скорое освобождение, мы очень сильно надеемся.

375

Шокировало сегодняшнее сообщение о том, что японцы казнили пленных американских летчиков, вокруг происходит столько ужасного, казалось бы, подобная новость не должна шокировать, и тем не менее, несомненно, твоя страна есть твоя страна, и кажется, что подобное зло так далеко от твоей страны. Необъяснимо, мир так мал, но так безумен. Сегодня мы вновь ждали, что в дом придут немцы, но они не пришли, они появляются, исчезают, шныряют вокруг точь-в-точь как муравьи, если воткнуть что-нибудь в муравейник, так и немцы, носятся точно так же. Единственная их человеческая черта – они любят свинину, это их единственная человеческая черта.

То было вчера.

Я сидела в гостях у жены мэра, перед нами простиралась основная дорога в Кюлоз. Мимо

носились немецкие мотоциклисты с солдатами, затем наступило затишье, а затем появились сотни марширующих немецких солдат, стоял невыносимо жаркий день, в горах еще жарче, чем внизу, а солдаты были дети, не старше шестнадцати, кое-кому на вид не больше четырнадцати, и я ничего подобного не видела с тех пор, как в Чикаго наблюдала последний этап пешего марафона. Наша приятельница Елена Женен, мексиканка, живет около Белле, и она видела, как немецкие войска входили в Белле, и она говорила, я сказала своей дочери Жанне, посмотри, это не германская армия, это мексиканская армия времен моего детства, тогда я не понимала, но понимаю сейчас, эти детские лица и изнуренные тела, измученные ноги и стариковские плечи, изредка мулы, навьюченные автоматами, которые явно не под силу этим мальчишкам, и крытые фургоны, как те, что пересекали прерии, только поменьше, сельские телеги с тентами, нам позднее сказали, что в них везли больных и раненых, тащили их мулы, невероятно, еще около сотни солдат на женских велосипедах, явно захваченных по дороге, невероятно, моторизованная немецкая армия 1940 года съезжилась до такого состояния, до старомодной мексиканской армии, древней, чем на рисунках армия времен Гражданской войны в США на марше. Возможно, заметила мадам Рей, жена мэра, они выбирают таких юных, потому что дети могут жечь дома, крушить

и уничтожать, не сознавая, что творят, а взрослые люди, даже самые отъявленные негодяи, все-таки где-то проводят черту. Как ни посмотри, печальное зрелище, они воевали в горах с горными парнями, те, конечно, от них ускользнули, немало убитых и раненых, и затем немцы отыгрывались на местных, мстили безоружным, стреляли, сжигали дома, уводили скот, а с немцами брели, болтаясь на привязи, коровы и телята, совершенно невероятно, чтобы в июле 1944 года германская армия могла так выглядеть, невероятно, трудно поверить глазам, а когда я пришла домой, надев на Баскета поводок, по всему саду и дому уже разбрелись около сотни солдат, бедный Баскет так испугался, что не смог даже залаять, я забрала его к себе в спальню, он сидел там тихо и дрожал, не мог поверить, что такое возможно. Они ушли наутро, но Баскет с тех пор почти не лаял, сегодня я услышала, что они в нашей деревне застрелили собаку в одном доме, потому что она, по их словам, лаяла, большая черная собака, которую хозяин обожал, возможно, Баскет уже никогда не будет лаять, я его уговариваю, а то негоже, чтобы собака молчала.

Германских войск во всей области осталось довольно мало, французы контролируют поезда, французы же патрулируют дороги, которые кое-где пролегают в ущельях, всех немцев в регионе лишь шестьдесят с чем-то оставшихся у нас в Кюлозе, железная дорога между

Кюлозом и Шамбери была открыта, но вчера ее заблокировали, а сегодня немцы зарезали своих трех последних свиней и корову, и потому все считают, что немцы вскоре покинут город, они стали такие вежливые, одна женщина рассказала мне, что к ней зашел немецкий солдат, хотел купить курицу, она сказала, что не может продать, так как мужа дома нет, но вы же знаете, сказал солдат, немецкие солдаты любят французов, о да, ответила женщина, а все французы, прибавил он, любят немецких солдат, о да, ответила женщина, и он ушел, немцы понимают, что попали в западню, не могут выбраться, а потому, если нет возможности требовать, они льстиво упрощают, население, естественно, испытывает отвращение, сами французы восприняли свое поражение с высоко поднятой головой, они считали, что немцы сильны, но побежденные немцы ведут себя так, что французов восторгает. В предыдущей войне немцев разбили уже на их территории, поэтому французы никогда не видели немцев малодушными, те немногочисленные французы, которые прежде восхищались немцами в период их могущества, ныне ничего не могут сказать в их оправдание, французы не любят людей, малодушных при поражении, не любят.

Что до еды, то мы ею вполне обеспечены, до больших городов продукты, увы, не доходят, немцев нет, чтобы их отбирать, и все остается здесь, так что еды у нас в избытке, за исклю-

чением фруктов, здесь фрукты растут плохо, раз или два грузовик отправлялся в Лион за фруктами, но последний грузовик захватили горные парни, остальное забрали немцы, так что фруктов у нас нет, зато полно масла, сыра, мяса, рыбы, овощей и картофеля, а теперь и хлеб есть, нельзя сказать, что мы страдаем, маловато сахара, но есть мед.

Позавчера нам объявили, что немцы, квартировавшие в нашем городе, уходят, затем нам сказали, мы и сами знали, что они резали своих трех свиней, корову и коз. Все оказалось правдой, нам сказали, что они уходят, и я сама видела их на дороге с машинами и *mitrailleuse*, нацеленным вперед, мальчишки в деревнях играют в немцев, понаделали деревянных автоматов, очень похожих на настоящие, расположили вдоль дороги, некоторые, что я видела, похожи на обрезы в гангстерских историях, их большое разнообразие, та сотня с небольшим солдат, что была у нас в деревне, сегодня ушла, оставив только железнодорожных рабочих-немцев и начальство станции. Они пришли попрощаться с мэром и его женой, те рассказали мне сегодня, капитан через переводчика говорил вежливые слова, оба они, переводчик и капитан, надеялись через несколько месяцев после войны вернуться в Кюлоз, удивительные люди, думают, что, потерпев поражение, смогут взять и вернуться сюда туристами, переводчик добавил, что, по его мнению, война закончится к 1 сен-

тября, и прибавил, что осталось только убить двоих. Не знаем, кого он имел в виду, Гитлера и Муссолини или Черчилля и Рузвельта, мы, разумеется, не спрашивали, а между тем деревню охватило беспокойство, солдаты, уходя, предупредили, что они-то уходят, но на смену им придут злодеи-убийцы, и действительно, те немцы, что стояли у нас, были довольно тихими и мирными людьми, а наша деревня на границе с владениями маки, и это ужасно тревожит, все какое-то странное. Вполне естественно. Враг, его новый отряд, еще не появился, прошел слух, что предыдущий отряд уничтожили, не успел он далеко уйти, но это маловероятно. Ну так вот, после ухода солдат я прогулялась по местам, где они шли, обнаружила бумажные обертки, пакеты из-под немецкого табака, французские свечи и еще кое-что. Полфунта желтого американского фермерского сыра, продается «Брайт и Компани», Чикаго, Илл., внизу надпись регулярно покупайте военные облигации и марки, и другая надпись, естественный источник витаминов и рибофлавина, о котором мы, естественно, не имеем понятия, он, видимо, появился позже, в наше время его в американском обиходе не было, но где, ах, где же германская армия раздобыла этот сыр, невероятно, что он оказался у нас в саду, наверное, украли у Красного Креста, откуда же еще.

Приближается конец июля, и обстановка очень запутанная, нынче в Кюлозе нем-

цев нет, кроме немногих на железнодорожной станции, но по ту сторону реки, говорят, их чуть ли не тысяча, так ли это, неизвестно, но все утверждают так, и это несколько озадачивает, чуть-чуть, а пока маки разъезжают по району, реквизируя автомашины, велосипеды, грузовики, и люди, оказавшись между маки и немцами, боятся, в Белле события разворачиваются очень живо, немцев там нет, но есть настоящие и фальшивые маки, и люди напуганы довольно сильно, и хуже всего, конечно, когда маки приходят в деревню, затевают сражение с немцами и уходят в горы, а немцы поджигают деревню и убивают жителей, поэтому жители опасаются и маки, и немцев, в глуши сейчас все напуганы и не без причины, бомбежек больше не боятся, туда не идут поезда и нет смысла бомбить, вне сомнения, но много чем можно напугать человека, напугать всех. Между тем мэр разыскивает муку для хлеба, но, разумеется, машины, перевозящие муку, сюда не добираются, это вполне естественно, а тем временем в деревнях каждый готов ее продать, очень запутано, очень.

Банкир рассказал, что Эн наш, а немцы вот-вот оставят обе Савойи, он обычно хорошо осведомлен, собственно говоря, все линии связи отсюда в Италию и Лион, на север и в Гренобль разрушены, и вроде бы нет смысла держать здесь много германских войск, особенно когда в них есть огромная нужда в других местах, разве чтобы не дать возможности

местным французским войскам организовать-ся. Надо быть терпеливыми. Так мы советуем друг другу.

382 Наши две курицы откладывают по два яйца в день, что хорошо для всех причастных, два цыпленка, особенно петушок, быстро растут, петуха взвешивают каждый день, и кухарка говорит, что он предназначен для первого обеда, которым угостят первого американского генерала, который окажется у нас. Сегодня я долго гуляла, и когда шла по деревне, меня остановила женщина и попросила зайти, у нее ко мне вопрос. Я вошла, она показала мне пакет, который ее муж нашел в поле, и спросила, что в нем. Это был пакет с плитками солодового молока, я так ей и сказала, а оно съедобное, спросила она, я сказала, да, оно для детей, у вас есть дети? Да, двое, ответила она, тогда, сказала я, съешьте одну сами, и, если оно хорошее, дайте детям, очень полезно для детей, я посоветовала ей попробовать вначале самой, потому что опасалась, не положили ли немцы внутрь какую-нибудь пакость, чтобы отвратить местное население от американских подарков, а она сказала, знаете, столько странного происходит сейчас, да, я попробую. Как необычно, за несколько часов я обошла все дороги, где мне всегда встречались немцы, а сейчас нет, ни одного, ни единого, они за рекой, и только что, в десять вечера, мы с Баскетом II подпрыгнули, потому что раздались два больших взрыва, наверное, опять взорвали мосты. Вот

еще одна странность. Немцы больше не платят. Они обычно набирали в городе людей охранять вагоны, контейнеры и платили за эту работу, а последние месяцы не платят, больше не платят, хотя прежде регулярно платили, за постой, за поломки, за все, а теперь нет. То ли немецкие власти хотят сохранить французскую валюту, какая осталась, то ли французское правительство больше им не перечисляет, то ли они понимают, что не удержат Францию, и зачем платить, раз все равно уходишь.

Ныне все по-другому, особенно заметно было прошлой ночью, мы не закрывали ставни, сколько хотели, позднее я вышла с Баскетом и позвала его, а в последнее время я не выходила в сад после десяти и не звала Баскета, потому что, естественно, не хотела привлекать к себе внимания, а ближе к полуночи я услышала, как по улице шел человек и насвистывал, вот это свобода – слышать, как человек насвистывает на улице в полночь. Такая тяжесть спала, не вся, потому что они еще там, за рекой, и могут вернуться, немцы могут вернуться, но, если учесть победы союзников, это маловероятно, да, маловероятно, прошедшей ночью раздался большой взрыв, а сегодня слышна была пушечная канонада, это все за рекой, где еще находится пара сотен немцев.

Сегодня банкир из Белле, что навевается сюда раз в неделю по делам, дал мне фотографию памятника солдатам, павшим в 1914–1918 годах, городские девочки сшили

американские и английские флаги, и 14 июля 1944 года украсили памятник, люди приходили к нему весь день, и, несмотря на немцев и полицию, флаги провисели до полудня.

Люди сильно взбудоражены, оказались между немцами, маки и макизанами, как зовут ныне ложных маки. Понятно, отчасти преступность есть, банды занимаются грабежом, прикрываясь именем маки, внутренние силы безопасности, сформированные из настоящих маки, патрулируют регион для поддержания порядка, но и они реквизируют то, что необходимо, автомашины, велосипеды, мотоциклы, шины, не обходится, конечно, без чрезмерно раздутых историй, достается всем, кто был связан с милицией при немцах, достается девушкам, путавшимся с немцами, сильно ли достается, как утверждают, нам неведомо, время от времени, нарушая армейскую дисциплину, появляются немецкие солдаты в поисках хлеба и другой провизии, полагающейся им в армии, и, как выражается мэр, то одни, то другие наставляют на тебя автомат, и ты, естественно, отдаешь, что они хотят, а тем временем регулярно прилетают самолеты, но не бомбят, а снабжают внутренние силы охраны правопорядка провизией, и мы ожидаем в нашем районе большую битву, говорят, что планируется захват аэродрома в Амберье. Появились люди из Парижа, приехали на велосипедах, говорят, боевой дух силен, но продуктов большая нехватка, если не могут найти велосипед, идут

пешком, французы должны двигаться, они просто не могут оставаться на одном месте, дороги всегда полны всякого движения.

Сегодня на прогулке я разговорилась с одним стариком, он рассказал, что пополудни видел в небе много самолетов, все американские, снабжают маки боеприпасами, нам советуют не выходить из дома, но не тут-то было, все вышли с биноклями, выглядывали звездно-полосатых, да-да, добавил он задумчиво, опершись на лопату, а я на мою трость, да, мы надеемся на американцев, рассчитываем, что они вытащат нас из нынешнего бедственного положения, мы всегда были друзьями, помогали им, когда они в нас нуждались, а они помогали нам, когда в них нуждались мы, англичане хороши, но надеемся мы на Америку, она должна помочь нам сохранить колонии, конечно, им понадобятся морские базы, и мы будем рады их предоставить. Единственное, что нас беспокоит, помогут ли они восстановить города, пострадавшие от бомбежек, например, Шамбери, приятный городок, тамошние жители – истинные республиканцы, да, сказала я, и такие пылкие патриоты, да, сказал он, мы всегда ими восхищались, таковы уж савояры, Шамбери был их столицей, теперь город разрушен, добрая его часть, надо было бомбить станцию, а не сам город, понимаю, сказала я, неизбежные последствия войны, знаю, сказал он, но американцы должны отстроить Шамбери, скажем, за год–два его отстроят, а когда

достроят и мистер Рузвельт будет еще жив, он может пожаловать к нам в гости, посмотреть. Может, и пожалует, сказала я, и мы расстались.

386 Сегодня, 3 августа 1944 года, мы ездили в Белле, и я в тревоге высматривала маки. У нас до сих пор немцы, поэтому маки не появлялись. В Белле штаб-квартира маки, но их не было, к сожалению, все отправились на операцию, я видела только одного, и то издалека, в хаки, то есть рубашка, брюки и красный шнур через плечо, так что мы вернулись домой удовлетворенными, видели маки, а в Белле нас с удивлением расспрашивали, правда ли, что у вас еще есть немцы, да, у нас на станции еще сорок с лишним немцев, железнодорожники и охранники, мы их стыдимся, немцы остались только у нас в Кюлозе, естественно, мы извиняемся и прибавляем, что это просто железнодорожники, а не солдаты. Все меняется быстро, три месяца назад в Белле стоял гарнизон, тысячи немецких солдат, а сейчас ни одного, и люди в Белле разговаривают так, будто у них никогда не было немцев, а только маки, а в Кюлозе немцы еще есть, срам один.

Странный народ эти немцы, сейчас американцы гонят их по Бретани, а противовоздушной обороны нет, они летают над нашей глухоманью и бомбят маленькие деревушки, чтобы маки не получали боеприпасы и продовольствие, которые скидывают на парашютах, и, конечно, немцы не попадают ни по маки, ни по поставкам, страдает только бедная де-

ревушка, которая тут вообще ни при чем, почему же они не используют самолеты там, где они определенно нужнее? Думаю, когда отдавали приказы, ситуация была другая, а сейчас линии коммуникации нарушены, и они не могут получить новые инструкции. Наши немцы понемногу уходят, осталось меньше сотни во всем районе, но над головами кружат самолеты, вдалеке слышны пушки, линии коммуникации взрывают что ни день, и скоро, очень скоро они все-таки уйдут. А сейчас шпионская история, разгадки нет, но это шпионская история.

Когда в нашем городе стояла пара сотен немцев, с ними был и переводчик, высокий смуглый человек в очках. Однажды он пришел к нам испросить разрешения солдатам прятаться у нас во время тревоги. Меня не было, он долго разговаривал с Элис Токлас. Прекрасно говорил по-французски, без отчетливого акцента. Сказал, что, поскольку калитка была закрыта, он, как грабитель, перелез через забор, не можем ли мы дать ему ключ от калитки. Элис Токлас ответила, что один ключ хранится в мэрии, можно взять там, но нет, он хотел иметь ключ в кармане, и Элис Токлас дала ему ключ, и они оживленно побеседовали, и он ушел. Так больше и не вернулся. Мы встречали его в городе, тревога объявлялась не раз, но солдаты у нас не появлялись, да и ключ нам не отдали. Элис Токлас поведала мне о разговоре, когда я вернулась, она была

озадачена, по ее словам, переводчик не походил на немца ни внешне, ни манерами, ни своим французским, а позже в деревне нам рассказали, что он владел гостиницей в Париже, его жена до сих пор ею управляет, вот почему он так хорошо говорит по-французски, хотя и простой солдат.

388

Временами жена мэра упоминала, что переводчик обращался к ней с просьбами от имени немцев, а когда немецкие войска пересекали город, они никогда не общались с теми, кто здесь постоянно. Еще она говорила, что он всегда был вежлив и услужлив, этот переводчик, старался все устраивать ко всеобщему удовольствию, согласился помочь мэру и разрешил таксисту доставить друзей мэра к нему домой, эти друзья приехали из Нормандии, как только там начались бои. Когда немцы уходили, переводчик с капитаном пришли попрощаться с мэром и его женой, капитан, слабо владевший французским, сказал пару вежливых фраз, а переводчик добавил, что война вскоре закончится, надо только убить двоих, и тогда конец, а потом прибавил, что через три месяца после войны приедет их навестить.

Они ушли, и спустя несколько дней, только вчера, жена мэра закончила эту историю.

Она поинтересовалась, какое впечатление произвел на нас переводчик, я пересказала ей то, что мне сообщила Элис Токлас, а именно, что он не больно-то похож на немца и вроде бы джентльмен, что довольно странно для обыч-

ного солдата. Да, сказала она, странно, он был обыкновенным солдатом и, как и все, стоял на часах, когда наступала его очередь, не знаю, столовался ли и спал ли он вместе с солдатами, но в остальном вел себя как обычный солдат, за исключением случаев, когда был при капитане, тогда становилось очевидно, что командует переводчик, если капитан за ним посылал, а переводчик был занят, он не сразу подчинялся, были и тысячи других признаков, свидетельствующих о том, что переводчик чином выше. Я же рассказывала, продолжала она, как он устроил такси для наших друзей из Нормандии, но не рассказала, что произошло потом. Я сидела в мэрии с приятелями, муж, жена, дети и мать, мы ждали мэра, и когда мэр появился с переводчиком, наш друг удивился, а переводчик на миг застыл, а потом вошел, ага, сказал мой друг, если не ошибаюсь, мы встречались в Нормандии, так и есть, ответил переводчик, и вы, продолжил мой друг, доктор Фиш, вы там командовали, да, подтвердил переводчик, и мой друг сказал, это я устроил, чтобы вы получали шоколад с местной шоколадной фабрики, да, вежливо ответил переводчик, и на том разговор закончился, переводчик ушел, заказал такси для гостей, и больше никогда я их не видела.

389

Переводчик навещался к нам по делам довольно часто, но после того случая стал задерживаться просто побеседовать, о той встрече не поминал, но стал откровеннее. Однажды

заметил, что знает, кто в городе маки, капитан хотел их задержать, но переводчик сказал, что не позволит, он восхищается этими людьми, истинными патриотами и отцами семейств. Однажды он попросил мэра о личной услуге, и мэр сказал, ну конечно, мэр должен был от своего лица официально написать в два города в Нормандии и запросить информацию об одной даме, переводчик сказал, она моя жена, французенка, то есть мы не зарегистрированы, но она моя жена. Мэр написал, но до сих пор ответа нет. Уходя из города вместе с остальными немцами, переводчик попросил мэра, если вы когда-нибудь получите ответ, передайте его начальнику станции, он мне переправит. Ответа, конечно, так и не пришло. Несколько раз он упомянул, что он люксембуржец, выращивал лошадей и готовил их к состязаниям на парижском ипподроме, ни словом не обмолвился про гостиницу в Париже и, как я уже говорила, обещал вернуться через три месяца после окончания войны и сказал, что нужно убить только двоих, и тогда войне конец.

Досказав эту историю, жена мэра прибавила, знаете, я думаю, он англичанин, его французский временами напоминал ваш, казалось даже, будто это вы говорите, наверняка мы никогда не узнаем, но история правдивая.

В соседней деревне женщина сшила себе блузку из парашюта, на котором сбросили груз, теперь все ей завидуют и хотят раздобыть пара-

шютную материю, я бы ужасно хотела блузку из парашютной материи с американского самолета, один наш друг рассказал, что на днях ехал на велосипеде и его остановили маки, патрулировавшие дороги, где нет немцев. Эти ребята сидели в грузовике с американским флагом и сказали, мы не такие, как другие маки, мы американские маки и действуем по прямому приказу генерала Эйзенхауэра, видите, даже в такие времена французам непременно надо шутить.

391

Смешно, очень смешно получается, когда наш мэр отправился в Бург, надеясь запастись мукой, для проезда грузовика с мукой надлежало получить разрешение немецких властей, а затем пропуск от маки, и мы шутили, что единственная власть, от которой не надо получать разрешение, – правительство в Виши, префект и его заместитель сбежали, остались только мэр, маки и немцы, это очень смешно, мэр по пути в Бург видел, что бронепоезд, который мы заметили в Кюлозе, лежит себе мирно в горной речке подле железной дороги, естественно, до Лиона он так и не добрался.

Замечательно, что американцы преследуют немцев по всей Франции, раньше все говорили, только бы они поторопились, только бы поторопились, а сейчас шутят, мол, американцы торопятся, еще как торопятся. Ведь святая Одилия сказала, что падение Рима станет не концом, но началом конца, и еще она предсказала, что магометанский лунный серп

и христианский крест мирно засияют вместе, и взгляните на Турцию, посмотрим, как говорит англичанин-пропагандист из Берлина, посмотрим.

Приятно, что силы внутренней безопасности Франции успешно помогают поддерживать порядок, французы довольны, они тоже при деле, все довольны и веселы.

392

Поскольку хлеб – основа жизни, мы едим хлеб с маслом, да, да, мы едим хлеб с маслом.

Помню, в юности у меня была книга с иллюстрациями, на одной изображались готы и вандалы, как они разбрасывают и ломают все произведения искусства в Италии, помню, я ужасно переживала из-за такой разрухи, но однажды, совсем расстроившись из-за разрушения еще более древних памятников в погребенных городах, я вдруг сказала себе, в конце концов, на свете существуют еще многие мили произведений искусства, на всю жизнь хватит даже тем, кто поистине интересуется искусством, чего ж расстраиваться. Но сейчас разрушают Флоренцию и Нормандию, американцы продвигаются к Парижу, сегодня подошли к Шартру, очень странное чувство, очень странное, оккупация Франции казалась бесконечной, а теперь американские танки вблизи Шартра, боже мой, о боже мой, очень странное чувство.

Царит возбуждение, от ожидания мы ворчливы, но от неприятностей нас отвлекают местные происшествия, в районе все еще пять-

десять с чем-то немцев, они напуганы, стараются никуда особо не ходить, их видели в соседней деревне, где они покупали вино, маки об этом прослышали, примчались и застрелили офицера и двух солдат, деревня, естественно, напугана, маки уйдут, а немцы, конечно, побоятся прийти обратно, но у них завелась дьявольская привычка посылать в отместку пять–шесть самолетов из Амберье, что около Бурга, и сбрасывать бомбы на деревню, три дня назад стерли с лица земли одну деревню, почти все население убито, и почти каждый день над нами пролетают штук шесть немецких самолетов, мы понятия не имеем, что они намерены сотворить, но наверняка что-то ужасное.

Кроме того, интересна робингудовская деятельность маки. Позапрошлой ночью они появились в городе, посетили три главных магазина, чьи владельцы помогли немцам или поддерживали их, у одного забрали автомобиль и пятьдесят тысяч франков, у другого все тайные запасы макарон и подсолнечного масла, а также двадцать пять тысяч франков, и теперь остальные, те, кто наживался на сотрудничестве с немцами или был за них, естественно, в панике. Маки помогают деньгами тем, чьи дома немцы сожгли. Лозунг маки: друзья немцев должны платить жертвам немцев. Есть еще владельцы магазинов, коих не разберешь, то ли друзья, то ли враги оккупантов, эти тоже напуганы, есть еще ворчливые

старики, которых пугает все, что бы ни делала молодежь, поэтому они высказывались против маки и, естественно, беспокоятся, ну и наконец, обветшалые аристократы, эти всегда надеются, что новый режим даст им шанс возродиться, они-то поддерживали немцев яростнее всего, они и дряхлая буржуазия полагают, будто всех, кроме них самих, надлежит строго воспитывать, с одной такой у меня вчера вечером вышла крупная ссора прямо на улице, и напоследок я заявила ей во весь голос, что ей не хватает сострадания, в американском смысле, сострадания в мыслях, и все рассмеялись, потому что она не замечена в добрых делах, все, естественно, подумали, что я об этом, но, конечно, они не правы. Есть еще одна странная группа, церковные мракобесы, эти целиком за немцев, французское духовенство в основном их не поддерживает, абсолютно нет, но старики и старухи, которых во Франции именуют жабами в святой воде или мышами в ризнице, довольно странно, если учесть, как немцы обращались с католиками в Германии, но все они за немцев. Как пацифисты в прошлую войну, они тоже все были за немцев. Я прежде не понимала, но теперь начинаю понимать. Все, что способствует свободе и жизнерадостности, неприемлемо для тех, кто, используя слабость или силу, хочет подавить остальных, а немцы как есть немцы, сверхдисциплинированные из-за своей слабости и своей силы, стремятся подавить

свободу, поэтому те, кто приветствует подавление свободы, поскольку свобода предполагает критику их действий, настроены прогермански.

Забавно, очень забавно, что маки, захватившие власть в Кюлозе, повсюду развесили приказы для населения от имени Четвертой республики, но при этом на станции несут службу двадцать пять немецких солдат, перепуганные до смерти, как кролики, выходят со станции ненадолго, только чтобы купить продукты, и тут же возвращаются, за рекой есть немцы, от пятидесяти до двухсот, но никто, кажется, на них не обращает внимания, маки даже пока не озаботились их арестовать, но обещают арестовать и приставить к работе. Мне нравится, что они выступают от имени Четвертой республики, французы обожают новые формы правления, они любят перемены, они, возможно, думали, что продолжается Третья республика, а между ничего не было, ни диктатуры, ни олигархии Виши, просто не было, но нет, был перерыв, Третья республика исчезла, и должна быть Четвертая. Их столько было за последние сто сорок лет, кажется, я в этой книге уже их считала, три различные монархии, две империи, три республики, одна коммуна, одна олигархия и диктатура, а теперь у нас четвертая республика, и все довольны. Люди веселы и бодры. Немецкий капитан, который ушел из Кюлоза со ста пятьюдесятью солдатами, уехал на так-

си в Лион, и таксист, вернувшись, рассказал, что при расставании у капитана навернулись слезы, и он сказал, что в Кюлозе был счастлив, надеется вновь увидеть жену и детей, но сейчас его отправляют в Нормандию, конечно, он плакал и полагал, что шофер-француз ему посочувствует. Странные люди, определенно странные.

396

Элис Токлас только что начала печатать эту книгу, пока у нас были немцы, мы рукопись не печатали, почерк мой до того ужасен, что вряд ли хоть один немец сумел бы прочесть, но сейчас, они, правда, еще не ушли, но, как бы выразиться, уже не здесь, и можно оставлять окна открытыми, не гасить свет, боже мой, такие, казалось бы, мелочи, но как много они значат, в самом деле. Немцы ушли из Флоренции, хорошая новость, и все рады, теперь американцев ожидают здесь к 15 августа. Французы любят назначать точные даты, это их подбадривает, но, кажется, это скоро, говорят еще, что в нашем районе находится английский полковник и пятнадцать канадских офицеров, так ли это, иногда мы верим, иногда нет. Если они здесь, было бы приятно их увидеть.

Здесь есть еще сорок с лишним немцев, но в деревне они больше не появляются, почему, спросила я мэра, он подмигнул и сказал, спят весь день, а ночью выставляют охрану, боятся, сказала я, как кролики, сказал он. Все радуются, что самоуверенные немцы трусливы, как кролики, все рады.

Хотя немцы еще здесь, маки взяли на себя заботу по обеспечению нашего городка продовольствием, как и везде в районе, распределяют больше масла и сыра, чем раньше. Изымают все молочные продукты, запасенные для немцев. Посмотрите, взволнованно сказала кухарка, масло завернуто в фольгу, о, его готовили для этих грязных бошей, этих чертовых птиц, а теперь оно у нас, скорее, мадам, идите, попробуйте. Она хранит фольгу как священный сувенир, первый трофей. Ага, сказала она, они заставляли нас плакать с 1940-го, а теперь сами плачут. Трудно, конечно, с лекарствами, даже у немцев их немного, так что маки не могут их отбить, все возвращаются к старым рецептам из лекарственных трав. Постоянно советуются со стариками, помнят ли, как лечились в молодости, от синяков и ушибов размельченная дикая вербена, для дезинфекции и уменьшения опухоли лепестки белой лилии, настоянные на водке, и ножные ванны из отвара плюща.

Уж не знаю как, но начинают возвращаться французские рабочие из Германии. Как им это удалось, они не рассказывают, но за последнее время вернулись трое. Они описывают Германию, какова она сейчас.

А сегодня мы особенно возбуждены, потому что союзники высадились на юге Франции, а мы как раз у них на пути к северу, это воодушевляет. Одна женщина только что рассказала, что выделила две комнаты, и хотя сейчас

праздник Успения, она немедля взялась наводить там порядок, готовясь к приходу американских солдат, все хотят выучить английский язык, и побыстрее.

398 Как я уже говорила, вернулись некоторые рабочие, насильно угнанные в Германию, неведомо, как французы ухитряются, но они всегда прибредают назад, и, похоже, без особого труда, решают вернуться домой и возвращаются.

Германию они описывают странно. Они утверждают, что гражданское население всё еще тупо верит в победу, тут ничего не изменилось, но армия полностью деморализована, а солдаты утешаются, стреляя в своих офицеров, кажется, сам Гитлер приказал солдатам стрелять в любого офицера или солдата, который высказывается против правительства, и, говорят французы, естественно, если солдат чем недоволен, самое милое дело пристрелить офицера, а потом заявить, что тот выступал против правительства, и вместо наказания получить благодарность. Более того, германская армия начинает бунтовать, так утверждают эти французские парни, но пока гражданское население верит в победу, Германия не капитулирует. Особый ужас вселяла во французов жестокость немцев к русским, к мужчинам и к женщинам, немцы до того их боятся, что не знают пределов жестокости, так это объясняют французы.

Все напоминает мне один день в Париже, у нас ужинало много людей, было это году

в 1935-м, обсуждали нацизм и Гитлера, и я сказала, что Гитлер намеревается уничтожить Германию, потому что он австриец, австрийцы в душе своей так Германию ненавидят, пусть и неосознанно, что готовы при возможности ее уничтожить, а Гитлер может и уничтожит. Все сочли, что я пытаюсь показаться умной, но совсем нет, это правда, будь Гитлер немцем, он бы не смог разрушать Германию, как сейчас, похоже на Наполеона, Наполеон итальянец, и, само собой, ему было безразлично, сколько французов погибнет. Тот же самый суд Соломона, зов крови, но совершенно удивительно, как иностранное чудовище чарует нацию, которую разрушает, на что неспособно чудовище, возвращенное в родном доме. И Гитлер совершенно спокойно дожидается, пока в сражение вступит последний батальон и победит или погибнет, предположительно погибнет, но он воспитал их так, потому что он чужестранец, а не немец, и это обратная сторона истории о пророке, который не признан в своем отечестве.

В наши дни никто не опасается смерти из страха попасть в рай или ад, но со смертью прекращается жизнь, а жизнь интересна, и для Гитлера тоже, так зачем останавливаться?

Разбросанные повсюду небольшие отряды немцев по-прежнему разбросаны, наши ушли только вчера, ненавязчиво, насколько способны к этому немцы, но они ведь и не солдаты, в основном железнодорожники, а те не-

сколько солдат-охранников, что с ними оставались, – несчастные образцы рода человеческого, жертвы, как говорится, русского ревматизма, сейчас они соединились с теми, кто за рекой, пятьсот человек покинули было Экс-ле-Бен, но на горе населению вернулись, маки отрезали все средства связи, и они вернулись. Маки обещают выместить их отсюда и, полагаю, так и сделают. Мы теперь часто встречаем маки, они разъезжают на огромных грузовиках, в камуфляже, один я сегодня видела в городке, где по случаю покупаю пирог, и когда увидела грузовик, у меня защемило сердце, неужто немцы вернулись, но нет, на капоте весело развевался маленький триколор, грузовик размалеван крестами Лотарингии, все весело и празднично, совсем не как при немцах. Сегодня я узнала, что главой нашего региона назначен капитан Буве, приятный человек, в самые мрачные дни войны зимними вечерами мы вели с ним длинные беседы между Белле и Билиньином, радовались битве за Лондон, радовались вступлению русских в войну, радовались тому, что радуешься, конечно, я знать не знала, что он связан с маки, пока немцы не ушли из Белле, они пытались поймать его и его зятя, но тем удалось спрятаться, в горах это не трудно, и их не поймали, он отставной армейский офицер, химик-подрывник, неудивительно, что он успешно подрывал железные дороги и мосты, а сейчас все знают, кем он был, и это приятно.

Когда видишь, как изолированные подразделения германской армии, перестав побеждать, превращаются в перепуганных кроликов, начинаешь понимать, почему у Германии не могло быть колоний, немцы опасаются чего-то, даже когда в основном побеждают, надо пожить под немецкой оккупацией, чтобы это понять, а если ты всегда готов испугаться, естественно, ты не в состоянии навязать свою волю примитивным расам. Они не рисковали перемещаться без оружия, пока их не соберется толпа, и так было даже до появления маки. Истинная правда, как же им стать доминирующей расой, ну как? Все теперь бодры, мастерят флажки для встречи союзников, даже крестьяне в разгар уборочной страды, их жены находят время мастерить флаги. Замечательно, просто замечательно, можно не закрывать окна, все в приподнятом настроении. Несчастные жители Экс-ле-Бен заполучили обратно пятьсот немцев, плохо, но хорошо, что они не смогли сбежать, жители Экса это понимают, и не беда ненадолго заполучить их опять. Все мужчины, молодые и старые, хотят быть причастными, все готовы сразиться с немцами, завидуют тем, кто присоединился к маки раньше, французские войска высадились на юге, и теперь, о, как все хотят быть с ними.

Сегодня утром еще до восхода солнца нас разбудили автоматные очереди и винтовочные выстрелы, но длились они недолго, похоже, две группы маки не договорились и ата-

ка не удалась, однако по всей Савойе немцы сдаются, и те, что по другую сторону реки, тоже выразили желание сдаться, наверное, так и сделают, и у нас наступит мир при маки до прихода американцев, с появлением первого американского танка книга закончится, а он появится тут, несомненно, пройдет неделя-другая, пессимисты говорят, три недели, но никто не ожидает, что потребуется месяц, войска союзников в тридцати километрах от Парижа, ответственный момент, милый Париж, мы видели, как ты избежал немцев в 1914 году, а сейчас 1944-й.

Сегодня мы оказались в компании настоящего живого маки, ехали в такси до Кюлоза, он к нам подсел, и мы обрадовались, загорелый и умелый, на плече триколор, мы американцы, сказали мы, да, мы знаем, сказал он, мы с уважением пожали руки, поздравили друг друга, у маки он в чине капитана, сидел в тюрьме в Германии, сбежал два года назад, вернулся к своей работе в речной порт, присоединился к маки и с тех пор работал с ними, мы все остались довольны знакомством, нынче довольны все, трудно вообразить, до чего странно видеть у всех улыбки, а улыбаются все.

Маки удивительно хороши, конечно, сейчас они вооружены, численностью более-менее превосходят немцев, которых атакуют, и кроме того, уверены в победе, а когда они только начинали подрывать немецкую транспортную систему, они были практически не вооружены,

малочисленны, их нередко выдавали сограждане, и все-таки им удавалось приводить в негодность железнодорожные пути, блокировать тоннели, взрывать мосты, вдобавок ко всем их трудностям добавлялась забота получать грузы, сбрасываемые с самолетов, и не попасться, и прятаться, и изготавливать боеприпасы, и все под носом у многочисленных охранников в полностью оккупированной стране, бедные маки, зачастую голодные и холодные, многие соотечественники их не поддерживали, похоже на Вэлли-Фордж, только без генерала Джорджа Вашингтона¹¹⁵, и каждой группировке самой приходилось обеспечивать себя пропитанием, действовать по своему усмотрению и поддерживать боевой дух. Мы, кто жил среди вас, приветствуем вас.

Вчера я гуляла вечером, и когда шла по деревне, из тишины ночи донеслись тихие голоса, мадам, а вы не боитесь комендантского часа?

Впрочем, мальчишки, прежде игравшие в маки секретно и в тайных заброшенных уголках, ныне играют в открытую на улицах, на плечах у них красно-бело-голубые ленты, на головах отцовские военные каски, в руках деревянные автоматы, у мальчишек спрашивают, что будете делать, если немцы вернуться. Нет, не вернуться.

115 Вэлли-Фордж (Valley Forge) – городок в Пенсильвании, где располагался военный лагерь Американской континентальной армии зимой 1777–1778 гг. во время американской Войны за независимость.

Все в ожидании, говорят, все происходит молниеносно, как в кино. Они напрочь забыли, как хныкали и говорили, только бы союзники поторопились. Кроме того, они обеспечены едой гораздо лучше, увы, не в больших городах, но в малых да, маки устанавливают свои правила, сегодня объявили, что правительство Виши больше не функционирует и теперь представляют власть они, и с помощью мэра они будут снабжать население и следить за порядком. Мы уже получили дополнительное масло, вино и сыр, теперь, когда маки здесь, жители всю толкут о дополнительном белом хлебе и сардинах, но это совершенно преждевременно, как бы там ни было, ныне всем командуют маки, развешивают указы в мэрии, посылают в деревню глашатая с рупором, и глашатай объявляет, что нам надлежит делать, и все довольны, нам говорят по-французски, понятно, непринужденно, и все, кто хочет, может собираться вместе и обсуждать новости. Я шла по улице и услышала, как один мужчина говорил, да, вот до войны 1914-го, ну да, теперь они опять могут болтать о том, что было до войны 1914-го, сегодня 14 августа, наступает середина августа, месяц будет мирный, как сейчас.

Как хорошо быть свободным, боже мой, а сейчас у нас случилось маленькое сражение, и вот что произошло. Немцы оставили Кюлоз и собрались на той стороне реки в Вионе, сотни две или три. С неделю тому назад маки реши-

ли отвоевать мост и немцев прогнать с места, но возникла проблема с координацией взаимодействия, все маки должны были спуститься с гор, но произошла ошибка. Убили двух немцев на мосту, но немцы не двинулись. Вчера среди бела дня они на вершине холма установили пушку и обстреляли мост, а прежде им пришлось отогнать мальчишек, купавшихся в заводях Роны, еще там оказались две женщины, они слегка ранены, затем маки атаковали мост, вышла впечатляющая схватка, шесть маки против восьми немцев, двоих немцев убили, остальные бежали, в это время из Лиона налетели немецкие самолеты, но не помогли своим товарищам по оружию, оказавшимся в беде, продолжили путь в направлении Германии, и больше мы их не видели. И вскорости немцы в спешке покинули свой лагерь. Маки водрузили на мосту флаг и послали к мэру гонца, чтобы тот сообщил глашатаю, мост в руках маки и никому не рекомендуется его пересекать, наступила ночь, маки со всех сторон атаковали спасавшихся бегством немцев и убили от пятидесяти до восьмидесяти человек, застрявших в болотах, племянник нашего булочника убил пятерых, сын мясника четверых, немцы пытались бежать в Экс-ле-Бен, но их отбросил назад другой отряд маки, все это напоминало известную процедуру по уничтожению кроликов¹¹⁶, стояла жара, немцы, за-

116 В США практиковалось уничтожение расплодившихся кроликов: люди, пешком или на лошадях,

стрявшие в болоте, оказались в бедственном положении, одни пытались сдать, другие отстреливались, и маки убили всех, каждого, а затем вернулись, все были довольны исходом, маки велели всем вывесить флаги, мы кинулись раздобывать флаги, владелец магазина, известный коллаборационист, раскопал на складе изрядно французских, английских и американских флагов, нам достался один, очень хороший, а мэру маки вручили большой красивый американский флаг, и его вместе с французским вывесили у входа в мэрию, мы были тронуты, жена мэра учила всех детей отдавать честь флагу и говорить *vive la France et honneur aux maquis*¹¹⁷. Удивительно, но многие маленькие дети ни разу не видели флага, у немцев флагов не было, французские флаги были, конечно, запрещены, и дети подходили и робко щупали флаги, никогда их не видели. Что творится в городе, все высыпали на улицу, поют «Марсельезу», все так раскованны, невозможно объяснить тем, кто не был в немецкой оккупации, каково это, в Кюлозе было легче всего, тут большинство населения занято на железнодорожной станции, и немцы не хотели настраивать их против себя, и все равно оккупация была как удушающее облако, невозможно нормально дышать, еды хватало,

загоняли кроликов на огороженную проволочным забором территорию и там забивали палками на смерть.

117 Да здравствует Франция и слава маки (фр.).

немцы нас не трогали, но постоянно давила тяжесть, а теперь все чувствуют себя естественно, хорошо, плохо, но естественно, таков был наш местный бой, все маки собрались на мосту, они полагают, что немцы не вернуться, но они настороже, сейчас, например, слышались выстрелы, но вскоре затихли, вероятно, ложная тревога, мы любим маки, *honneur aux maquis*.

Говорят, что шестеро раненых и якобы убитых немцев ускользнули в горы, маки их время от времени ищут, но пока не нашли и решили, что беглецы, по всей вероятности, мертвы и больше не появятся. Радостно смотреть на станцию, здание блокпоста, которое построили немцы, уже снесено, исчезла и колючая проволока, дети играют там, где боши так важно стояли с винтовками, готовые пристрелить кого угодно. Железнодорожники трудятся без перерыва, ремонтируя и приводя в порядок пути, чтобы восстановилось движение поездов, как только Франция станет свободной, ну, она свободна, но не вся, в Лионе и Шамбери, двух основных городах, маки еще ведут бои с немцами, но скоро, уже с уверенностью можно говорить скоро, Франция будет свободной.

Все довольны, что маки захватили Виши, хорошая шутка, *une bonne blague à la Française*¹¹⁸, не союзники захватили Виши, а маки, все так довольны шуткой, что позабыли свою ненависть к правительству, французы и впрямь *sans*

118 Хорошая шутка на французский манер (фр.).

*gancine*¹¹⁹, они не помнят вражды, это их слабость, но это и их сила, и шутка, например, что маки захватили Виши и правительство разбежалось, всех очень веселит. Стоит сушь и жара, ужасная сушь и жара, но сельчане знают, что такая погода хороша для воюющих, и мирятся с этим, хотя овощи сохнут, крестьяне говорят *tant pis*, ну и ладно, зато мы свободны. Сейчас опять распределяют вино, масло и сыр, чего ж беспокоиться?

По радио объявили, что американцы в Гренобле, всего в восьмидесяти километрах от нас, и нигде никакого сопротивления, о, только бы они появились здесь. Мы должны их увидеть. Но туда не добраться.

А сегодня в половине первого голос по радио объявил, внимание, внимание, внимание, французский голос, от волнения прерываясь, объявил, что Париж освобожден. Слава, аллилуйя, Париж свободен, подумать только, не прошло и трех месяцев после высадки, а Париж свободен. Все эти дни я не осмеливалась упоминать предсказание святой Одиллии, она предсказала, что Париж не сожгут, что город спасет преданность его жителей, так и случилось, да здравствует Франция. Не могу описать, как мы счастливы, осталось дожидаться прихода в Кюлоз американцев, и, думаю, с войной будет покончено, да, я так думаю.

Сегодняшний вечер напомнил мне празднование 4 июля в юности, в долине Сан-Хоакин,

119 Незлопамятны (фр.).

было так же жарко, и сегодня, в честь освобождения Парижа, мы возложили цветы к памятнику солдатам, памятник уже украшен флагами, маки прошли маршем по главной улице Кюлоза, а затем все встали по стойке смирно и запели «Марсельезу», любопытно было узнать, кто из Кюлоза был бойцом маки, была и другая группа, связанная с маки, но не участвовавшая в боевых действиях. Мне нравится и их называть маки, потому что таковыми они и были, рисковали каждую минуту, получали оружие, укрывали его, доставляли маки, саботировали, а ведь все это время значительная часть населения не верила в маки, и вот они, рабочие, станционные служащие, чиновники, портные, парикмахеры, да кого ни возьми, никто, естественно, не знал, кроме них самих, кое-кто, похоже, очень устал, но, боже мой, все были счастливы, у всех на плечах флаги, а некоторые девушки, бог знает, как им это удалось, пришли в платьях, целиком сшитых из трехцветных лент, Париж освободили в полдень, и к восьми вечера вся Франция украшала памятники солдатам венками, потому что такой памятник, само собой, есть в каждой деревне, *honneur aux maquis*, по слухам, американцы в Экс-ле-Бен, всего в двадцати пяти километрах, нам не терпится их увидеть, даже немножко сильнее, чем прочим жителям, что само по себе говорит о многом. В местном магазине мы нашли ленты с цветами американского флага, раздали детям, как в войну 1914–1918,

когда в нее вступили американцы, интересно знать, уж не с тех ли времен ленты, ведь зачем хранить их в местном сельском магазине, *vive la France, vive l'Amérique, vive les alliés, vive Paris*¹²⁰, такой восхитительный день. Ах да, забыла, я, естественно, хотела, чтобы Баскет тоже участвовал в параде, взяла его к парикмахеру и попросила, не подстрижете ли его, чтобы он выглядел элегантно, а то некрасиво, придут американцы, Париж освобожден, и единственный пудель в Кюлозе, чьи хозяева американцы, неэлегантен, и пока все мы, включая Баскета, покрывались потом, пуделю подрезали коготки, побрили лапы и морду, он стал элегантным и в таком виде принял участие в вечернем празднестве, малыши кричали, Баскет, Баскет, иди сюда, Баскет, они так красиво это говорят, а потом взревели трубы, и, естественно, напугали Баскета, он кинулся было бежать, но я привязала его к себе косыночкой, не так уж элегантно, но мы все равно гордились собой.

Устали сегодня после вчерашнего, так взволнованы, так счастливы, измучены, гуляем, пожимаем всем руки и совершенно измучены.

Так прошел вчерашний очень счастливый день, а сегодня в Париже снова уличные бои, в дорогом сердце Париже, но святая Одилия

¹²⁰ Да здравствует Франция, да здравствует Америка, да здравствуют союзники, да здравствует Париж (фр.).

предсказала, что все будет в порядке, и хотя тревога нас не оставляет, в общем, чтобы нас отвлечь, что ли, раздался взрыв, пока я принимала ванну, дом затрясся, я вылезла из ванны, и раздался другой взрыв, дом опять трянуло, долину заволокло дымом, пытались взорвать мосты через Рону, кухарка причитала, люди ринулись смотреть, мы видели, что железнодорожный мост цел и невредим, а что с маки, которые его охраняли, говорили, что никто не пострадал, что это боши, вынужденные оставить Францию, направлялись домой и мстительно сбросили бомбы, мы видели в воздухе две эскадрильи, сейчас они исчезли, опасаясь, не американские ли самолеты бомбили, но никто ничего плохого об американцах и не подумает, может, и не американцы, сегодня мы не так счастливы, как вчера, но сегодня есть сегодня, и больше добавить нечего.

411

А сегодня Париж полностью освобожден, это и предсказала святая Одилия.

Святая Одилия предсказала, что события пойдут своим чередом, наступит худшая из всех войн, с неба прольется огненный дождь, наступят мороз и жара, реки переполнятся кровью, и наконец, враг будет побеждать, все станут вопрошать, как он может быть так силен, все станут умолять, дайте нам мир, но затем грянет схватка с горой, и под горой несомненно подразумевалась Москва, потому что даже во времена святой Одилии из-за обилия соборов и церквей она именовалась Святой Горой,

и действительно, именно там, под Москвой, враг получил свой первый урок, затем Одилия предсказала, что будут сражения на улицах святого города, падет Рим, но это станет не концом, но началом конца (так и случилось), и Париж, оказавшись в большой опасности, будет спасен благодаря святости его святых женщин, Святой Женеьевы¹²¹, сейчас он спасен благодаря героизму его мужчин и женщин, мы так счастливы, *honneur aux maquis*.

Как приятно выйти на деревенскую площадь в воскресенье вечером, там полно маки в приятных шортах и рубашках хаки, на плечах триколор, маки оживленно переговариваются с девушками, все улыбаются, а ведь лишь десять дней назад все прятались по домам, по площади разгуливали немцы, всего десять дней назад, ну и неделя, никто еще по-настоящему не привык, и однако трудно поверить, что так было не всегда, теперь в городе расположились сто пятьдесят бойцов маки, и это большая радость.

Вчера я гуляла, разразилась жуткая гроза, я зашла в придорожное кафе, там сидели двое мужчин, на груди эмблемы F. F. I.¹²², я сказа-

121 Святая Женеьева Парижская – святая, почитаемая в православной и католической церквях, покровительница Парижа.

122 Силы внутренней безопасности Франции (Forces Françaises de l'Intérieur), организация борцов Сопротивления, маки, на последнем этапе Второй мировой войны.

ла здравствуйте, мы оба, я и Баскет, вымокли до нитки, мужчины ответили здравствуйте, но с акцентом, мы перекинулись несколькими словами, и я распознала их акцент, испанцы, я сказала, что я американка, мы торжественно обменялись рукопожатием и разговорились, один был типичным интеллектуалом из Барселоны, напомнил мне Сабартеса, друга Пикассо, он и его товарищ вместе с двумястами пятьюдесятью испанскими беженцами два года бок о бок с маки сражались с немцами, раз уж мы, сказали они, не можем сражаться за свободу в нашей стране, мы сражаемся за свободу, где можем, они этим занимались уже десять лет, знали про Хемингуэя, а когда я упомянула, что знакома с Пикассо, они поднялись и торжественно пожали мне руку снова. Я поинтересовалась, откуда они пришли, они ответили, из Аннеси, я спросила, вы, должно быть, встречались с моими соотечественниками, да, ответили они, журналистка их интервьюировала, спросила, что вы, испанцы, тут делаете, а когда они ответили, сказала, что рада их встретить и что они герои. Оба направлялись в Артемар навестить своих жен, беженок, а затем собирались вернуться в Аннеси. Если увидите эту журналистку, попросила я, передайте, что я хочу ее видеть, я назвала свое имя, они не запомнят, но все равно, приятно послать словечко. Это дразняще-мучительно, американцы вокруг, порой всего в двадцати километрах, а мы их не видим, как же хочется

их увидеть, послать хотя бы словечко в Америку и узнать последние новости. Сегодня я пыталась разузнать об американцах и поплатилась, меня всю искусили комары. Я отправилась к Пон-де-ля-Луа, единственному уцелевшему мосту через Рону, его, как ни странно, не разрушили ни в 1940-м, ни сейчас. Это на том мосту состоялся наш небольшой бой, и туда же на днях сбросили бомбы, или это было только вчера? Я поговорила с маки, охранявшим мост, среди них был знакомый юноша из Сезерье, и мне сказали, что по мосту проезжала автомашина с американскими офицерами, вечером я сообщила Элис Токлас, и она сказала, что возьмет с собой напечатанный материал и будет дожидаться американцев, но когда я рассказала про комаров, она сникла, один железнодорожник, тоже бывший на мосту, сказал, что пришел приказ в три дня отремонтировать рельсы между Шамбери и Кюзозом, потому что они нужны американцам, и обещал, как только получит сигнал о первом поезде с американцами, будь то днем или ночью, все бросить и прийти меня предупредить. Дорогие американцы, как мы хотим их видеть.

Удивительно радостно слышать вечерами голоса играющих детей, очень долго они играли втихомолку, боялись играть на улицах или тротуарах, но теперь они свободны, и взрослые снисходительно улыбаются, и вдруг слышится детский голос, паф, паф, паф, конечно, стреляют из автомата по бошам, теперь

все называют немцев бошами, все непринужденны, раскованны, кроме тех, разумеется, кто наживался, сотрудничая с немцами, эти, естественно, нервничают. Маки, конечно, не много мстят, французы народ не мстительный, но немцы ведь и в самом деле творили чудовищное в горных районах, и понятно, что горные парни, задержав в Аннеси эсесовцев, заставили их пройти через весь город с поднятыми руками, а затем отвезли в горы, и никто не знает, что с ними случилось, молодые ребята, видевшие, как немцы сжигали фермы вместе с мужчинами, женщинами, детьми и домашним скотом, захватив немца в плен, не могут не поддать им под зад как следует. Но французы не мстительны и как только почувствуют свою силу, от мстительности избавятся.

415

Вчера заходил наш друг месье Годе, он собирается в Швейцарию, у него там дела, и мы надеемся, что он сможет послать телеграмму в Америку от нашего имени и передать всем нашим друзьям, что с нами все в порядке, он едет на велосипеде, с разрешением от F. F. I., и как только доберется до Сен-Жюльен, как мы всегда ездили в Швейцарию, по его мнению, проблем уже не будет. Будет приятно узнать новости из Америки, когда он вернется. Мы попросили его привезти с собой журналиста или журналистку, а то и обоих, замечательно, если он выполнит нашу просьбу. Люди говорят, что время от времени замечали проезжавшие американские автомобили с офицерами,

но мне они не попадались, а, разумеется, видеть значит верить, потому что у этого народа мыслями управляет желание, но они придут, благослови их бог.

416 Я встретила сегодня месье Буртена, чья дочь учится в университете Гренобля, она вечно убеждала отца, когда он беспокоился о ее студенческой деятельности, мой дорогой отец, ты не понимаешь, это наша война, не ваша, и сейчас, когда F. F. I. покрыла себя славой, она сказала ему, видишь, мы были правы, конечно, люди вашего возраста менее доверчивы, чем мы, но на сей раз мы оказались правы, оставшись верными нашим принципам, взгляни на результаты, они великолепны, ответил отец, да, сказала дочь, как ты понимаешь, это была работенка не для ветеранов.

Потом я разговаривала в Кюлозе с молодым человеком, которого часто видела в Белле, где он служил в первом батальоне альпийских стрелков, до того как батальон расформировали с упразднением южной зоны. С тех пор я его не видела. Естественно, я спросила, участвовал ли он в Сопротивлении. Он ответил, что по состоянию здоровья, из-за болезни легких сам не смог, но практически все его однополчане, кроме офицеров, были в Сопротивлении, это движение не для офицеров, сказал он, офицеры действующей регулярной армии в основном не обладают такой ментальностью, чтобы стать маки. Да, сказала я, все армейские офицеры-патриоты, которых знаю я,

смогли добраться до Африки, присоединиться к регулярным частям, да, сказал он, им не доставало качеств, присущих маки, отставные офицеры, да, большинство участвовало в Сопротивлении, все было, сказал он, удивительно секретно, вы, возможно, не знаете, что один из лидеров парижских маки три месяца скрывался в Кюлозе, нет, сказала я, не знала, а вы знали, нет, нет, сказал он, я близко знаком с его сестрой, но она об этом не упоминала, сколько ему лет, спросила я, года двадцать четыре, ответил он, немцы напали на его след, двоих из отряда арестовали, но остальные лидеры ускользнули, двое захваченных, несмотря на ужасные пытки, не выдали своих товарищей, через три месяца они узнали, что немцы потеряли их след, вернулись и возобновили работу, а сейчас, когда все закончилось, сестра мне рассказала. И откуда, спросила я, бралось оружие, которое было у парижан, о, рассмеялся он, в основном хранилось еще с сорокового, да быть не может, сказала я, да, сказал он, уверяю вас. Что ж, *honneur aux maquis*, не устаешь это повторять, приятно принадлежать двум странам, которыми можно гордиться, у меня это Америка и Франция.

Сегодня вся деревня взбудоражена, взбудоражена до невозможности, бреют наголо девушек, друживших с немцами во время оккупации, называется прическа 1944 года, ужасно, поскольку стригли публично, сегодня. Иначе как Средневековьем не назовешь, часто это

повторяю, весьма интересно и логично, несомненно.

418 И кстати, история об одной еврейке, парижанке, хорошо известной в Париже. Она и ее семья, когда начались гонения на евреев в Париже, укрылась в Шамбери. Позднее, когда уже не было южной зоны, всем евреям надлежало иметь соответствующую отметку в удостоверениях личности и продуктовых карточках, и она отправилась в префектуру за отметкой, а сотрудник, к которому она обратилась, посмотрел на нее строго и сказал, мадам, у вас есть доказательства того, что вы – еврейка, нет, сказала она, а раз у вас нет доказательств, зачем вы меня беспокоите, нет, позвольте, сказала она, нет, сказал он, пока не сможете доказать, что вы еврейка, мне нет до вас дела, до свиданья, и она ушла. Она-то и рассказала эту историю. Большинство французских чиновников были таковы, правда.

Все твердят, что через Кюлоз проезжают американские офицеры, их можно отличить, говорят все, по большим шляпам. Американские офицеры разве носят большие шляпы, о да, уверяют очевидцы. В самом деле, задумалась я, или это просто застрявшая у населения идея о ковбоях. Возможно, так и есть, мы с таким пылом предвкушаем, как увидим сами.

Что за день, самый счастливый день из всех дней, я всегда говорила, что закончу эту книгу, едва в Кюлозе появится первый американец,

и сегодня, о счастливый день, вчера и сегодня, 1 сентября 1944 года. Шестеро побывали у нас в доме, двое остались ночевать, трое из Кюлоза, трое из Белле. О счастливый день, вот и все, что я могу сказать, какой счастливый день.

Вот как это произошло. Мы ездим в Белле примерно раз в месяц, за покупками, в банк, по всяким делам, и вчера, в четверг, настала пора, мы отправились в Белле на такси, доехали до города, и когда я вышла из такси, несколько человек сообщили мне, американцы здесь. Я слышала это так часто, что даже перестала надеяться и ответила, да ерунда, нет, правда, сказали они, и тут подбежал сын часовщика, он был самым непоколебимым и яростным сторонником союзников даже в чернейшие дни оккупации, и сказал, американцы здесь. В самом деле, спросила я, да, ответил он, ладно, сказала я, веди меня к ним, хорошо, сказал он, они в гостинице, мы со всех ног поспешили туда, и когда добрались, меня пытались не пустить, но мы ответили, никоим образом, и ворвались в гостиницу. Увидев владельца гостиницы, я спросила, это правда, что здесь американцы, да, ответил он, пойдете, и я пошла за ним, а за мной, задыхаясь и ужасно волнуясь, бежали Элис Токлас и Баскет, мы зашли в комнату, где было полно маки и мэр Белле, и я громко произнесла, есть тут американцы, и трое поднялись, и это были американцы, боже, благослови их, мы были так счастливы. Мы пожали друг другу руки, похлопали друг

друга по плечам, сели, я рассказала, кто мы такие, а они, оказывается, нас знали, я всегда принимаю как само собой разумеющееся, что люди меня узнают, но при этом в последний момент как бы сомневаюсь, но они знали, конечно, знали, лейтенант Уолтер И. Олсон, 120-й инженерный полк и рядовые Эдвард Лэндри и Уолтер Хартц из эскадрильи «Буревестник», и как же мы болтали, и как мы по доброму американскому обычаю похлопывали друг друга, и я выпрашивала, откуда они пришли, и куда направляются, и где родились. В Первую мировую нам тоже повстречались первые американские солдаты, было приятно, но ничего похожего на эту встречу, за два года ни единой весточки из Америки, и вот они здесь, аж трое. Потом мы пошли посмотреть на их джип, я думала, он гораздо меньше, а джип оказался довольно большой, и они спросили, не хочу ли я покататься, а я ответила, еще как хочу, и мы все забрались в машину, и вот я еду в американском военном автомобиле, а за рулем американский солдат. Всеобщий восторг.

Затем мы попрощались, надеясь встретиться вновь, мы отправились по магазинам, и вдруг все пришли в возбуждение, появились армейские грузовики с солдатами, но не американскими, то была французская армия на американских грузовиках, они были счастливые, и мы тоже, счастливые и усталые, а затем мы увидели двоих, похожих на американцев, в отдельном автомобиле, я подошла и спросила,

вы американцы, и они ответили, так точно, и тут я уже была уверена и произнесла, я Гертруда Стайн, не хотите ли переночевать у нас? Да, ответили они, решив, что война несколько часов сможет обойтись и без них, и потому согласились, Элис Токлас села рядом с водителем, я с полковником, какой удивительный момент, мы все приехали к нам домой, деревня бушевала, все хотели пожать руку полковнику, и наконец мы, счастливые, добрались домой. У нас в доме появились первые американцы, невозможно поверить, что еще три недели тому назад здесь в деревне хозяйничали немцы, удивительно. Подполковник Уильям О. Перри из штаба 47-й пехотной дивизии и рядовой Джон Шмальц, удивительно, вот и все, что я могу сказать, и я сказала, будете спать на кроватях, где полтора месяца назад спали немецкие офицеры, удивительно, боже мой, чистое чудо.

421

Мы проговорили весь вечер, они привнесли Америку в наш дом, всю до мелочей, они из Колорадо, прекрасный Колорадо, я не знаю Колорадо, но так я ощущала, прекрасный Колорадо, а потом все устали, они угостили нас замечательными американскими продуктами, мы были счастливы, абсолютно, поистине счастливы и ужасно устали от эмоций. Наутро за завтраком мы еще поговорили, обнялись, расцеловались, и они уехали. Едва мы сели обедать, вошли еще четыре американца, на этот раз военные корреспонденты, и оказалось,

что мы еще не исчерпали эмоций, как и способности разговаривать, и как же мы болтали, и их родные места звучали музыкой в моих ушах, Балтимор, и столица Вашингтон, и Детройт, и Чикаго, всё музыка для меня, названия таких далеких, далеких городов, где они родились. Они попросили меня в следующее воскресенье съездить с ними в Вуарон и выступить по радио, и я поеду, и война окончена, и это безусловно последняя война, которую надо запомнить.

Эпилог

Напишите о нас, просили все немного печально, и я о них напишу. Поезд отходил, а они все кричали, прощай, Герти, встретимся в Америке, заедем к тебе на обратном пути, увидимся в Калифорнии, а один сказал, придется остановиться в Нью-Йорке.

423

Так прекрасно и ужасно гордиться, и дружить, и общаться с солдатами двух американских армий во Франции, разделенных всего двадцатью семью годами. Это удивительно, а если б я смогла прожить еще двадцать семь лет, увидела бы их опять. Да нет, вряд ли, разве что еще где-нибудь, но не здесь.

Когда американцы появились у нас, они были как бы парами, офицер и сопровождавший его солдат-шофер. Они были товарищами, товарищами и шоферами, шоферами и товарищами. Французская революция объявила свободу, равенство, братство, они так говорят, а мы так живем, благослови нас бог.

Конечно, шофер полковника гордится чуть больше, чем шофер лейтенанта или капитана, но только чуть-чуть. Первым был подполковник Перри из Колорадо, он ехал со мной

из Белле на такси, а мисс Токлас с Джейком на джипе, его звали не Джейк, но он, пока сидел и ждал в джипе, раздавал, как кинозвезда, автографы французам, сгрудившимся вокруг него, и подполковник звал его Джейк.

424 Так вот, мисс Токлас спросила, был ли второй американец такой же солдат, как и Джейк, это были наши первые американцы, и мы не знали, как различать ранги, на вид они все одинаковые, особенно с застегнутыми кителями, и мисс Токлас спросила шофера, и тот с видимым удовлетворением ответил, а, он подполковник.

Впоследствии у нас побывало много офицеров, и наконец в Экс-ле-Бен я встретила трех майоров. Я сказала, ну хорошо, но у нас уже перебывали все, от второго лейтенанта до полковника, и по несколько представителей каждого ранга, а теперь я хочу генерала. Майоры, то есть один майор ответил, пожалуйста, я смогу привести генерала. Подойдет вам генерал Пэтч? Подойдет ли, переспросила я, ну, наверное, подойдет. Напишите ему записку, сказал он, я уверен, он откликнется. Он дал мне старую открытку, я уже дала ему автограф на французской банкноте, тяжело писать на французских бумажных деньгах, но я приучилась и написала записку генералу Пэтчу и, разумеется, все решили, что это шутка, но вышло не так. Спустя дней десять у нас появился личный секретарь генерала Пэтча с очень приятным шофером, родом из Аркан-

заса, который скромно сказал, что обычно возит этого генерала, и они доставили мне очаровательное письмо от генерала с уведомлением, что скоро он будет у нас на обед из курицы, который я ему пообещала. Секретарь предупредил, что генерал приедет недели через две. Когда подошло время, разгорелось тяжелое сражение в Вогезах, генеральская ставка уехала из нашего района, и мы все еще ждем, но он обязательно приедет, сказал, что приедет, и приедет.

425

Постепенно радость и возбуждение от того, что к нам прибыли американцы, взаправду прибыли американцы, понемногу улеглось, и я стала замечать, что американцы стали разговорчивее, чем прежде. Американские мужчины в те далекие дни, в прежние дни, вступали в разговор неохотно. Прекрасно помню, как в ту войну наблюдала в гостинице за четырьмя-пятью американцами, они сидели за столом, и один назойливо бубнил свой монолог о том, что он сделал и не сделал, а остальные сурово и безмолвно ели и пили. И видела, как группы солдат стояли на углу или где-нибудь сидели, проходили минуты и часы, и никто из них не произносил ни слова, затем один вставал и уходил, остальные тоже вставали и уходили, и на этом все. Нет, эта армия была другой, эта армия общалась, она разговаривала и слушала, и у каждого из них находилось что сказать, нет, эта армия не походила на прежнюю. Люди не меняются, нет,

не меняются, когда я после тридцатилетнего отсутствия посетила Америку, меня спрашивали, изменились ли американцы, а я отвечала, нет, куда им меняться, они могут только быть американцами, и вообще, с любимым из них я могла бы учиться в школе, они точно такие, как те, с кем я ходила в школу, они и сейчас истые американцы, только разговорчивее и интересные собеседники. Прежние американцы всегда рассказывали истории и больше ничего не говорили, а нынешние не рассказывают истории, они беседуют, и то, что они говорят, интересно, и то, что они слышат, интересно им, и это отличает их, не совсем отличает, боже благослови, они те же и не совсем те же.

Тогда мы это не обсуждали. Нам надо было многое рассказать, им надо было рассказать многое, некогда тратить время, беседуя о манере беседы. Мы всякий раз спрашивали, из какого они штата и чем занимались до войны. Один рассказал, что родился прямо на ипподроме, а работал в ночном клубе. Другой был чемпионом штата Миссисипи по гольфу, но мы в первую очередь хотели слышать, как они произносят названия штатов, где родились, и других штатов, где жили.

После каждой войны, было только две таких, но я не думаю, что достаточно сказать после той войны, нет, я имею в виду, что такое ощущение после каждой войны, так вот, после каждой войны, когда я говорю и слушаю солдат, больше всего мой слух ласкают названия

штатов Америки. Это музыка, поэзия, не надо перечислять все, достаточно назвать один, два, три, четыре или пять штатов, и вы поймете, как они складываются в музыку и поэзию.

После той войны я хотела написать длинную книгу или поэму, так и не написала ни той, ни другой, но хотела, о том, чем Канзас отличается от Айовы, Айова от Иллинойса, Иллинойс от Огайо, Миссисипи от Луизианы, Луизиана от Теннесси, Теннесси от Кентукки, и все остальные друг от друга, было бы замечательно, потому что все они решительно отличаются от других, включая соседей. И подумать только, очертания штатов, как разлинованные, никаких естественных границ, гор или рек, границы просто вычерчены линейкой, прямые линии и углы, и все равно у каждого штата свой характер, свой акцент, как у провинций во Франции, таких древних. Довольно быстро отличаешь один штат от другого, они все одинаково американские и все различные, обе Дакоты, и Вайоминг, и Техас, и Оклахома. Выбирайте на вкус, мне все нравятся.

В конце концов, каждый подобен своей земле, климату, горам, рекам и океанам, ветру, дождю и снегу, льду и жаре, влажности, так уж устроено, и отсюда привычки в пище, напитках, поступках, образе мысли, хитрости, и хотя демаркационные линии просто нарисованы по линейке, то, что внутри прямых углов, отлично от того, что вовне, это знает каждый американец.

Не пойму почему, но особенно меня тронул Арканзас, сейчас меня все американское трогает по-особому. Есть что-то в этой истории про родимую землю, от нее нельзя отрешиться, в мирное время, живя за границей, этого толком не замечаешь, но во время войны, когда ты одинок, совершенно отрезан от своей страны, ты понимаешь, твоя родина есть твоя родина, истинно так.

Когда закончилась оживленная суматоха с джипами, офицерами и шоферами, мы на некоторое время успокоились и размышляли, уехали ли военные, увидим ли мы их снова, а затем Кюлоз, хотя и небольшой город, но крупный железнодорожный центр, начал принимать воинские эшелоны с солдатами, а мы – солдат.

Поезда с войсками, проходя через станцию, направлялись на фронт.

Я возвращалась домой с прогулки, и один боец Ф. Ф. I. сказал мне, на станции, на запасном пути, стоит поезд с вашими соотечественниками, вам, наверное, приятно будет с ними повидаться, спасибо, ответила я, конечно, приятно, и быстро направилась к поезду. Солдаты разгуливали по перрону, стояли группами, и я подошла к первой же, сказала привет, они ответили, привет, я сказала, я американка, они рассмеялись, мы тоже, и как вас сюда занесло, я рассказала, как пережила войну здесь, а они спросили, есть ли зимой в здешних горах снег, была еще одна большая группа солдат, я на-

звалась, думая, что, возможно, кто-то слышал обо мне, таких оказалось много, меня окружили, мы говорили и говорили. Я впервые встретилась с самыми что ни на есть настоящими пехотинцами, так они представились. Мы заговорили о штатах, а они хотели узнать, как нам жилось при немцах, я рассказывала, им было интересно, они перечислили места, где бывали, высказались про тех, кого встречали, затем попросили автографов на деньгах, и один, поляк, самый расточительный, дал мне стофранковую банкноту расписаться, странно, что таким транжирой оказался именно поляк, возможно, он все равно собирался их истратить, а один солдат рассказал, что они знают обо мне, потому что изучают мои стихи наряду с другой американской поэзией в государственных школах, это польстило мне невообразимо, а затем мы расстались.

Я ушла, размышляя, да, они американские юноши, но полны достоинства, ни малейшего провинциализма, характерного для предыдущей американской армии, они говорили и слушали, в них сквозила уверенность, уверенность в себе, никаких сомнений или неопределенностей, они не собирались ничего объяснять. Та армия уясняла себе и объясняла другим все и вся, а нынешние солдаты не объясняли, они просто беседовали.

Через станцию проходило все больше эшелонов, мы приносили яблоки солдатам, беседовали с ними, а они с нами, и я все сильнее

поражалась, до чего они иные, они понимали, где находятся, чем занимаются и почему, да, они вели себя достойно, никто из них не напивался, ни капельки, и это просто замечательно, что они такие.

430

Преыдушая американская армия обычно спрашивала, почему французы строят заборы вокруг домов, чего они боятся, что они прячут. Почему они сидят здесь и копаются в этой земле, хотя кругом полно земли получше. Эта армия таких вопросов не задает, солдаты считают, что у каждого свои привычки и образ жизни, одни принимаешь, другие не нравятся, но они совершенно логичны с точки зрения их обладателей. Это существенная перемена в мировоззрении американцев, они любознательны, наблюдательны, привычны к различным образам жизни и бытия, интересуются, но не критикуют, такова новая армия. Это замечательно.

Однажды в дождливый день на станции я увидела трех американских солдат и спросила, привет, что вы тут делаете, да просто приехали на несколько дней. Я рассмеялась. В самоволку, спросила я, или теперь это называется по-другому, нет, ответили они, называется все так же. И что, спросила я, будете делать, да просто побудем тут несколько дней, сказали они. Пойдемте со мной, сказала я, даже если вы в самоволке, вас угостят чаем и печеньем, идемте. Они пришли. Один из Детройта, один, что пониже, из Теннесси,

а самый высокий и молодой из Нью-Джерси. Мы поговорили, мне что-то напомнило старую армию, и их самоволка, и желание остаться тут на несколько дней. Они пришли со мной, и мы побеседовали. Им было интересно, Теннеси честно признался, что устал таскать десятидюймовые снаряды, сыт ими по горло. Двое других, похоже, просто устали, не могли объяснить, от чего, просто устали. Мы разговорились и постепенно я начала понимать, что люди с Юга, похоже, довольно часто сиротеют в детстве, мужчины из Теннеси и Арканзаса становились сиротами очень рано, росли в больших семьях, и по мере роста семьи превращались в сирот, и еще я поняла, что теперь полно чисто американских семей, где много братьев и сестер. В прошлой армии семьи в семь—одиннадцать человек встречались редко, а сейчас это, похоже, вполне нормально. Я имею в виду не эмигрантские, а местные, чисто американские семьи. Очень интересно. И тут разница между старой и новой армией стала настолько очевидной, что я начала спрашивать об этом самих американских солдат. Тем временем, трое солдат в самоволке, приехав в деревню, уехали, потом опять приехали и наконец уехали. Перед уходом навести нас, сказали, что приятно было познакомиться, но куда направляются, не сказали.

На станции появилось пятеро из военной полиции, надзирали за сохранностью грузов на поездах во время остановки, чтобы ничего

не украли, мы подружались, и с ними я впервые обсуждала различия между армиями, нынешней и прежней. Почему так произошло?

432 Мы знаем, что мы другие, сказали они, откуда, спросила я. Из того, что слышали о старой армии, мы поняли, что сами совсем другие, сказали они, это несомненно, сказала я, вы особо не пьете, сказала я, не пьем, сказали они, мы копим деньги, не хотим возвращаться домой без денег, хотим привезти с собой хотя бы тысячу долларов, чтобы осмотреться и выбрать, чем заняться. (Даже те трое, что были в самоволке, про деньги рассуждали так же.) Прежде, объясняла я, считалось, что по мере взросления американские мужчины не становятся интереснее, они становятся скучнее. Во время лекционного тура по американским университетам в 1935 году я говорила, сейчас вас много чего интересует, но что будет через пять лет, когда вы начнете работать, будет ли вас что-нибудь интересовать или вы станете просто скучными? Да, сказал один солдат, правильно, но, видите ли, Депрессия показала, что работа – это еще не все, у большинства-то работы не было, а если и была, то не та, какой хотелось бы, студенты колледжа дороги рыли, занимались чем попало, и так мы догадались, что можно и нужно интересоваться чем угодно, коли работы может не быть, а если есть, тогда не та, какая могла бы быть. Это, подтвердили они, сильно повлияло, они все так сказали, это несомненно повлияло очень сильно.

Да, сказал самый молодой, даже дети во время Депрессии думали так же. И все согласились, что Депрессия тут сыграла заметную роль.

Но кое-чем нынешняя и предыдущая армии схожи, великодушием, приветливостью и особенно добротой к детям.

Они все милые, добрые и заботливые люди, они внимательны к вашим нуждам, стараются сделать приятное, они поступали так в старой армии, поступают так и сейчас.

Когда люди из военной полиции устроили свое житье-бытье в железнодорожном вагоне, я часто их навещала, а как-то раз в городе одна мать обратилась ко мне с просьбой, мол, ее девятилетняя дочь каждый день молится, чтобы встретиться с американским солдатом, до сих ей это не удавалось, и мать боится, что дочь потеряет веру в молитву. Я сказала, что возьму ее дочь к американским солдатам, и взяла. Само собой, солдаты вели себя приветливо, каждый придумал, что ей подарить, конфеты, жевательную резинку, один отдал ей свой армейский знак, который они носят на пилотках, другой – образок, который благословил и вручил американским солдатам Римский Папа. Девочка была счастлива, спела солдатам старые французские песни, «При свете луны», «Добрый король Дагобер», «На мосту Авиньона».

По дороге домой я предупредила девочку, жевательную резинку жуй, но будь осторож-

на, не проглоти. Ну да, я знаю, сказала девочка. Откуда ты знаешь, спросила я, а, во время другой войны моя мама была маленькая, и американские солдаты дали ей жевательную резинку, и всю эту войну мама нам об этом рассказывала, и тут девочка благоговейно вздохнула, а теперь у меня тоже есть.

434 Все больше американцев поселяются на станции в Кюлозе, на сей раз железнодорожники, эта картина стала привычной для них и для нас. И все постоянно спрашивали, как нам удалось спастись от немцев, и постепенно от этих расспросов и вести о том, что в августе в мою парижскую квартиру навевалось гестапо, у меня развился, так сказать, посмертный страх. Я сильно испугалась. Все время, пока здесь были немцы, мы каждый день старались выжить и особо не пугались, разве только изредка что-то случалось, но сейчас из-за расспросов американских солдат и слухов о том, что случилось с другими, мы, конечно, и раньше знали кое-что, но теперь появилось время прочувствовать, и я сильно перепугалась, сейчас, когда ничего опасного не предвиделось и целая американская армия отгораживала меня от опасности. Так бывает с людьми.

Как я уже говорила, мы стали привыкать к тому, что здесь американцы, а они – к тому, что они здесь.

В первые дни, когда американская армия проезжала в своих джипах и грузовиках, американцы мне говорили, они к нам

никак не привыкнут, мы тут уже больше недели, а они по-прежнему впадают в эйфорию, будто никогда прежде нас не видели. Вы не понимаете, втолковывала я им, видя вас, они всякий раз заново понимают, что это не сон, а явь, что немцы исчезли навсегда, а вы здесь, вы здесь, а немцев нет. Каждый раз ваше появление есть очередное доказательство того, что все реально, взаправду реально, что немцы воистину целиком и полностью ушли, ушли, ушли.

435

Даже сейчас, когда присутствие американцев стало столь привычным, порой верится с трудом. Да, конечно, они и в самом деле здесь.

Сегодня вечером повстречала монахиню из Экс-ле-Бен, пришедшую навестить местных сестер, была когда-то в монастыре в Коннектикуте. Знаете, сказала она, видела сейчас американских солдат на площади, и мне прямо надо было с ними поговорить, вот просто надо.

И мы все такие, нам надо, и все тут.

Ну что ж, были еще американцы, и мы, естественно, много разговаривали, и однажды к нам зашли Эрнест Хамфри из Теннесси и наш французский друг, француз хорошо знал американскую армию 1917 года, и его тоже поразило, с каким достоинством держат себя нынешние солдаты и как они ведут беседу. Он спрашивал Хамфри об отношении американцев к Франции, о французской сельской жизни, о французских девушках и об американских мужчинах, а когда Хамфри ушел, мой

друг заметил, они теперь совсем другие, с ними так легко беседовать, с прошлой армией легко было ладить, а с этой легко беседовать, и поскольку умение вести беседу, по мнению французов, наивысший аспект цивилизации, его слова много значили.

436 Может, это заслуга кино, спросил француз, может, это оно выработало у молодых американцев такие светские качества, на нашу-то молодежь оно повлияло мало, добавил он.

Я многих расспрашивала, подолгу говорила, все соглашались, что большую роль сыграла Депрессия, все сидели по домам, поскольку денег не было и пойти было некуда, но кое-кто настаивал, что служба в армии до начала войны тоже повлияла, она как бы всех отрезвила, внушила им, что означает быть готовым. Одни говорили, что велика роль радио, оно выработало привычку впитывать информацию, а радиовикторины заставили их понять, что нет пользы от невежества, а кое-кто утверждал, что сильно помогли кроссворды.

Вывод следующий, американские мужчины наконец-то заинтересовались сами, стали интересными и общительными собеседниками, и это чертовски интересно наблюдать и слышать. Мы, естественно, часто обменивались книгами, у меня книги разнообразны, а они дали мне несколько, и две мне ужасно понравились, «Вот ваша война» Эрни Пайла

и «Командировка в Бретань» Хелен Макиннес¹²³, одну дали проезжавшие солдаты на станции, другую железнодорожники в Шамбери, дом набит книгами на английском, которые я по возможности покупала во время войны, и всякими другими книгами, интересно, что солдаты подустали от детективов, я-то люблю их больше всего на свете, но это потому, что я гораздо старше, а они любят вестерны, приключения и длиннющие американские романы. Английскую литературу не любят, говорят, не могут в нее вникнуть. Еще они дали мне книгу «Охотники за головами на Соломоновых островах»¹²⁴, которую прочли все. В прошлую войну наши знакомые толком не читали, но и тогда мне дали «Тропинку одинокой сосны»¹²⁵. Вне сомнений Депрессия на многое

123 «Вот ваша война» (Here Is Your War, 1943) американского журналиста Эрнста Пайла (Ernest Taylor «Ernie» Pyle, 1900–1945) – публицистическая книга об американских солдатах в североафриканской кампании. «Командировка в Бретань» (Assignment in Brittany, 1942) шотландско-американской писательницы Хелен Макиннес (Helen Clark MacInnes, 1907–1985) – шпионский роман о событиях Второй мировой во Франции, в 1943 г. был экранизирован американским режиссером Джеком Конвеем.

124 «Охотники за головами на Соломоновых островах» (Headhunting in the Solomon Islands: Around the Coral Sea, 1942) – книга американской художницы-портретистки Кэролайн Майтингер (Caroline Mytinger, 1897–1980) о ее поездке на Соломоновы острова в 1926–1930 гг.

125 «Тропинка одинокой сосны» (The Trail Of The Lone-

повлияла, на многое.

438

Меня попросили выступить в Лионе по французскому радио. Там на улицах я видела много американцев, однако меня возили в машине, и я не могла с ними пообщаться, но как-то вечером пошла гулять и поблизости около школы увидела большую группу американцев. Естественно, о, так естественно, мы разговорились, они были рады познакомиться, я тоже, было их человек тридцать, мы много чего друг другу рассказали. Один, бывший школьный учитель из Северной Каролины, проводил меня домой, и нам обоим было очень интересно друг с другом. Он сказал, что я права касательно различий между двумя армиями, он и сам заметил еще до того, как уехал из дома, а теперь убедился. Мы договорились встретиться вновь, но во время войны всегда трудно встречаться вновь, зачастую вообще невозможно. Я надеюсь, мы встретимся вновь.

Конечно, следует помнить, что многие солдаты, фактически большинство, уже почти два года оторваны от дома. Это долго, очень долго.

Когда я вернулась из Лиона, американцы в Кюлозе спрашивали, что я там говорила, и я отвечала, мол, объяснила французским слушателям, что представляют собой американцы, ну и что же они собой представляют, спросили американцы, и вот что я им рассказала, я им рассказала то же, что говорила в Ли-

some Pine, 1908) – роман-вестерн американского писателя Джона Фокса (John Fox Jr., 1862–1919).

оне. Им показалось интересно.

Для начала я сказала, что Америка самая старая страна в мире, потому что она первой вошла в XX век. Ее день рождения приходится на двадцатый век, когда остальные страны жили либо в XIX веке, либо столетиями раньше, а теперь все они, за исключением Германии, пытаются войти в XX век, поэтому с точки зрения XX века Америка старейшая страна, поскольку вошла в XX век в восьмидесятых годах XIX-го, когда остальные страны еще и представления не имели о том, каков будет XX век. И каков же открытый Америкой XX век? XX век обнаружил, что самые дешевые вещи надо изготавливать из лучшего материала. XIX век считал, что лучший материал пригоден только для изготовления дорогих предметов, а дешевые вещи надо изготавливать из дешевого материала. Американцы сообразили, что если хочешь выпускать вещи массово и продавать дешево, их надо изготавливать из лучшего материала, иначе не удастся выпускать их быстро, то есть серийно, потому что дешевый материал не выдержит массового производства. Америка начала жить двадцатым веком в 1880-х, когда Форд и другие промышленники наладили конвейерное производство.

Итак, сейчас Америка старейшая страна в мире, потому что ее день рождения XX столетия пришелся на 80-е годы XIX-го, задолго до того как день рождения XX века пережили

другие страны.

Об Америке надо помнить одну вещь, ей пришлось не без труда доказывать свою американскую самобытность, с чем не сталкивалась ни одна другая нация.

440 В конечном счете, всяк таков, какова его земля и воздух. Всяк таков, как небо над головой, высокое ли, низкое. Всяк таков, как ветер или безветрие. Так складывается народ, его внешность, его мышление, его проникаемость и глупость, его пища и питье, а также язык.

Мне очень понравилось, как высказался один солдат, побывавший в Англии. Он сказал: мы не очень ладили с англичанами, пока до тех не дошло наконец, что мы не двоюродные братья, а иностранцы, и как только до них дошло, все неувязки исчезли.

Проблема заключается или заключалась в том, что когда Америка стала сама собой, все или почти все умели читать и писать, поэтому самостоятельный язык не развился, как в других странах, где латинский приспособился к местным условиям, во Франции, Италии, Испании, в саксонских странах Англии и Германии, в славянских странах и так далее, в Америке, где каждый умел читать и писать, язык не адаптировался, как в странах, где в период формирования языка читать и писать не умел никто, язык не изменился, он оставался английским еще долго после того, как у американцев сложились свой

характер, свои привычки, чувства, радости и горести, не имеющие ничего общего с Англией.

Лишь единственным путем американцы могли изменить свой язык, выбирая слова, которые нравились им больше других, и расставляя их не так, как англичане, смещая язык, и теперь, когда процесс завершился, мы используем английские слова, но выражают они совершенно иное.

441

Да, в этом смысле американцы изменились, я помню американцев в той войне, у них был свой язык, но они пока им не овладели, дети Депрессии, как называет себя это поколение, начинали овладевать языком, но то еще была борьба, а теперь борьба окончена, и у американского рядового есть свой язык, о нем больше не надо беспокоиться, они властвуют над языком, и, властвуя над языком, который отныне принадлежит им одним, они покончили с отрочеством и стали мужчинами.

Когда в 1934 году я посетила Америку, меня спрашивали, считаю ли я, что американцы изменились. Я ответила, нет, куда им меняться, разве стать еще больше американцами. Нет, я вполне могла учиться в школе с любым из них.

Но все равно, вот куда они изменились, они стали бóльшими американцами, сплошь американцами, американский рядовой демонстрирует и сознает это, храни его господь.

Мы возвращаемся в Париж¹²⁷

442 Освобождение Кюлоза, департамент Эн, как и большей части Франции, произошло в августе–сентябре 1944 года. Удивительное чувство – освобождение.

На несколько месяцев мы так увлеклись своим волнением и освобождением, что и не помышляли о Париже. Да, в чернейшие дни оккупации я тосковала по Парижу, говорила, что скучаю по парижским набережным и жареной курице, по жареной курице и набережным. Сейчас я каждый день хожу по набережным Парижа, а недавно приятель пригласил нас в ресторан и угостил жареной курицей, зря, наверное, но мы съели целую курицу. Баскету, белому пуделю, достались кости. Наше освобождение таким образом закончилось, мы в Париже.

Итак, два месяца, почти три месяца в Кюлозе нас так переполняло ощущение свободы и мы столько разговаривали с людьми, переживавшими то же самое, что почти забыли

126 Это дополнение Стайн подготовила для издания книги лондонским издательством В. Т. Batsford, Ltd, 1945.

о возвращении в Париж, а потом задумались, не вернуться ли, и принялись писать знакомым, спрашивать, выживем ли мы, если вернемся. Одни ответили да, другие ответили нет. Одни писали, что нет света, нет продуктов, нет газа, кругом темень и тоска, другие – что атмосфера приятная, правда, нет продуктов, но хватает газа и света, третьи – что хватает и продуктов, и всего остального, и наконец, нам написали, что в августе 1944 года в нашей квартире побывали гестаповцы, в каком состоянии квартиры, никто не хотел говорить, и нас охватила паника. Было от чего паниковать.

443

Всю войну меня не покидало суеверие, я не хотела, чтобы мне напоминали о парижской квартире, о том, что в ней, казалось, так спокойней, и наконец нам написали, что квартира в целости, только ужасно грязная, а потом кто-то договорился с приятным русским эмигрантом, который прежде убирал нашу квартиру, когда мы возвращались из Билиньина, и запирал, когда мы уезжали, он, по-видимому, сумел пережить бурное время и начал приводить нашу квартиру в порядок, через три недели она будет в отличном состоянии, как всегда, и тогда мы решились вернуться в середине декабря. Было холодно, половодье, пришлось заказать фургон и такси, работающие на древесном угле, и надо было паковать, а мы не знали, забирать ли накопленное за пять лет или все раздать, и в итоге решили взять почти все, так и сделали, и удачно.

Мы должны были уехать в такси первыми, то есть в полночь, а фургон позже, то есть на заре, так мы и сделали.

В полночь мы покинули наше деревенское жилище, для нас война закончилась, мы были на пути в Париж, признаём ли его, каков он?

444 Военных действий в середине декабря уже не было, но были паводки, и нам выпало первое неодолимое препятствие, по обычной дороге в Бург не проехать, поэтому водитель решил ехать в Нотевиль, через горный перевал, а затем уж без хлопот катить в Бург. Была ночь, мы взбирались выше и выше, но вскоре на земле появился снег, водитель вылез из машины, машина двигалась, а водитель бежал за ней, пританцовывая, и толкал. Это было странно, и нам было странно, а затем автомобиль остановился, толкать дальше стало бессмысленно, водитель сказал, что даст задний ход, и я испугалась, вылезла из машины и пошла пешком, но остальные, не привычные водить автомобиль, не испугались, и водитель дал задний ход в снегу, в полуночной темноте. Это было странно, мир страннее войны. Уже в Париже я опрашивала многих водителей-американцев, поехали бы они задним ходом три километра по извилистой дороге, ночью, по снегу, и они отвечали, что предпочли бы обойтись. По крайней мере, мы вернулись туда, откуда начали, и решили направиться в Лион, дорогу окутал туман, тоже было странно, все было странно, и странно, что мы не спали и не бодрствова-

ли. Я подбадривала себя запасами из американского солдатского пайка. Рацион вполне надежный – галеты, сахар, конфета со вкусом лимона, – очень утешительно.

Время от времени шины, а это были эрзац-шины, и езда задом по снегу им на пользу не пошла, так вот, каждый час или два они лопались, у водителя был только допотопный домкрат, путешествие все затягивалось, и пока мы добрались до Фонтенбло, снова наступила ночь.

445

Было некое таинство в путешествии по дорогам, которыми я сама так часто ездила; вполне естественные дороги, все, как ни удивительно, в целости, все участки и повороты, которые я так хорошо помнила, вот только теперь меня везло такси на древесном угле, а подкреплялась я солдатскими пайками. Вот и вся разница.

Время шло к ночи, мы всё приближались и уже засыпали, когда нас остановили. Трое бойцов F. F. I. без оружия и одна женщина с винтовкой за спиной. Мы к такому не привыкли. Они попросили документы у водителя и, удостоверившись, что бумаги в порядке, обратились ко мне. Я американка, сказала я. «Ну, – ответили они, – тут есть и немцы». «Но не мы», – возмутилась я и протянула свои документы. «Ладно», – сказал проверяющий и заглянул на заднее сиденье, где расположилась Элис Токлас и девочка-служанка, которую мы взяли с собой из деревни. Мисс Токлас с достоинством сказала, что она американка,

и указала на служанку. Девочка проснулась и сказала: «Месье, я из савояров». «Ах вот оно что, – сказал он. – А все эти узлы?». «А, – сказала я, – это мясо, масло, яйца. Не трогайте их, они тщательно упакованы. Нам этого хватит в Париже на неделю». «А эта большая штуковина?» – спросил он. «А это, – решительно отвечала мисс Токлас, – картина Пикассо, не трогайте ее!». «Поздравляю», – сказал Ф. Ф. I. и взмахом руки нас пропустил.

Вскоре показались ворота Парижа, вправду ли? Да, это они, те же, что и прежде, и я разволновалась и сказала водителю, куда ехать, но ошиблась, естественно, и мы сворачивали туда, сворачивали сюда, пока я наконец не увидела статую Бельфорского льва и бульвар Распай, тут уж мы не могли спутать, это наверняка Париж, стояла темень, но мы все-таки выбрались на рю Кристин, и вылезли из машины, и вошли в квартиру. Да, она осталась прежней, еще красивее, но прежней.

Все картины были на месте, вся квартира тоже, везде чистота и красота. Не успели мы осмотреться, как набежали люди, консьержка, муж прачки с нижнего этажа, секретарша нашего домовладельца, переплетчик, все прибежали поздороваться и наперебой рассказывали о том, как приходили гестаповцы; на двери еще осталась их печать.

Я не хотела знать, знать страшно, но я должна была узнать, и оказалось интересно. Как бы там ни было, квартиру не трогали, она в таком

районе и у нее такой подъезд, что не заподозришь приличную квартиру, и расположена она не на рю де Флёрюс, упомянутой в «Автобиографии Элис Б. Токлас», но каким-то образом в августе 1944 года гестапо о ней дозналось. Вломились сюда. Секретарша домовладельца, у которого внизу переплетная мастерская, услышала шаги наверху. Она заподозрила, что это гестапо, но проверять не пошла, а позвонила в отделение французской полиции и сообщила, что в дом влезли грабители. Явились двадцать французских полицейских, и все поднялись в квартиру посмотреть. И впрямь оказалось гестапо. Французские полицейские попросили у них документы, и документы оказались не в порядке. Гестапо не имело право вторгаться в квартиру, и полиция, расхрабренная в августе 1944 года, велела им убираться, и они ушли, помахав моей фотографией и пообещав меня найти. Ключи от квартиры они прихватили с собой, на что никто не обратил внимания, и на завтра в полдень, пока никого не было, вернулись, забрали постельное белье, одежду, туфли и кухонную утварь, тарелки, покрывала и подушки, но не тронули ни картин, ни мебели, ничего, как ни странно, не сломали, а затем секретарша вызвала слесаря поменять замок, и все.

На этом история закончилась, очень страшно, но квартира была прелестна, все сокровища на месте, и мы отправились спать, довольно-таки напуганные, еще сонные, не ощущая

ни холода, ни жары, еле теплые, но в целом очень довольные.

Назавтра было завтра, и я начала со слов: «Сколько дней в неделе». Так приятно.

448 Я гуляла и гуляла с Баскетом, моей собачкой, я по-прежнему гуляю, моя собачка и я. Первым делом, не считая самого чуда Парижа, меня поразило множество собак, многие крупные и не очень молодые. Я принялась всех об этом расспрашивать. Здесь, как и в деревне, я вступаю в разговор с каждым, такова одна из приятных особенностей Парижа. Мы говорили о собаках, и мне все объяснили – так или иначе, люди продолжали держать собак, иногда рестораны делились остатками, иногда мясник подбрасывал кости, а если ваша собака любимица соседей по улице, можно было выставить корзинку, и жители отдавали объедки, так или иначе, собаку сохраняли. Я все гуляла и гуляла и продолжаю гулять, Париж так хорош. Уже дважды я возвращалась к нему, спасенному и прекрасному. Накануне прошлой войны мы были в Лондоне, вернулись в Париж в 1914 году, вернулись лунной ночью, и он предстал нам, прекрасный и спасенный, и на сей раз, хоть здесь и побывали немцы, он прекрасен и спасен.

Нас в нетерпении ожидал Пикассо. Он появился наутро после нашего возвращения, и мы были очень тронуты, обнялись и все твердили: «Чудеса, чудеса», – все сокровища нашей

юности, картины, рисунки, предметы обихода, всё на месте.

Я уже заподозрила, что пережитый кошмар был дурным сном, это все неправда, мы просто уехали на лето и вернулись. Каждая лавочка на месте, и хозяйева те же, грязные лавки остались грязными, а те, что до войны были чистыми, по-прежнему чистые, на месте все антикварные лавки, а в них тот же товар, потому что каждая лавка торгует специфической разновидностью антиквариата; всё на месте и, по-моему, чуть ли не с тем же ассортиментом. Чудеса, да и только.

449

Я все гуляла и гуляла, и меня все больше поражала архитектура, сильнее, чем прежде; она перестала быть фоном, превратилась в реальность. Я поняла, что архитектура создана для тех, кто ходит пешком, вот для кого творят архитектуру. Всё вокруг, включая набережные Сены, было прекрасно.

Встречались и странности; странные люди эти немцы. Они снесли одни статуи, а другие не тронули, оставили, как ни удивительно, бронзовую статую Лафайета, подаренную американскими школьниками, оставили громадную статую короля Альбера со всеми надписями касательно прежней войны и, что самое необычное, не тронули резную надпись на арке с лошадьми наверху в Тюильри: «Когда раздался глас победителя Аустерлица, Германская империя умерла». Определенно странные люди эти немцы.

И еще солдаты, что вечно бродят, бродят по улицам города, выкидывая разные фокусы. На днях я видела, как один солдат разглядывал отражение Лувра в стеклянной витрине. Он уверял, что так ему лучше видно. Я с ними разговариваю, мне кажется, им это в охотку, мне-то точно. Вначале я немного колебалась, но понапрасну, у всех полно свободного времени; ну конечно, если приходится столько гулять, у тебя наверняка полно свободного времени. Итак, мы в Париже, да, мы вернулись. Как часто Париж спасали, как часто. Да, я гуляю по Парижу, мы все гуляем по Парижу с утра до ночи, и по ночам тоже. Каждый гуляет по Парижу, и это очень приятно. Сколько радостных дней в неделе? Очень много, по счастью, очень много.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «KOLONNA PUBLICATIONS»/
МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ**

ГЕРТРУДА СТАЙН

АВТОБИОГРАФИЯ КАЖДОГО

Окрыленная успехом «Автобиографии Элис Б. Токлас», Гертруда Стайн решила написать сиквел: «И вот приходит время, когда я могу рассказать историю моей жизни». «Автобиография каждого» вышла в 1937 году и прежде не переводилась на русский язык. Стайн подробно рассказывает о своей юности, об отношениях с братом. Но особенно ее волнует трансформация собственной личности, случившаяся после выхода «Автобиографии Элис Б. Токлас». Детально описана поездка в США, перемены, происшедшие с Америкой за тридцатилетнее отсутствие Стайн. «Автобиографию каждого» Стайн заключает словами: «Быть может, я – это не я, даже если меня не укусит собака моя, но, так или иначе, мне нравится то, что у меня есть, а сейчас – сегодня».

БАРОН КОРВО

ТО, ЧТО РАССКАЗАЛ МНЕ ТОТО

Впервые на русском языке публикуются сочинения славившегося своей эксцентричностью Фредерика Роуфа (1860–1913), в том числе знаменитые «Венецианские письма», посвященные красоте каналов, гондол и юных гондольеров.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «KOLONNA PUBLICATIONS/
МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ**

452

РОНАЛЬД ФИРБЕНК

ИСКУССТВЕННАЯ ПРИНЦЕССА

Рональд Фирбенк (1886–1926) проводил свои дни в изысканной неге. Романы он сочинял на почтовых открытках в украшенных цветами номерах отелей. Его передвижения по миру были непредсказуемыми. «Завтра отправляюсь на Гаити. Говорят, президент там Настоящий Душка!» – сообщила телеграмма, которую получил от него приятель. На торжественном ужине, устроенном в его честь, патологически пугливый писатель решился проглотить лишь одну горошину. Он почитал слово «отдохновенный» и все книги, которые ему нравились, называл отдохновенными. В серии *Creme de la Creme* впервые по-русски: два романа Рональда Фирбенка и Фирбенкиана – воспоминания друзей писателя о его причудах.

ФРАНСУА САНТЕН

УБИЙЦА И ЕГО ПАЛАЧ

Близкий друг Жана Жене Франсуа Сантен (1920–2010) рассказывает запутанную историю казненного в 1939 убийцы Мориса Пилоржа, которому Жене посвятил поэму «Смертник», и палача Анатоля Дейблера, внезапно скончавшегося по дороге на казнь Пилоржа.

ЭРВЕ ГИБЕР

453

МАЛЬВА-ДЕВСТВЕННИК

Не сам ли Гибер скрывается за этими странными персонажами, меняющими имена и предстающими в образах юного девственника, пылкого любовника, жертвы землетрясения или ученика, провожающего великого философа до могилы? Наверняка не скажешь, поскольку на страницах книги есть и три женских портрета: консьержки Мэме Нибар, которую преследуют невероятные несчастья, лукавой директрисы музея восковых фигур и молоденькой соседки, бросающей игру на пианино. В этой книге Гибер говорит без утайки, рассказывает всё о себе и других, то, о чем все думают и чего говорить не следует, и порой это даже больше, чем чистая правда.

ЖИЛЬ СЕБАН

ДОМОДОССОЛА. САМОУБИЙСТВО ЖАНА ЖЕНЕ

В итальянском городе Домодоссоле весной 1967 года Жан Жене пытался покончить с собой в гостиничном номере. 12 февраля 2007 года моего юного любовника арестовали без документов и посадили в тюрьму в Нидерландах. Два этих события соединились в сознании и стали меня преследовать.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «KOLONNA PUBLICATIONS/
МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ**

454

ПЬЕР ГИЙОТА

КНИГА

Пьер Гийота пишет «Книгу» с 1977 по 1979. В это время он погружается в глубочайший психологический кризис. Центральная тема «Книги» – проституция – больше не привязывается к месту и времени, а пронизывает все континенты и эпохи. Гийота вводит телесные реакции в саму структуру языка, где трансформации подвергается лексика, синтаксис, грамматика, пунктуация, спряжения глаголов. Литературный опыт Гийота близок к творчеству Антонена Арто, мечтавшего о том, чтобы поэтический язык был «чем-то средним между жестом и мыслью», «речью, запечатленной до ее словесного оформления».

ГАБРИЭЛЬ ВИТТКОП

ВЕЧНЫЙ АЛЬМАНАХ ГАРПИЙ

Гарпии вездесущи и всегда настороже, так что нам от них не ускользнуть. Они стары, как небо, и стары, как смерть. Гарпии – образ пожирающей Матери, космического существа, которое глотает и извергает в одном вечном двойном движении. Поэтому они родственны бородатым сиренам, богиням-змеям, изрыгающим большие реки, божест-

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «KOLONNA PUBLICATIONS»/
МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ**

вам хтонических глубин. Если вам снится, что вы едите печень гарпии, вы скоро умрете. 455

ЭРКЮЛИН БАРБЕН

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

ПЕТЕР НАДАШ

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ

Петер Надаш (р. 1942) – прозаик, драматург, эссеист, широко известный за пределами Венгрии. В последние годы неоднократно фигурировал в числе основных претендентов на Нобелевскую премию по литературе. Роман «Книга воспоминаний» вышел в 1986 году после битвы с цензурой. «Величайшим романом современности и одной из самых великих книг XX века» назвала его Сьюзен Зонтаг.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «KOLONNA PUBLICATIONS/
МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ**

456

ДЖЕРЕМИ РИД

В ПОГОНЕ ЗА ЧЕРНЫМИ РАДУГАМИ

Знаменитый английский поэт реконструирует последние годы жизни Антонена Арто. В книге переплетаются монологи самого Арто, его психиатра Гастона Фердьера, жены Генри Миллера Джун и нимфоманки Дениз, которую Арто встретил в психиатрической больнице Родез в годы Второй мировой войны. Пятый персонаж романа, писательница Анаис Нин, повторяет историю своих увлечений, рассказанную в исповеди «Инцест».

Юлия Кисина

УЛЫБКА ТОПОРА

Москва – город будущего. Мерцающие хвосты черных комет, уходящие в небо – это знаменитые нефтяные фонтаны. По черным каналам плавают атомные субмарины и электрические гондолы. Жители этого города ходят, отсасывая у себя на ходу с легкостью индийских йогов. В небоскребы и тротуары вмонтированы настоящие бриллианты. Вместо Кремля – огромный бублик Большой Православной Мечети. Так представляет себе Россию будущего Юля Кисина. А перед вами ее книга о прошлом, которое агрессивно и хищно врза-

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «KOLONNA PUBLICATIONS»/
МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ**

ется в наше культурное тело, разрушая иллюзии о правдоподобию лучшей жизни. 457

ГЕРАРД РЕВЕ

ПИСЬМА МОЕМУ ВРАЧУ

С 1963 по 1980 г. Герард Реве переписывался с врачом Яном Гротхёйзе, который помогал ему преодолеть депрессию, вести борьбу с Королем Алкоголем, лечил Реве и его милых мальчиков от различных недугов, а позднее стал психоаналитиком. Спиртное, религия и смерть – темы, которые доминируют в письмах Реве. Гротхёйзе опасался, что писатель наложит на себя руки, однако покончил с собой не пациент, а врач.

Джослин Брук

ЗНАК ОБНАЖЕННОГО МЕЧА

Конец 1940-х годов. Европа ждет новой мировой войны. Рейнард Лэнгриш, скромный банковский клерк, втягивается в таинственную систему военных учений и против своей воли становится бойцом непонятно с кем сражающейся армии. Его однополчане носят знак обнаженного меча на предплечье. Но началась ли война или это темные иррациональные силы испытывают рассудок героя?

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications» можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo», ул. Солянка, д. 1/2, стр. 1

в *Санкт-Петербурге*:

«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор
«Мы», Невский проспект, д. 20

через *Интернет*:

«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Лабиринт» labirint.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине*:

«Либра» librabook.com.ua